

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2017**

1

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор
А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики)
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, профессор
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор
Г.С. Денисова – доктор социологических наук, профессор
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор
В.С. Савчук – кандидат исторических наук, доцент
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор
Е.А. Шинкаренко – редактор отдела журнала
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Кубанский государственный университет путей сообщения, Кубанский государственный университет, Кубанский государственный университет, Ростовский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет, Северо-Осетинский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 03.04.2017.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 14,41.
Тираж 250 экз. Заказ № 5718

Адрес редакции и издателя (для переписки):

**344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru**

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - the Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of Historical Sciences, Professor
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor
A.P. Gorbunov - Candidate of History, Doctor of Economics, Professor
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor
V.Yu. Apryshchenko - Doctor of History, Professor
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor
G.S. Denisova - Doctor of Social Sciences, Professor
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor
V.S. Savchuk - Candidate of History, Associate Professor
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor
E.A. Shinkarenko - Editor-in-Card
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State Linguistic University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print 04.03.2017.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 12.55. Publ. sign. 14.41.

Edition 150 copies. Order number 5718

Address editorial board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати*

*Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.*

*Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (193) 2017 г.*

Reg. No. 011018

*Of the Russian Federation Committee
for the Press*

*Educational-research journal
of applied sciences
Published since 1973.*

*4 issues per a year
No. 1 (193) 2017*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Алексеев И.Н. Содержание теоретической модели становления и развития профессионально-педагогической субъектности личности.....	4
Бичеев Б.А. Сотериология буддизма в текстах неканонического содержания («История Царя Унекер Торликту»).....	9
Дымченко М.Е. Архитектура в контексте культуры: специфика готической архитектуры в концепции Э. Панофского	14
Лустин Ю.М. Социально-философские основания концептуализации типологии личности.....	19
Сарикек Г.Р. Индивидуальность и самоидентификация в обществе комфорта.....	26
Сухоруков М.М. «Почва» и судьба России в диалоге Ф.М. Достоевского и Н.Н. Стрехова.....	31

Alekseenko I.N. The Contents of Theoretical Model of the Formation and Development of Individual's Professional and Pedagogical Subjectivity	4
Bicheev B.A. The Soteriology of Buddhism in the Texts of Non-canonical Content ("The History of King Unecer Torlictu").....	9
Dymchenko M.E. Architecture in the Context of Culture: the Specificity of Gothic Architecture in the Concept of E. Panofsky.....	14
Lustin Yu.M. Socially-philosophical Background of Conceptualization of the Notion of Personality.....	19
Sarিকেk G.R. Individuality and Self-Identification of Individual in the Society of Comfort.....	26
Sukhorukov M.M. «Native Soil» and the Fate of Russia in the Dialogue of F.M. Dostoevsky and N.N. Strakhov.....	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Виденкина К.А. Князь М.М. Щербатов о порядке занятия русского престола в Смутное время	37
Глушко А.Н. Из истории развития Национальной компании французских железных дорог SNCF во второй половине XX века.....	42

Videnkina K.A. Duke M.M. Shcherbatov About Order to Take the Russian Throne in the Time of Troubles	37
Glushko A.N. From the History of the Development of the National Society of French Railways SNCF in the Late 20 th Century	42

Го Ян. Поездка Чан Кайши в СССР во главе делегации д-ра Сунь Ятсена (1923) и ее влияние на события в Китае и взаимоотношения между странами	47
Казаров С.С. Первый нахичеванец на военной службе России	53
Шандулин Е.В. Роль А.В. Луначарского в реформировании Донского университета в начале 1920-х годов.....	57

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васьков М.А., Тлисов А.Б., Змияк С.С., Тяглов С.Г. Трансформация российской институциональной системы местного самоуправления в условиях кризиса: экономико-социальные последствия и актуальные тенденции развития.....	62
Иваночкина Т.А. Моделирование эволюции региональных кластеров на основе их синергетической природы.....	71
Макаренко Т.В. Перспективы стандартизации управленческого учета активов в коммерческой организации.....	77

ЛЮДИ ЭПОХИ

Кислицын С.А. Ю.А. Жданов как историк (навстречу 100-летию со дня рождения)	85
--	----

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Паламарчук Е.А., Януш С.В. Алексей Алексеевич Аникеев – ученый, педагог, организатор (к 75-летию со дня рождения).....	94
---	----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Денисов В.В., Крючков А.Б. <i>Черкасов А.В.</i> История мореплавания : учебно-методическое пособие для самостоятельной работы курсантов высших морских учебных заведений. Ялта; Севастополь, 2015. 170 с.	96
Драч Г.В. Генетика культуры (Культурогенез и культурное наследие : материалы III и IV Российского культурологического конгресса / сост. А.В. Бондарев. М.; СПб., 2014. 639 с.)....	98
Сень Д.В., Шалак М.Е. <i>Непомнящий А.А.</i> История и этнография Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь, 2015. 936 с. ...	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белопольская Е.В. Дни памяти Ф.М. Достоевского в Ростове-на-Дону (9–11 февраля 2017 г.)	105
Тажидинова И.Г. Всероссийская научно-просветительская конференция «Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия» (XXX Адлерские чтения) (г. Адлер, 7–11 октября 2016 г.).....	107

Guo Yang. The Trip of Chiang Kai-shek in the Soviet Union, Headed the Delegation of Dr. Sun Yat-sen (1923) and Its Impact on the Events in China and the Relationship Between the Two Countries.....	47
Kazarov S.S. The First Nakhichvanean on Military Service in Russia.....	53
Shandulin E.V. The Role of A.V. Lunacharsky in the Reform of the Don University in the Beginning of 1920-ies	57

ECONOMIC SCIENCE

Vaskov M.A., Tlison A.B., Zmiyak S.S., Tyaglov S.G. Transformation of the Russian Institutional Local Government System in Crisis: Economic and Social Consequences and the Development Trends.....	62
Ivanochkina T.A. Modelling of Evolution of Regional Clusters Based on Their Synergetic Nature	71
Makarenko T.V. Prospective of Assets Management Accounting Standardization in Commercial Organizations	77

PERSONS OF THE ERA

Kislitsyn S.A. Yu.A. Zhdanov as a Historian (Towards the 100th Anniversary of His Birth)..	85
---	----

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Palamarchuk E.A., Yanush S.V. Aleksey Alekseevich Anikeev - Scientist, Teacher, Organizer (On the 75th Anniversary).....	94
---	----

BOOKS REVIEW

Denisov V.V., Kryuchkov A.B. <i>Cherkasov A.V.</i> Maritime History: Textbook (manual) for Individual Work of Students of Higher Maritime Training Institutions. Yalta; Sevastopol, 2015. 170 p.	96
Drach G.V. Genetics of Culture (Cultural Genesis and Cultural Heritage: Materials of the III and IV Russian Culturology Congress / comp. A.V. Bondarev. M.; St. Petersburg, 2014, 639 p.)	98
Sen D.V., Shalak M.E. <i>Nepomnyashchiy A.A.</i> History and Ethnography of Crimea: Bibliography and Archives (1921-1945). Simferopol, 2015. 936 p. ...	103

SCIENTIFIC LIFE

Belopolskaya E.V. Memory Days of F.M. Dostoyevsky in Rostov-on-Don (February 9-11, 2017)	105
Tazhidova I.G. All-Russian Scientific and Educational Conference "Personality. Society. State. Problems of Development and Interaction "(XXX Adler Reading) (Adler, October 7-11, 2016).....	107

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 101.1:316

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-4-8

СОДЕРЖАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

© 2017 г. И.Н. Алексеенко

THE CONTENTS OF THEORETICAL MODEL OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL'S PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL SUBJECTIVITY

I.N. Alekseenko

*Алексеенко Иван Николаевич –
Донской педагогический колледж,
кандидат педагогических наук,
заместитель директора
по учебно-производственной работе,
ул. Ленина, 92, г. Ростов-на-Дону, 344023, Россия.
E-mail: donpedcollege@donpac.ru*

*Ivan N. Alekseenko –
Don Pedagogical College,
Candidate of Pedagogic Science,
Deputy Director on Educational
and Practical Work,
Lenina St., 92, Rostov-on-Don, 344023, Russia.
E-mail: donpedcollege@donpac.ru*

Описаны структурные варианты профессиональной субъектности, включающие, с одной стороны – как мотивационно-потребностный, так и действенно-реализационный аспект, с другой стороны – ценностно-смысловые и креативно-действенные компоненты. Представлены критерии профессиональной субъектности личности: гносеологический, праксиологический, аксиологический, на основе которых определяется качество становления и развития субъектности личности. Раскрыт механизм интеграции профессиональной культуры личности как атрибута ее общей культуры. Взаимосвязь между этими компонентами раскрыта на основе идентификации личности с миром культуры вообще и профессиональной в частности. Описано содержание профессионально-педагогической культуры специалистов в сфере образования. Рассмотрение этого явления представлено посредством интерпретации системной организации сознания и психики человека. При этом выделены компоненты искомого вида культуры педагога: профессиональное мышление, профессиональная компетентность, совокупность которых, обеспечивает целостность развития педагога как субъекта.

Ключевые слова: *культурно-образовательное пространство, личностное культурно-образовательное пространство, субъектная образующаяся личность, субъектная позиция личности, субъектная профессионально-педагогическая позиция.*

Structural options of professional subjectivity, including motivational-requirements and effective implementation aspect on the one hand, and holistically meaningful and creative-effective components on the other hand are described. The criteria of the individual's professional subjectivity are presented: epistemological, praxiological, axiological, on the basis of which the quality of the formation and development of person's subjectivity are determined. The mechanism of integration of person's professional culture as attribute of general culture is revealed. The interrelationship between these components is disclosed on the basis of identification of person with the world of general and professional culture. The content of professional pedagogical culture of specialists in education is described. Consideration of this phenomenon is presented through the interpretation of the systemic organization of consciousness and the human mentality. Components of the desired teacher's culture are selected: professional thinking, professional competence, the combination of which ensures the integrity of the development of the teacher as subject.

Keywords: *cultural and educational field, personal cultural and educational field, subjective formation of individual, subjective position of the individual, subjective professional and pedagogical position.*

Содержание теоретической модели в рамках предложенного акцента представлено методологической составляющей базисного определения субъектности, обоснованием культурной парадигмы образования и теоретическим анализом состояния и тенденций трансформации педагогического образования, а также изложением сущности культурно-образовательного пространства с его специфическими условиями реализации возможностей познавательно-развивающей парадигмы.

Каждый из этих компонентов, безусловно, выступает в качестве содержательного фактора конструирования теоретической модели субъектно-ориентированного образовательного процесса, результатом которого является становление и развитие профессионально-педагогической субъектности в системе высшего педагогического образования [1]. Однако здесь необходимо напомнить как минимум три рода обстоятельств, без учета которых выход на целостную модель, связующую все компоненты, обоснованные в исследовании в рамках субъектного подхода, не принесут необходимого результата [2, с. 205–219].

Во-первых, речь идет о том, что когда рассматривается теоретическая модель, то это связано с диалектикой «должного» и «сущего». Разрешение противоречия между ними и является движущей силой такой трансформации системы педагогического образования, результатом которой станет высокопрофессиональный педагог, наделенный качеством субъекта [3].

Следовательно, в содержательной составляющей теоретической модели свое определяющее значение в качестве отдельного фактора должна занимать педагогическая реальность, точнее, реальность педагогического труда [4, с. 21]. В социально-философской предметности она имеет свою форму выражения. К примеру, одно из таких явлений, характеризующих педагогическую ситуацию, нашло отражение в работе западного специалиста М. Фуллона.

Опираясь на результаты, полученные в исследованиях, проведенных М. Хуберманом, он привел факторы, профессионально определяющие специфику профессионально-педагогического действия в условиях конкретной педагогической ситуации, назвав этот эффект как «давление классной комнаты». По сути дела это специфика педагогического труда, которая заключается в следующем:

– в необходимости действовать немедленно и конкретно в силу того, что учителя ежегодно участвуют в 200 000 ситуаций обмена мнениями, идеями,

большинство из которых спонтанны и требуют немедленного решения;

– давлении многомерности и одновременности, отражающем профессиональную потребность в одновременном выполнении целого ряда разнопредметных по характеру деятельности и ее объекту операций;

– необходимости адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и порождаемой этим непредсказуемости, поскольку педагогическая ситуация отличается нестабильностью, и то, что хорошо срабатывает однажды, может не сработать в каждый следующий раз;

– необходимости личного участия, которое заключается в том, что успешность образовательного процесса зависит от развития и поддержания личностных отношений с учащимися, поскольку для большинства учеников значимое взаимодействие предшествует учебной деятельности [5, с. 35].

По сути своей такие характеристики призваны уточнить те стороны профессионально-педагогической субъектности, которые приходят только вместе с погружением в реальную деятельность и упреждающе могут корректировать содержание теоретической модели путем перераспределения значимости определенных ценностей, посредством которых личность «оснащает» себя соответствующими способностями [6, с. 35].

Во-вторых, в соответствии с принципами социокультурного проектирования, представленными в их трехуровневом измерении, теоретическая модель профессионально-педагогической субъектности как ориентира социокультурного проектирования образовательного процесса может выступить таковой (в качестве ориентира) только в том случае, если она логически свяжет все компоненты, в частности условия и факторы. С этой точки зрения необходимо, соблюдая содержательную диффузию, во взаимодействии как условий, так и факторов, четко соблюдать их структурно-смысловое различие [7, с. 22–26]. С одной стороны – условия. Они представлены взаимодействием культурно-образовательных пространств, в которых протекает образовательный процесс, направляемый в рамках социально-педагогического влияния посредством средовых характеристик, логически выстроенной системы обстоятельств и образовательных ситуаций. С другой – факторы, судя по которым можно определить исходную причину, движущую силу и вектор изменений субъектов образовательного движения и обеспечить их влияние на систему сложившихся отношений и деятельностей.

В-третьих, необходимо выстроить систему структурно-функциональных связей всех элементов модели процесса становления и развития профессионально-педагогической субъектности [8], оптимально обеспечивающих получение конечного результата [9] от зарождения профессиональной субъектности как феномена самоопределения в границах ценностно-смыслового пространства самоосуществления личности посредством выявления значимого для нее во всех сферах жизнедеятельности до самоосуществления идеи непрерывности развития субъекта профессиональной педагогической деятельности [10, с. 158], сущность которой заключается в том, что она и является высшим измерением качества профессиональной субъектности для педагога.

Таким образом, теоретическая модель становления и развития профессионально-педагогической субъектности, которая может стать ориентиром социокультурного проектирования адекватного по смыслу и содержанию образовательного процесса, будет выглядеть следующим образом:

1. Культурно-образовательное пространство профессионального становления и развития образующейся личности:

а) искусственно организованное пространство со-бытийного взаимодействия субъектов отношений и деятельностей в их образовательном движении, системно представляющее все основные сферы жизнедеятельности социализирующейся личности;

б) атрибутивные характеристики культурно-образовательного пространства:

– свобода ценностно-смыслового жизненного самоопределения;

– свобода выбора и принятия решений о своем месте и роли в культурно-образовательном пространстве;

– свобода выбора основного вида деятельности, содержания и формы как самовыражения на основе внутренней мотивации;

– возможность построения диалоговых отношений как способа осуществления коммуникативного социокультурного механизма всех взаимодействий в пространстве;

– возможность «социальных проб» – интенсивного и разнопланового исполнения различных социально обусловленных ролей;

– полнота и доступность информации о возможностях самого пространства;

в) социокультурный механизм интеграции образующейся личности в пространство культуры, осу-

ществляемой за счет смысло-направленного и свободного развертывания ее сущностных сил в единстве потребностей, способностей и деятельности в форме субъектно-развивающей социализации.

2. Личностное культурно-образовательное пространство самоопределения образующейся личности:

а) личностно выделенная целостность отношений и деятельности, понятая и принятая внутренним миром личности и определяющая индивидуально выстроенную часть общего культурно-образовательного пространства как пространства реализации личностной идентичности (в том числе и профессиональной);

б) атрибутивные признаки личностного культурно-образовательного пространства:

– определение личностно значимой ценностно-смысловой сферы;

– поиск и утверждение меры свободы и ответственности, адекватные динамике изменяющегося окружающего мира;

– присвоение диалога как оптимальной формы субъект-субъектных отношений;

– сознательное ограничение базисных интересов как стартовой основы своего развития;

в) социокультурный механизм присвоения возможностей культурно-образовательного пространства в форме сознательно проектируемой субъектно-ориентированной социализирующей индивидуальной траектории как способа реализации личностно-значимых и социально-обусловленных потребностей, способностей и деятельности образующейся личности.

3. Субъектная образующаяся личность:

а) личность как становящийся субъект отношений и деятельности, определяемых формируемым ею на основе принятых ценностно-смысловых ориентиров личностно-значимым контуром, предполагающим единство субъектности и субъективности, культурного содержания и субъективной способности, представляющими определенную стабильную целостность;

б) атрибутивные признаки, характеризующие субъектную личность:

– автономность как способность и готовность на основе четко оформленных и реализуемых представлений о смысле жизни и границах свободы отношений и действий проектировать собственные жизненные смыслы и воплощать их в действительности;

– иницирующая активность как способность и готовность к позитивному преодолению нормативно установленных границ отношений и деятельности;

– целостность как способность и готовность удерживать всю сферу собственной жизнедеятельности на единой ценностной основе, определяющей единство способов, средств и результата;

– когнитивная мотивированность как способность и готовность выстраивать взаимодействие с окружающей действительностью на познавательной основе;

– преобразовательная способность;

– креативность как способность и готовность свободно действовать в ситуации неопределенности;

– конструктивная рефлексивность как способность и готовность к ответственной саморегуляции;

– самоценность;

в) социокультурный механизм движения личности к обретению исходного специфического качества субъектности – *самоопределения*, осуществляемого на основе само-понимания, само-актуализации, само-реализации, само-утверждения, само-организации, само-регуляции, само-развития и самооценки.

4. Субъектная позиция личности:

а) стабильно определенное ценностно-смысловое и духовно-нравственное ядро, включающее «Я-концепцию» и обеспечивающее сохранение качества целостности, детерминирующее всю систему отношений и деятельности личности во всех значимых сферах взаимодействия с обществом, любыми его элементами и его отдельными представителями;

б) атрибутивные признаки субъектной позиции как имманентной составляющей жизненной позиции личности:

– четко осознаваемый смысл жизни, определяющий иерархию системы ценностей;

– инициативная активность преобразовательного характера (включая преобразование самого себя);

– свободный выбор целеполагания (избирательная направленность) в отношениях и действиях;

– высокий уровень ответственности за результат осуществленного выбора;

– креативность как способ деятельности в неопределенной ситуации;

– рефлексия характера собственных отношений и деятельности в контексте их коррекции;

в) социокультурный механизм выработки и самоосуществления субъектной позиции опирается на обеспечение самосохранительного системного качества с функцией поддержания гомеостатичности, устойчивости.

5. Субъектная профессионально-педагогическая позиция как имманентная составляющая субъектной позиции личности:

а) избранные, системно организованные и внутренне принятые социально-профессиональные нормы и ценности как ориентиры регуляции деятельности в профессионально-педагогической сфере;

б) признаки субъектной профессионально-педагогической позиции:

– включенность профессионально-педагогического развития в контекст смысло-жизненных планов;

– отношение к другому человеку как к самоценности, понимание и принятие Другого;

– идентификация инициативной, конструктивно-преобразовательной активности с самореализацией в педагогической деятельности;

– стремление к «невоспроизводимости» педагогической деятельности «по образцу»;

– саморегулирование профессиональной деятельности на основе внутренне принятых критериев ее понимания;

– рефлексивное обеспечение профессионально-педагогического саморазвития;

в) социокультурный механизм выработки и самоосуществления субъектной профессионально-педагогической позиции опирается на самомотивированное стремление образующейся личности к обретению профессионально необходимой компетентности на основе освоения нового профессионально-педагогического опыта путем включения в реальную образовательную деятельность в качестве профессионально определенного субъекта ее организации.

Предлагаемая социально-философская теоретическая модель обладает достаточно высоким потенциалом вариативности как условий, так и факторов, что дает возможность проектирования субъектно-ориентированного образовательного процесса в системе педагогического образования на разном ее уровне и в соответствии с условиями и факторами конкретного образовательного учреждения.

Литература

1. Виленский М.Я., Мецзякова Е.В. Образовательное пространство как педагогическая категория // Педагогическое образование и наука. 2002. № 2.

2. Деркач А.А., Сайко Э.В. Субъектность субъекта в акмеологическом развитии и проблемы его субъектного самоосуществления // Мир психологии. 2008. № 3. С. 205–219.

3. Васильева Е.Н., Герасимов Г.И., Куницына Е.В. Профессионально-педагогическая культура: проблемы становления в условиях парадигмального перехода. Ростов н/Д., 2004. 72 с.

4. *Кашлев С.С., Глазачев С.Н., Соколова Н.И.* Субъектность как профессиональная компетентность педагога : материалы круглого стола «Экология человека: на пути становления гуманитарных образовательных технологий» // Вестн. Междунар. академии наук (Русская секция). 2011. Специальный выпуск. С. 21. URL: <http://www.heraldrsias.ru/journals/2011/special/1/> (дата обращения: 12.09.2012).

5. *Фуллон М.* Новое понимание реформ в образовании. М., 2006.

6. *Медведев А.М., Жуланов И.В.* Становление субъекта профессиональной деятельности в системе вузовской подготовки психолога и социального работника // Педагогические проблемы становления субъектности школьника, студента, педагога в системе непрерывного образования : сб. науч. и метод. трудов. Вып. 17. Волгоград, 2004.

7. *Пак Л.Г.* Образовательный процесс вуза как фактор субъектно-развивающей социализации студента // Качество. Инновации. Образование. 2014. № 10.

8. *Кузнецова И.Ю.* Андрагогические условия развития субъектной позиции педагога в процессе повышения квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2011. 24 с.

9. *Гвоздева А.В.* Педагогические условия развития субъектности студентов // Ученые записки : электр. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2012. № 4 (24), т. 1.

10. Сопровождение личностно-профессионального развития студентов в педагогическом вузе / отв. ред. Л.Н. Бережнова, В.И. Богословская, В.В. Семикин. СПб., 2002.

References

1. *Vilenskii M.Ya., Meshcheryakova E.V.* Obrazovatel'noe prostranstvo kak pedagogicheskaya kategoriya [Educational Space as Pedagogical Category]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*. 2002, No. 2.

2. *Derkach A.A., Saiko E.V.* Sub"ektnost' sub"ekta v akmeologicheskom razvitii i problemy ego sub"ektnogo samoosushchestvleniya [Subjectivity of a Subject in Acmeological Development and Problems of his Subjective Self-realization]. *Mir psikhologii*. 2008, No. 3, pp. 205-219.

3. *Vasil'eva E.N., Gerasimov G.I., Kunitsyna E.V.* *Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura: problemy*

stanovleniya v usloviyakh paradigmalnogo perekhoda [Professional and Pedagogical Culture: Problems of Formation in Paradigmatic Changes]. Rostov-on-Don, 2004, 72 p.

4. *Kashlev S.S., Glazachev S.N., Sokolova N.I.* Sub"ektnost' kak professional'naya kompetentnost' pedagoga : materialy kruglogo stola «Ekologiya cheloveka: na puti stanovleniya gumanitarnykh obrazovatel'nykh tekhnologii» [Subjectivity as a Professional Teachers' Competence : proceedings of the Round Table "Human Ecology: on the Way to Development of Humanitarian Educational Technologies"]. *Vestnik Mezhdunarodnoy akademii nauk* (Russian section). 2011, special ed., p. 21. Available at: <http://www.heraldrsias.ru/journals/2011/special/1/> (accessed 12.09.2012).

5. *Fullon M.* *Novoe ponimanie reform v obrazovanii* [New Understanding of the Reforms in Education]. Moscow, 2006.

6. *Medvedev A.M., Zhulanov I.V.* [The Formation of Professional Activity Subject in the System of University Training of Psychologist and Social Worker]. *Pedagogicheskie problemy stanovleniya sub"ektnosti shkol'nika, studenta, pedagoga v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Pedagogical Problems of Subjectivity Formation of Pupils, Students, Teachers in the System of Continuing Education]. Col. scient. and metod. works. Issue 17. Volgograd, 2004.

7. *Pak L.G.* Obrazovatel'nyi protsess vuza kak faktor sub"ektno-razvivayushchei sotsializatsii studenta [The Educational Process of University as a Factor in Subject-developing Socialization of a Student]. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie*. 2014, No. 10.

8. *Kuznetsova I.Yu.* *Andragogicheskie usloviya razvitiya sub"ektnoi pozitsii pedagoga v protsesse povysheniya kvalifikatsii* : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Andragogical Conditions of Development of a Subject Position of a Teacher in the Process of Qualification Improvement]. Kemerovo, 2011, 24 p.

9. *Gvozdeva A.V.* Pedagogicheskie usloviya razvitiya sub"ektnosti studentov [Pedagogical Conditions of Subjectivity of Students Development]. *Uchenye zapiski : elektr. nauch. zhurn. Kursk. gos. un-ta*. 2012, No 4 (24), vol. 1.

10. *Soprovozhdenie lichnostno-professional'nogo razvitiya studentov v pedagogicheskom vuze* [Support of Personal and Professional Development of Students in Pedagogical High School]. Ed. by L.H. Berezhnov, V.I. Bogoslovskaya, V.V. Semikin. Saint Petersburg, 2002.

УДК 2.294.321

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-9-13

СОТЕРИОЛОГИЯ БУДДИЗМА В ТЕКСТАХ НЕКАНОНИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ («ИСТОРИЯ ЦАРЯ УНЕКЕР ТОРЛИКТУ»)

© 2017 г. Б.А. Бичеев

THE SOTERIOLOGY OF BUDDHISM IN THE TEXTS OF NON-CANONICAL CONTENT (“THE HISTORY OF KING UNECER TORLICHTU”)

B.A. Bicheev

*Бичеев Баазр Александрович –
Калмыцкий научный центр РАН,
доктор философских наук, заведующий отделом
письменных памятников, литературы и буддологии,
ул. Илишкина, 8, г. Элиста, Республика Калмыкия,
358000, Россия.
E-mail: baazr@mail.ru*

*Baazr A. Bicheev -
Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philosophy, Head of Department of Written
Records, Literature and Buddhist Institution of Science,
Ilishkina St., 8, Elista, Republic of Kalmykia,
358000, Russia.
E-mail: baazr@mail.ru*

В буддийской литературной традиции существуют тексты, повествующие о предшествующих рождениях Будды. В зависимости от характера его участия в описываемых событиях такие тексты делят на джатаки и аваданы, состоящие из вводного и заключительного обрамления и основной части. Текст обрамления, как правило, организован в форме диалога. Он значительно меньше основной части повествования. Но именно в нем заключено главное назначение произведения. Обрамляющая и основная части текста связаны общей темой религиозного наставления.

Анализируется содержание вступительной части обрамления буддийского повествования о царе Унекер Торлиktу, в котором сочетаются увлекательное изложение и религиозная проповедь. Главная установка проповеди – в обрамляющей части. С помощью доступного языка произведения в сознании простых людей адаптировались установки, побуждавшие к вступлению на путь буддийского спасения.

Ключевые слова: буддийская литература, джатака, авадана, структура произведения, функция обрамления, сотериология буддизма.

The article analyzes the content of the framing of the Buddhist narrative story introductory part about the king Unecer Torelkitu, which combines a fascinating narrative and religious sermon. The main setting of the sermon lies in the framing part. With the help of clear and exciting content, the work introduced the Buddhist ideas leading ordinary people to enter on the path of salvation. One of the works that is widely used in written and oral forms is “The history of King Uneker Torlichtu”. In the introductory part the text reveals the possibility of attaining Buddhahood each of samsara beings. The main part of the work contains the story of the king Unecer Torelkitu. This story reveals the central theme of the Buddhist teaching of impermanence of all things and inevitability of death. Laconism, lacking any kind of descriptive characteristics is a distinctive feature of the story. Thus, with the help of the parables, preaching in the art form of Buddhist virtues, ordinary believers are attached to the idea of the Buddhist teachings value.

Keywords: Buddhist literature, Jataka, Avadana, the structure of the work, the function of framing, the soteriology of Buddhism.

Буддизм стал мировой религией, преодолев границы многих региональных культур и объединив их в единое цивилизационное пространство. Слияние буддийского учения с разными культурными традициями способствовало появлению буддийской литературы, которую составляют произведения, написанные на многих языках мира. Однако, несмотря на это, буддийская литература представляет собой некое единство, заключающееся в общности тем, сходстве сюжетов и художественных приемов [1]. Одним из региональных вариантов буддийской литературы

является старописьменная калмыцкая литература, которая насчитывает почти четыре века своего существования. С момента создания в 1648 г. алфавита «ясного письма» за сравнительно короткий срок был переведен весь основной свод наиболее важных в теоретическом отношении текстов буддийского учения [2, с. 62–67]. В основном это были переводы с тибетского языка канонических сочинений в форме сутр.

В буддизме к категории сутр относятся только те тексты, которые согласно традиции представляют

собой подлинные проповеди самого Будды Шакьямуни. При этом считается, что сутры, сохранившиеся на языке пали, принадлежат традиции хинаяны (тиб. *theg pa chen po*), а санскритские сутры образуют наследие другого направления буддизма – махаяны (тиб. *theg pa chen po*).

Тибетская традиция буддизма махаяны сформировалась в VII – XII вв., а в XVI в. – калмыцкая традиция махаяны. Таким образом, тибетская традиция фиксирует завершающий этап формирования махаянских сутр и отражает буддизм последних веков его существования в Индии. Поэтому тибетские переводы базовых сутр начинаются с обязательного указания санскритского названия сутры, и только потом следует название тибетского перевода. Соответственно в калмыцких переводах сутр указывается сначала санскритское название, потом – тибетское и лишь затем калмыцкое.

Согласно махаянской традиции, Будда, проявляя мудрость, преподавал 84 тысячи учений своим последователям, исходя из разного уровня их предрасположенности к постижению сокровенных истин. Такой подход Будды запечатлен во многих текстах махаяны. В результате все тексты были разделены на сутры «окончательного значения» и тексты, требующие интерпретации. К первой группе были отнесены сутры, в которых Будда однозначно провозглашает основы своего учения. Ко второй – тексты, в которых Будда провозглашает Дхарму иносказательно, приспособившись к уровню понимания своих последователей, не изощренных в тонкостях буддийской догматики [3, с. 65].

Тексты неканонического содержания, которые известны как произведения народного буддизма, были призваны адаптировать в сознании простых мирян морально-этические установки учения и побудить их к вступлению на путь спасения. Такое разнообразие форм выражения религиозного знания обусловлено полиморфной системой буддизма, а устойчивость мировоззренческого комплекса обеспечивалась единством функций философского буддизма и его народных форм [4, с. 418].

В буддийской литературной традиции существуют особого рода тексты, повествующие о предшествующих рождениях самого основателя учения. В зависимости от характера его участия в описываемых событиях такие тексты принято делить на джатаки и аваданы. Джатаки (санск. *jātaka*, букв. «рождённый»; тиб. *skyes rabs*) — это повествования, в которых Будда выступает активным действующим лицом рассказов о прошлом и является участником нынешних событий, послуживших поводом для таких историй. Связывая события настоящего и прошлого,

повествование устанавливает причинно-следственную связь между ними, самим Буддой и лицами, фигурирующими в историях, им поведанных [5]. В аваданах (санскр. *avadana*; тиб. *rtogs brjod*) Будда лишь демонстрирует окружающим прямую причинно-следственную связь между событиями нынешними и далекого прошлого. Сам же он к ним ни в настоящем, ни в прошлом непосредственного отношения не имеет.

Известны также трансформированные джатаки и аваданы, в сказочной форме восхваляющие ценность учения и пользу от соблюдения буддийских морально-этических норм. Сохраняя в своем содержании естественное сочетание поучительности с увлекательным изложением, они в то же время выполняли свое главное назначение – адаптировать в сознании простых верующих морально-этические установки буддийского учения, акцентировать их внимание на закон причинно-следственной связи, определяющего их нынешнюю жизнь и будущие рождения.

В фиксированной литературной форме трансформированные джатаки и аваданы состоят из обрамления (вводная и заключительная части) и основного повествования (сказочный сюжет). Во вводной части раскрываются конкретные обстоятельства, в которых произошло то или иное событие в жизни Будды. Основную часть составляет сказочный сюжет, поведанный Буддой. В заключительной части Будда раскрывает причинно-следственную связь между событиями нынешнего и прошлого. Текст обрамления, как правило, организован в форме диалога между Буддой и одним из его последователей. В отличие от основной части повествования он значительно меньше по объему. Но именно в этом небольшом по объему обрамлении заключено главное назначение произведения. Такая структура, состоящая из обрамления и основной части, вполне логична, поскольку они были связаны общей темой религиозного наставления.

К трансформированным текстам авадан относится известное произведение старописьменной калмыцкой литературы «История Царя Унекер Торликуту» («*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*»). По данным, имеющимся в различных каталогах монгольских рукописей, известно о восьми списках этого текста. Четыре рукописи хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН [6, № 307–310]. Один список находится в Научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ (Шифр Calm D7, хyl. Q 537). Две рукописи – в рукописном фонде Управления по делам национальностей Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая

[7, с. 2–3]. В коллекции ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии этот текст значится под названием «*Oyun čiketü xān köbüüni touji orošiboi*» (№ 293) [8, с. 232].

В основной части повествования, основанного на сказочном сюжете «злая мачеха» [9], возносится ценность буддийского учения и его морально-этических норм. Из содержания становится очевидным, что Будда не является активным действующим лицом непосредственных событий прошлого. Он лишь повествует об одном из прошлых рождений бодхисаттвы Авалокитешвары и объясняет в заключительной части обрамления прямую причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями далекого прошлого [10].

Таким образом, «История Царя Унекер Торлику» – это повествование об одной из прошлых жизней Авалокитешвары, которое Будда поведал шести тысячам бодхисаттв в качестве наставления. Это очень важный факт для понимания того, что именно преподносится в данном повествовании в качестве основополагающей установки буддийского наставления, поскольку все остальные постулаты учения, раскрываемые уже непосредственно в содержании основной части, будут подчинены ей.

В буддизме махаяны, провозгласившем своим главным идеалом бодхисаттву (личность), воплощающую ничем не ограниченное сострадание, образ Авалокитешвары является олицетворением универсального и безграничного сострадания [11]. Уже на раннем этапе формирования махаяны наряду с Манджушри, олицетворявшим мудрость Будды, Авалокитешвара персонифицировал милосердие и сострадание Будды. Миф гласит, что увидев страдание живых существ сансары, погрязших в грехах, Авалокитешвара от отчаяния ударил головой о землю, отчего голова распалась на множество частей. Поэтому в иконографии его изображают многоликим и многоруким. Согласно преданию, из слезы Авалокитешвары родилась бодхисаттва Тара – «мать-спасительница шести видов существ сансары». Земным воплощением Авалокитешвары считается духовный лидер буддистов Далай-лама.

Таким образом, повествование об одном из прошлых рождений Авалокитешвары в виде сказочного сюжета о царе Унекер Торлику связано с понятием «бодхичитты» (пробужденного сознания), которая выражена в виде главной формулы символа веры буддизма махаяны – «Да стану я буддой на благо всех существ сансары!» [12].

Во вводной части раскрывается конкретное событие в жизни Будды, которое послужило причиной для данного повествования. Указывается место, в котором в это время пребывал Будда. Тем самым как бы подтверждается историчность события. Шесть тысяч бодхисаттв, проявившие усердие в реализации пути бодхисаттвы, убедившись в невозможности самостоятельно пресечь привязанность к сансаре, не получив наставлений обо всех достоинствах Авалокитешвары, отправляются к Будде. Прибыв к месту его пребывания, бодхисаттвы выражают свое почтение тройным обходом и, опустившись на правое колено, представляются ему. Затем один из них, объяснив причину их прихода, обращается к Будде с просьбой о наставлении. В этом обращении заключена вся функциональная нагрузка вводной части обрамления.

Во-первых, из слов бодхисаттвы следует, что шесть тысяч бодхисаттв, проявившие усердие в пути бодхисаттвы, не смогли полностью освободиться от привязанности к сансаре. Здесь акцентируется внимание на универсальную идею буддизма – Учение о Четырех Благородных Истинах. Провозгласив Истину страдания как природу сансары, Истину причины страдания как привязанности к сансаре, Истину прекращения страдания как отречение от сансары и Истину Благородного Восьмеричного Пути как пути к достижению пробужденности, Будда впервые провернул колесо своего учения.

Во-вторых, бодхисаттва просит Будду пробудить их невежественное сознание наставлением, подобным солнечному сиянию, рассеивающему тьму. Напоить их знанием, подобно человеку, утоляющему жажду водой. В этой просьбе прослеживается еще один из базовых постулатов буддизма – идея о драгоценном обретении рождения человеком. Антропоцентричность буддизма заключена в том, что только человек в отличие от всех остальных живых существ сансары способен достичь пробужденности, т.е. стать буддой. Он не погружен в блаженство как боги, но и не измучен страданиями как обитатели ада. Он наделен сознанием. Такая центричность положения в духовном космосе предоставляет человеку уникальную возможность – не только вырваться из круга сансарического бытия, но и помочь остальным существам сансары. Незнание о существовании этой реальной возможности и неиспользование драгоценного рождения человеком – величайшее невежество.

В конце своего обращения бодхисаттва просит Будду подробно поведать им непросвещенным обо всех достоинствах Авалокитешвары, который ради

блага всех живых существ проявлял великое сострадание подобно отцу и матери. Будда, тихо улыбнувшись в ответ на просьбу, поведал о том, что для наставления обо всех достоинствах Авалокитешвары, которых больше, чем волосков на теле бодхисаттвы, не хватит и кальпы времени. Поэтому он дает шести тысячам бодхисаттв краткое наставление в виде увлекательного повествования о царе Унекер Торлику.

Заключительная часть обрамления состоит из единственной фразы Будды о том, что в образе сына царя Унекер Торлику принца Оюн Чикету в далеком прошлом родился сам Авалокитешвара, чтобы помочь всем существам сансары обрести истинный путь к конечной цели. В этой единственной фразе выражена еще одна принципиальная установка буддизма, связанная с законом причинно-следственной связи (законом кармы), определяющим нынешнюю и будущую участь каждого существа сансары.

Таким образом, в небольшом по объему содержании обрамления сконцентрированы базовые идеи буддизма махаяны: идея бодхисаттвы, Четырех Благородных Истин, драгоценность рождения человеком, закон кармы. Все эти базовые установки объединены еще одной важнейшей доктриной буддизма махаяны – идеей повсюдности природы Будды, которая характеризуется в качестве подлинной, неизменной и вечной природы всех существ сансары. Каждый обладает природой Будды, т.е. потенциальной возможностью достижения состояния просветления. Основой в достижении конечной цели является обретение знания и избавление от трех корней привязанности к сансаре (невежество, страсть, гнев). Сочетанию мудрости (знания) и метода способствует опора на сострадание, олицетворением которого и является бодхисаттва Авалокитешвара.

Итак, произведения, подобные «Истории Царя Унекер Торлику», являются внеканоническими текстами. Однако подлинность изложенного и наполненность высшим религиозным смыслом никогда не подвергалась сомнению верующими. Они приобщали верующих к необходимости следовать религиозной традиции и утверждали в их сознании буддийские добродетели. Поэтому произведения подобного рода, с одной стороны, представляют собой художественное явление, а с другой – выступают как религиозная проповедь, главная установка которой заключена в обрамляющей части, а текст увлекательного сюжета является лишь иллюстрацией к нему.

Литература

1. Топоров В.Н. «Дхаммапада» и буддийская литература // Дхаммапада. Новосибирск, 2003. С. 3–24.

2. Раднабхадра. Лунный свет. История рабдхамбы Зая-пандиты / пер. с ойрат. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина; транслит. текста, предисл., коммент., прим. и указатели А. Г. Сазыкина. СПб., 1999. 176 с.

3. Торчинов Е.А. Введение в буддологию : курс лекций. СПб., 2000. 304 с.

4. Ермакова Т.В. Формы буддийского мировоззрения в концепции О. О. Розенберга // Буддизм в переводах. Альманах. Вып. 2. СПб., 1993. С. 410–424.

5. Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. М., 2000. 367 с.

6. Сазыкин А.Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР : в 3 т. М., 1988. Т. 1. 507 с.

7. Galdan Do. Ünenker törölkitü sayin hana-u tuyujı oroşiba. Şinjıyang-un arada-un keblel-un xoryi-a, 2013. 296 х.

8. Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Ulaanbaatar, 2005. 270 с.

9. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. 118 с.

10. Бичеев Б. А. Функции обрамления буддийских притч // KANT. 2016. № 4. С. 78–82.

11. Поповцев Д.В. Бодхисаттва Авалокитешвара. История формирования и развития махаянского культа. СПб., 2012. 496 с.

12. Бичеев Б. А. «Иткл» – символ веры буддийской веры // Мир «ясного письма» : сб. науч. ст. Элиста, 2009. С. 49–55.

References

1. Toporov V.N. [“Dhammapada” and the Buddhist literature] *Dkhammapada*. [Dhammapada]. Novosibirsk, 2003, pp. 3–24.

2. Radnabkhadra. *Lunnyi svet. Istoriya rabdzhamby Zaya-pandity* [Moonlight. History of Rabjampa Zaya-Pandita]. Tr. from Oirat G.N. Romyantsev, A.G. Sazykin; tr., intr., comm., notes by A.G. Sazykin. Saint Petersburg, 1999, 176 p.

3. Torchinov E.A. *Vvedenie v buddologiyu* [Introduction to Buddhist Studies]. Course of lectures. Saint Petersburg, 2000, 304 p.

4. Ermakova T.V. [Forms of Buddhist Philosophy in the Concept of O. O. Rosenberg]. *Buddizm v perevodakh* [Buddhism in translations]. Almanac. Issue 2. Saint Petersburg, 1993, pp. 410–424.

5. Ar'ya Shura. *Girlyanda dzhatak, ili Skazaniya o podvigakh Bodkhisattvy* [The Garland of Jatakas or Tales about the Deeds of Bodhisattva]. Moscow, 2000, 367 p.

6. Sazykin A. G. *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies, USSR]. Moscow, 1988, vol. 1, 507 p.

7. Galdan Do. *Ünenker törölkitü sayin hana-u tuγujı orošiba. Šinjiyang-un arada-un keblel-un xoryi-a*, 2013, 296 p.

8. Gerelmaa G. *Brief Catalog of Oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Khel zokhiolyn khyreelengiin tod ysgiin nomyn товч byrtgel*. Ulaanbaatar, 2005, 270 p.

9. Andreev N. P. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Pointer of Fairy Tales Plots on the System of Aarne]. London, 1929, 118 p.

10. Bicheev B. A. Funktsii obramleniya buddiiskikh pritch [Functions of Buddhist Parables Framing]. *KANT*. 2016, No. 4, pp. 78-82.

11. Popovtsev D.V. *Bodkhisattva Avalokiteshvara. Istoriya formirovaniya i razvitiya mahayanskogo kul'ta* [Avalokitesvara Bodhisattva. History of Formation and Development of the Mahayana cult]. Saint Petersburg, 2012, 496 p.

12. Bicheev B. A. [Itkl – the Symbol of Faith of Buddhist Faith]. *Mir “yasnogo pis'ma”* [World of “Clear Writing”]. Col. sc. works. Elista, 2009, pp. 49-55.

Поступила в редакцию / Received

7 февраля 2017 г. / February 7, 2017

УДК 72.033.5

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-14-18

АРХИТЕКТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ: СПЕЦИФИКА ГОТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КОНЦЕПЦИИ Э. ПАНОФСКОГО

© 2017 г. М.Е. Дымченко

ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF CULTURE: THE SPECIFICITY OF GOTHIC ARCHITECTURE IN THE CONCEPT OF E. PANOFSKY

М.Е. Dymchenko

*Дымченко Марина Евгеньевна –
Донской государственный технический университет,
Академия архитектуры и строительства,
кафедра архитектуры,
кандидат философских наук, доцент,
ул. Социалистическая, 162, г. Ростов-на-Дону,
344022, Россия.
E-mail: kapitel1073@yandex.ru*

*Marina E. Dymchenko –
Don State Technical University,
Academy of the Architecture and Construction,
Department of Architecture,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Socialisticheskaya St., 162, Rostov-on-Don,
344022, Russia.
E-mail: kapitel1073@yandex.ru*

Анализируется концепция крупнейшего искусствоведа XX в. Э. Панофского, объясняющая сущность становления готической архитектурной формы. Главный предмет исследования – значение выводов ученого о сущности архитектурного формообразования для развития теории и истории архитектуры в современных условиях экспансии научного знания. В центре находится проблема взаимосвязи готического архитектурного мышления и проектирования с основами средневековой европейской культуры и ее духовного стержня, высшим синтезом и выражением которого была схоластика. В своем исследовании Панофский выявляет причины автономизации архитектурного мышления и архитектурного творчества, связанные со спецификой схоластического мировоззрения западноевропейского средневековья. В готике впервые реализуется принцип подчинения содержания и «сюжета» архитектурного произведения самодвижению и самообоснованию архитектурной формы. Автономное архитектурное мышление опирается на схоластические принципы дедукции и самообъяснения разума. Впервые именно в готике тектонизм как фундамент архитектуры в целом выходит из прямого подчинения логике конструкции и «земного тяготения». Автономия архитектуры как формы культуры всецело определяется тектоникой самовыражения архитектурной формы, в которой традиционный тектонизм, составляющий фундамент классического ордера, выступает в качестве содержания повествования в «тексте» архитектурного произведения. Архитектура в контексте культуры не является лишь внешним пространственным обрамлением или выражением трансцендентных смыслов и метафизических оснований опыта человека. Она сама образует один из важнейших кодов становления целостного индивидуального Лица исторической эпохи и ее духа.

Ключевые слова: Э. Панофский, архитектурная форма, готическая архитектура, схоластика, западноевропейская культурная традиция, тектонизм, дух времени.

The article analyzes the concept of a major art historian of the twentieth century, E. Panofsky, explaining the essence of the formation of the Gothic architectural forms. The main research subject - the value of the insights of the scientist about the nature of architectural formation for the development of the theory and history of architecture in modern conditions of expansion of scientific knowledge. In the center is the relationship of the Gothic architectural thinking and design with the basics of medieval European culture and its spiritual core, the highest synthesis and the expression of which was scholasticism. In their study, Panofsky identifies the causes of the autonomy of architectural thinking and architectural work associated with the specifics of the scholastic worldview of the Western middle ages. In Gothic for the first time implemented the principle of subordination of the content and "plot" architectural works of self-motion and self-determination of architectural forms. Autonomous architectural thinking is based on scholastic principles of deduction and self-explanatory of reason. For the first time in the Gothic tectonism as the Foundation for the architecture as a whole out of direct subordination to the logic of the design and "gravity". The autonomy of architecture as a form of culture is entirely determined by the tectonics of the architectural expression of form in which traditional tectonism constituting the Foundation of classical orders, acts as the content of the narrative in the "text" of an architectural work. Architecture in the context of culture is not only an external spatial frame, or an expression of transcendental meanings and metaphysical foundations of human experience. She forms one of the most important codes of the formation of a holistic individual Face of the historical era and her spirit.

Keywords: E. Panofsky, architectural form, Gothic architecture, scholasticism, Western cultural tradition, tectonism, the spirit of the time.

Современное архитектуроведение столкнулось с проблемой идентичности собственных концептуально-методологических оснований. Тотальное господство сциентистского дискурса и конструктивистского духа в архитектуре XX в. в конечном итоге лишило саму архитектурную мысль источника автономного творческого развития. Подчинение профессиональной деятельности архитектора социальным заказам и технологическому процессу, опирающемуся на использование ресурсов компьютерного моделирования, неизбежное в условиях развития общества потребления и массовой культуры, делает в настоящее время актуальным обращение к тем традициям в исследовании сущности архитектуры и ее базовых компонентов, которые раскрывают взаимосвязь феномена архитектуры и смылосимволического и семиотического кода культуры в конкретной исторической ситуации. Одним из таких примеров является опыт исследования становления готической архитектурной формы в контексте схоластического мировоззрения западноевропейского средневековья, проведенный Э. Панофским.

Эрвин Панофский (1892 – 1968 гг.) – крупнейший представитель теории и истории искусства и архитектуры новейшего времени. Развивал и углублял идеи Венской школы искусствознания и немецкой историко-культурной мысли конца XIX в. [1–4]. Кроме того, на идеи Панофского огромное влияние оказала концепция символических форм Э. Кассирера – крупного философа первой половины XX в., представителя Марбургской школы неокантианства.

Одна из работ Панофского – «Готическая архитектура и схоластика» (1951 г.) – ценна для современной теории архитектуры именно тем, что позволяет рассматривать то или иное архитектурное произведение в конкретной зависимости от уровня развития духовного стержня культуры [5]. Для современного архитектуроведения характерен поиск связей между концепцией, лежащей в основе проектирования, формообразования и строительства, и метафизическим измерением культурного пространства, выражением которого становится текст создаваемого в «камне» произведения. Вместе с тем сциентизированный подход не позволяет видеть в самом этом тексте нечто большее, чем определенный конструктивный структурно-функциональный «сюжет». «Закономерность постановки вопроса о правомерности увязывания той или иной характеристики стиля ... с общим мировоззренческим, духовным вектором эпохи неоднократно поднималась в литературе и, прежде всего, именно в искусствоведческой. Причем акценты, которые при этом делались,

варьировались от признания принципиальной возможности такого содержательного сопоставления до больших сомнений. Правда, сразу же следует сделать существенную оговорку: в рамках тех или иных искусствоведческих школ (например, Венской школы искусствознания конца XIX – первой половины XX в., в которой этот вопрос получил обстоятельное исследование) рассмотрение “духовного” подтекста того или иного стиля в большей степени было связано с психологизмом или теологизмом, и в меньшей, надо признать, затрагивало имманентные сущностные характеристики эволюции европейской метафизики» [6, с. 68].

В книге Панофского как раз на богатейшем фактическом материале – памятниках высокой готической соборной архитектуры Западной Европы XII – начала XIV в. – обосновывается тезис о том, что архитектурная реальность как таковая не просто и не столько отражает духовное измерение человеческого существования, закрепляемое в социальных и культурных формах и институтах. Она сама в силу своей *собственной* внутренней структуры, организации конструктивных решений и «материала» выступает методом или формой конституирования определенного исторически конкретного способа культурного бытия. Конечно, Панофский – не первый автор, кто ставил саму проблему корреляции форм культуры (прежде всего таких художественных, как архитектура и скульптура) и ее духовного ядра. В классической работе Г. Вёльфлина «Ренессанс и барокко», написанной за полвека до книги Панофского, данный вопрос также затрагивается на уровне прояснения факторов художественного формообразования [2]. При этом Вёльфлин подчеркивает, что редуцирование проблемы спецификации художественной формы в той же архитектуре к процессу *выражения* определенного «духа» времени не правомерно с точки зрения необходимости и возможности сохранения внутренних оснований *уникальности* того или иного конкретного произведения. Именно в форме и ее имманентной тектонике Вёльфлин (как и другие представители Венской школы искусствознания, именуемые часто «формалистами») видел исток данной уникальности. «Как связана готика с феодализмом и схоластикой? Какой мост можно перекинуть между иезуитами и барокко? Неужели кого-нибудь удовлетворит сравнение этих двух явлений на том основании, что оба они не считались со средствами, стремясь к великой цели? – спрашивает немецкий исследователь. – ...Что определяет работу воображения художника в области формы? Говорят, то, что составляет содер-

жание времени. Для веков готики называют феодализм, схоластику, спиритуализм и т. д. Но где именно пролегает путь, ведущий из кельи схоласта к мастерской архитектора? ... Но дело не в частностях, а в господствующем духе эпохи, порождающем эти частности. И этот дух не может быть определенной мыслью или системой положений, ибо в таком случае он уже перестал бы быть духом. Мысль – высказывается; дух же может быть выражен и тектонически, ибо каждый стиль в той или иной степени приносил с собою свой особый дух. Возникает лишь вопрос о характере средств выражения в том или ином случае» [2, с. 139–140].

С этой точки зрения оценка готической архитектурной формы, которую дает Панофский, в целом близка позиции Вёльфлина. «Выражение» духа схоластики в готической архитектуре осуществлялось не за счет принижения собственно архитектурной части любого «каменного» текста со стороны иерархически довлеющей системы рафинированного мировоззрения, христианских догматов, философии, риторики и логики, а ровно наоборот, путем акцентирования и детально прорисованного способа самоорганизации, структурирования и демонстрации построения самой конструкции строения (в первую очередь речь идет о соборах на территории Франции и прилегающих к ней земель в бассейне Рейна). Текст образа архитектурного произведения в готике тождествен тектоническому «сюжету» крепления опор и дробления пространства. Исследование Панофского как раз и направлено на раскрытие механизма данного отождествления. В нем устанавливаемое схоластической метафизикой *абсолютное* координирование человеческого существования на Земле (отсылающее к истинам Богооткровенным, изложенным также в апологетической и патристической традиции раннесредневековой мысли) оказывается непосредственным методом становления его пространственного измерения.

Связь между «высокой» готической архитектурой и лежащей в ее основе системой архитектурного мышления, принципов формообразования, с одной стороны, и классическим схоластическим мировоззрением XII – XIII вв. – с другой Панофский предлагает толковать как причинно-следственные отношения, которые далеко выходят за рамки простого «параллелизма» или даже влияния некоего общего духовного (идейного) пласта на более частные проявления культурного творчества (например, в архитектуре или скульптуре). «В отличие от простого параллелизма связь, которую я имею в виду, – пишет Па-

нофский, – представляет собой не что иное, как причинно-следственное отношение, но в отличие от индивидуального влияния это причинно-следственное отношение возникает скорее как результат диффузии, чем прямого действия. Оно возникает вследствие того, что, за неимением более удачного термина, можно назвать “умонастроением”, подогнав это затертое клише под его точное схоластическое соответствие, а именно – “принцип, регулирующий действие”» [5, с. 228].

Становление данной причинно-следственной связи автор исследования готической архитектуры связывает ближайшим образом с общей традицией средневекового интеллектуализма, опиравшейся на слабо дифференцированные нормы профессиональной идентичности. Утверждение автономного архитектурного мышления в условиях господства единого образовательного и семантического континуума (кода получения знания), подчиненного общим христианским представлениям об отношении веры и разума (центральной проблематике всей средневековой мысли), было неотделимо от общих правил самоопределения деятельности мышления (разума). Его непосредственный социальный контекст – это монашеская среда и ордена средневековой Европы. Именно монастыри и аббатства были той лагуной в жизни общества, в которой традиция метафизического образования фактически не прерывалась и выступала по сути единственной основой всякого иного образования в принципе.

Влияние схоластической философии, в особенности ее высочайших образцов, представленных трудами Вильгельма Овернского, Альберта Великого, Фомы Аквинского и др., на развертывание кодов архитектурной деятельности и становление профессиональной «касты» архитекторов в средневековых (прежде всего, французских) городах не следует рассматривать как процесс заимствования, переноса концептуальных схем или методологии проектировочной работы. Панофский подчеркивает, что речь должна идти о том, что в условиях роста значения разума в жизни человека и общества возникала необходимость прояснения сущности его деятельности. Дабы его претензия на первостепенную помощь вере в деле богопознания получала бы реальное *объективное* обоснование. Все, что создается человеком, в том числе архитектура, подчиняется этому принципу прояснения и демонстрации самого *метода* работы.

Удивительный факт: Панофский показывает, что именно в рамках глубоко религиозной средневековой западной культуры, внутри мощной и доста-

точно консервативной (опирающейся на экзегетическую составляющую апологетики и патристики, а также на аристотелизм) многовековой традиции христианского интеллектуализма в контексте обоснования функционального «режима» существования человеческого разума (подчиненного более высокому «делу» веры) собственно и формируется автономное профессионально идентифицируемое архитектурное мышление. Которое становится и по форме, и по содержанию, реализуемому в конкретных произведениях готического зодчества, каналом утверждения и закрепления онтологического единства человека и Бога, человека и трансцендентного, ноуменального и феноменального, а не их противопоставления.

Основа готической архитектурной формы – максимально систематизированное «изложение» самого процесса конституирования сооружения, его креплений и прочих деталей конструкции, самой основы тектоники, детализация всех элементов – прямо вытекает из схоластического требования абсолютной четкости, дедуктивной ясности всех положений выстраиваемой силой чистого мышления картины реальности. Как пишет Панофский, «...ментальность, считавшая необходимым “прояснить” веру, апеллируя к разуму, и “прояснить” разум, апеллируя к воображению, сочла себя обязанной “прояснить” также и воображение, апеллируя к чувствам. ...Это привело к “разъяснению ради разъяснения” сюжетно-тематического (нарративного) контекста в изобразительных искусствах и функционального контекста в архитектуре» [5, с. 240].

Архитектурно оформленное пространство готического собора соответственно нельзя рассматривать просто как средство, инструмент приближения конечного и грешного существа – человека – к Божественному истоку жизни, Бытия. В готике детализация тектонических креплений конструкции и максимально четкое разграничение объемов и масс существенно повысило онтологический «статус» самого пространства. Пространство теперь это не просто обрамление физической «плоти» (пространство не является пустым «коридором»). Его бесконечность отныне становится вполне ощутимой и объятной для человеческого глаза через посредство наделения отдельных отрезков и сегментов выходящим за рамки голого функционализма бытийным значением. Готическая форма достигает аффирмативности и полноты уникальной выраженности, явленности вовне (зрителю) через «проговаривание» собственного тектонического основания; каждый отдельный структурный элемент обладает неотчуждаемой ценностью и самодостаточностью именно в силу своей партикулярности. Последняя

не есть некий онтологический недостаток или ущербность. Ровно наоборот: дробность конструкции, образующая также специфический готический «узор» или рисунок, хорошо проявляющийся в знаменитых «розах» Шартрского, Руанского, Парижского, Амьенского, Реймского и других соборов, заложенных в XIII в., означала в каком-то смысле определенную победу разума в деле собственного утверждения. Данная победа, по мнению Панофского, опирается на принцип гомологии, реализованный именно в готической архитектуре максимально полно. «Однако следует отметить, что сам принцип гомологии, управляющий всем процессом, подразумевает и обеспечивает то относительное единообразие, которое и отличает словарь высокой готики от архитектурного языка романики. Все части, находящиеся на одном “логическом уровне”, – что особенно заметно на тех декоративных и изобразительных деталях, которые в архитектуре соответствуют “подобиям” Фома Аквинского, – осмыслились теперь как элементы одного класса, так что от богатого разнообразия ...стали отказываться в пользу стандартных типов, допускающих лишь незначительные отклонения, подобные тем, что встречаются в природе среди особей одной породы» [5, с. 257].

Панофский показывает, что практически все известные нам сооружения высокой готики – соборы центральной Франции и западных немецких земель – были спроектированы таким образом, что принцип предельной ясности, четкости, убедительности и дедуктивности выступал ведущим в организации всех без исключения структурных конструктивных элементов. Причем нередко в Амьене, Шартре, Реймсе и других очагах готической «каменной» культуры, окружавших Париж, многие детали экстерьера и интерьера, как, например, каменная «паутина» витражных окон, знаменитых «роз», на самом деле не несли на себе ключевой тектонической нагрузки. То есть физическое крепление, опоры здания, несущие элементы вовсе не нуждались в такой прорисовке. Их тектоника как раз всецело составляют суть художественного текста самой архитектурной формы готики, раскрывая ее подлинное значение для развития европейской архитектурной традиции и становления автономного архитектурного мышления. Характеризуя существо данного текста готической формы, Панофский отмечает, что ее важнейшая задача и основное содержание («сюжет») – это «визуализация» самой логики архитектурного мышления, логики саморазвития архитектурной реальности как таковой. Общий смысл и пафос которой – самообоснование. Именно в этом и кроется причина того, что высокая

европейская готика XIII в. знаменовала собой рождение архитектуры как самостоятельной формы культуры, обладающей внутренней логикой и законами развития, конституирующими уникальность Лица того или иного произведения, независимыми от инженерно-строительной мысли своего времени и иных художественных опытов. «Человек, проникшийся схоластическими умонастроениями, стал бы рассматривать форму организации архитектуры ... с точки зрения *manifestatio*. ... Однако он не был удовлетворен, если бы расчлененность здания не позволяла ему вновь прочувствовать сам процесс построения архитектуры... Богатое разнообразие колонн, нервюр, контрфорсов, ажурной резьбы, пинаклей и растительных декоративных элементов было для него самоанализом и самообъяснением архитектуры. ... Он точно так же ратовал за безусловное прояснение функции посредством формы» [5, с. 270–272].

Таким образом, в аналитике готической архитектуры в ее взаимозависимости со схоластическим мировоззренческим каноном западноевропейского средневековья Э. Панофский основное внимание уделяет становлению внутреннего смыслового и семантического пространства архитектурной формы. Генезис и дальнейшая эволюция европейской архитектуры связаны, несомненно, с общим социокультурным контекстом времени и с развитием технической, инженерной мысли, научным обоснованием методов проектирования и расчетов. Тем не менее они обнаруживают в качестве ведущей тенденцию высвобождения архитектурной реальности из-под власти тектонических сил, эстетизация которых еще в античности легла в основу классического ордера. Готическая форма – яркий тому пример.

Литература

1. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб., 2008. 382 с.
2. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб., 2004. 284 с.

3. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. 272 с.

4. История европейского искусствознания. Вторая половина XIX в. – начало XX в. Кн. 1 / под ред. Б.Р. Виппера, Т. Н. Ливановой. М., 1969. С. 65–73.

5. Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004. 336 с.

6. Моисеев А.В. Метафизика барокко и «Феноменология Духа» Гегеля: об исторических пределах европейской субъективности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 3. С. 66–70.

References

1. Varburg A. *Velikoe pereselenie obrazov. Issledovanie po istorii i psikhologii vozrozhdeniya antichnosti* [Great Migration of Images. The Study of History and Psychology of the Antiquity Revival]. Saint Petersburg, 2008, 382 p.

2. Velflin G. *Renessans i barokko. Issledovanie sushchnosti i stanovleniya stilya barokko v Italii* [Renaissance and Baroque. Study of the Nature and Origin of Baroque Style in Italy]. Saint Petersburg, 2004, 284 p.

3. Zedl'mair G. *Iskusstvo i istina: Teoriya i metod istorii iskusstva* [Art and Truth: Theory and Method of Art History]. Saint Petersburg, 2000, 272 p.

4. *Istoriya evropeiskogo iskusstvoznaniya. Vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [History of European Art. Second Half of the XIX Century – Beginning of the XX Century]. Vol. 1. Eds. B.R. Vipper, T.N. Livanova. Moscow, 1969, pp. 65-73.

5. Panofskii E. [Gothic Architecture and Scholasticism]. *Perspektiva kak «simvolicheskaya forma»*. *Goticheskaya arkhitektura i skholastika* [Perspective as «Symbolic Form». Gothic Architecture and Scholasticism]. Saint Petersburg, 2004, 336 p.

6. Moiseev A.V. *Metafizika barokko i «Fenomenologiya Dukha» Gegelya: ob istoricheskikh predelakh evropeiskoi sub"ektivnosti* [Metaphysics of the Baroque and Hegel's «Phenomenology of Spirit»: about the Historical Boundaries of European Subjectivity]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2009, No. 3, pp. 66-70.

УДК 101.9

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-19-25

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

© 2017 г. Ю.М. Лустин

SOCIALLY-PHILOSOPHICAL BACKGROUND OF CONCEPTUALIZATION OF THE NOTION OF PERSONALITY

Yu.M. Lustin

*Лустин Юрий Михайлович –
Донецкий национальный университет,
аспирант,
ул. Университетская, 21, г. Донецк, 83001.
E-mail: lustin56@mail.ru*

*Yury M. Lustin –
Donetsk National University,
Postgraduate,
Universitetskaya St., 21, Donetsk, 83001.
E-mail: lustin56@mail.ru*

Исследуется парадигма социально-философского познания такого сложного феномена, как типология личности. Систематизированы основания ее концептуализации и особенности совершенствования. С позиций формальной и диалектической логики обоснован авторский подход в понимании проблемы концептуализации. Дивергенционно отражен познавательный аспект типологии личности в неклассическом и классическом ракурсах философского знания. Концептуализированы прогностические направления научно-философского развития типологического потенциала субъекта практики в аспекте цивилизационных ориентиров социума.

Ключевые слова: тип человека, типология личности, концепт, концептуализация, социально-философское познание, социальная деятельность.

The content of the article has been actualized by the research paradigm of socially-philosophical cognition of such a complex phenomenon as typology of a personality. From the position of formal and dialectical logics the original author's approach to the understanding of the problem of conceptualization has been reasoned. The cognitive aspect of typology of a personality has been reflected in divergent way in classic and non-classic aspects of philosophical knowledge. Prognostic trends in philosophical and scientific development of typological potential of subject of practice in the context of civilizational orienteers have been conceptualized.

Keywords: type of human, typology of personality, concept, conceptualization, social and philosophical cognition, social activity.

Содержательный контекст социальной фабулы человеческого «Я» немислим без всестороннего развития и целенаправленного совершенствования ее типологического компонента. Уже в античный период предикативно утверждается представление о «типе» как неизменной идеальной сущности, которая существует до вещей (Платон) или в вещах (Аристотель). Методологически важное суждение о существовании типа как некой данности в виде единого высказано Аристотелем в «Метафизике». Рассуждая о сущем и едином, философ постулирует: «Сущность каждой вещи есть “единое” не приводящим образом, и точно так же она по существу своему есть сущее. Так что, сколько есть видов единого, столько же и видов сущего...» [1, с. 120–121]. Концептуальность этого положения вполне очевидна: тип есть теневой оттенок сущности, имею-

щий многовидовую полиаспектность своей субстанциональности, которая объективирована деятельностью субъекта практики, т. е. дана «специальным» образом.

В настоящее время трансформационная сторона цивилизационной глобализации оборачивается для типологии человека всё более усложняющимися моментами, обнаруживая неспособность индивида полноценно реализовывать свой личностный потенциал. Как следствие недостаточная типологическая выраженность позитивных качеств личности проявляется в различных видах социальной аномии, девиантном поведении, духовной агрессии, общественной и социально-деловой апатии.

Цель статьи – выявление социально-философских оснований концептуализации типологии личности, способствующих углублению познания этого

сложного свойства человека. Продуктивным методологическим средством в достижении поставленной цели служит диалектический метод, применение которого в контексте идентифицирующей референции позволяет наиболее полно отразить сущность понятия «типология личности» и перспектив ее развития.

Типология индивида как концептуализированное качество субъекта рассматривается в большинстве научных подходов в многостороннем аспекте, что придаёт ему субстратность универсальности, особенно в социокультурном контексте [2]. В этой связи оно наиболее полно может быть рассмотрено в интегративно-смысловом формате философского знания, диалектическом единстве понятий «концепт» и «концептуальное» [3].

Методологический аспект данных понятий указывает на их сущностную взаимосвязь и содержательную взаимозависимость, отраженную в различных научно-исследовательских ракурсах преимущественно лингвосоциокультурного характера (С.Г. Воркачева, Ю.Л. Вторушина, Л.А. Исаева, Н.Н. Кириллова, С.В. Кириченко, Л.П. Костикова, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанова). Смысловая односторонность психолого-лингвистического подхода в познании данных категорий позволяет определить авторское отношение к философскому пониманию проблематики концептуализации типологического. Так, с одной стороны, с позиций формальной и диалектической логики, концепт представляет собой понятийно-смысловую оформленность содержания нашей мысли об объекте. Концептуализация выступает как диалектический процесс познавательной фиксации предметности объективного и субъективного бытия человека, выраженный одномоментным рефлексивным его преобразованием для реализации целей деятельности субъекта практики. Этим обосновывается наличие в диалектике их взаимовлияния некоего триумvirата, выраженного неслиянным единством диалектики, логики и познания. Взятое в онтологической проекции данное единство приобретает свойство своей природной многосторонности и социальной многомерности, а в снятой форме выражает субстантивность присутствия во всех актах жизнедеятельности человека.

С другой стороны, логико-аналитическое рассмотрение научных источников позволяет констатировать, что типология личности имеет свою субстратную основу, интенциональность которой выражена понятием «тип» (А.Д. Балака, А.-К.И. Забулионите, О.А. Запороженко, П.Н. Лукичев, И.А. Рыженина, Н.А. Скоробогатская, И.А. Чаплыгин). Социальные противоречия активно детерминируют проявление данного феномена человека в ракурсе

обнаружения его единой индивидуально-субстанциализирующей явленности. Научная состоятельность такого подхода определена аристотелевским выводом о единстве сущего и единого. Она также доказывает сущностную единственность типа личности, концептуализированную контекстом социального многообразия его типологических личностных проявлений.

Особенности концептуализации типологии личности в общественном познании. Эволюционное развитие типологического потенциала человека фундаментализировалось в формате противоречивого дискурса идеализма и материализма в качестве его основополагающих оснований социально-мировоззренческого характера. Так, глубокое концептуально-философское осмысление проблем типологии личности с позиций неклассического уровня философского знания основано преимущественно на персоналогических, экзистенциальных, трансцендентальных постструктуралистских, постмодернистских, соционических взглядах зарубежных исследователей [4]. По степени научной приоритетности условно их можно сгруппировать по следующим направлениям: трансцендентальная философия (С. Маймон, И. Х. Мирус, Г. Риккерт, И.Н. Тетенс, М. Хайдеггер, И. Шарф); экзистенциальная онтология (Н. А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, С.Л. Франк, М. Хайдеггер, М. Шелер, К. Ясперс); трансперсональная психология (У. Джеймс, С. Гроф, С. Маргулис, А. Маслоу, Э. Сугич); персоналогическая социология (Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Штерн); экзистенциальная психотерапия (Р. Мэй, К. Роджерс, В. Франкл); аналитическая теория «архетипов» (К.Г. Юнг, Р. Оуэн), теория «идеальных архетипов» (М. Вебер); теория рекапитуляции в развитии личности (С. Холл), концепция социально полезного типа личности (А. Адлер), теория типа личности как формы жизни (Э. Шпрангер), теория интерсубъективности (А. Шюц). Отдельные положения данных теорий, к сожалению, абсолютизируют индивидуальность до крайней степени сверхчеловеческого, постулируя при этом идеи редискрипции, контингентности самости, тем самым абстрактно возвеличивая некий «новоевропейский антропологический идеал, реализованный и воплощенный в идее индивидуальной и суверенной субъективности» [5, с. 62].

Социально-философские основания типологии личности в ракурсе классической философской компетенции отражены форматом диалектико-материалистического познания, научно опирающегося на всеобщую философскую, общую социально-философскую, частную социально-философскую методологии.

Диалектико-материалистические уровни концептуализации качественной определенности субъекта социальной практики. В формате всеобщей философской методологии рациональность диалектического подхода к анализу личности модулирует выявление функционально-антропологической спецификации типологии личности. Это продуцировано реальной эмпирической практикой взаимоотношений природы, человека и общества. Данную взаимосвязь наиболее полно отражает социально-философская рецепция, которая позволяет выявить генезис, становление типологии индивида от гомоидов до современного человека в рамках ее историко-эволюционного развития (Е.А. Бутина, Б.Ф. Дорофеев, Л.В. Сокольская, А.А. Ухтомский, В.Н. Фурс, Е.А. Чиглинец).

Диалектичность социальной практики свидетельствует, что при всех субъективных различиях и неповторимых особенностях человек обладает целым комплексом конструктивных сходств генного, социально-биологического, физиологического, соматического, духовно-ментального, психологического характера. Концепт описательно-характерных стратегий этих сходств и различий типологически закономерен, что позволяет рационально объединять людей со сходными особенностями в соответствующие группы. Этим обосновывается механизм социально-философского познания уровня их субстанциональности, идентичности, социальности, самости, телесности, субъектности [6].

Взаимодействие структурных компонентов личности, отраженных в проявлении закона единства и борьбы противоположностей, позволяет выявить существование источника типологического саморазвития социализированной личности. Он имманентен диалектике сходно-различимого соотношения основных структурных сфер личности: генной, биологической, физиологической, психологической, сознательной, интуитивно-мыслительной, ментальной. Противоречивые взаимоотношения сфер являются не только движущими силами личности, но первопричиной многовекторности его социального образа жизни, духовно ориентированных поведенческих стратегий, социокультурных перспектив бытия [7].

С позиций закона перехода количественных изменений в качественные увеличение факторных воздействий социальной среды на человека непременно приводит к улучшению качества его типологических характеристик. Методологическая важность данного тезиса объясняет малозначительность выводов отдельных западных теоретиков в отношении концептов социального бытия человека. Так, О. Шпенглер,

отрицая общечеловеческую преемственность в культуре, абсолютизирует типизацию таких явлений, как «систематика» и «физиогномика», обосновывая, что их морфологическое проявление якобы определяет даже развитие человека. По его мнению, всякая история общества имеет такое же значение, как и внешний облик отдельного человека. Это предположение видный теоретик-позитивист аргументирует тезисом «тело во всех его проявлениях... есть выражение души» [8, с. 258]. Несомненно, данные взгляды имеют истинность лишь фрагментарной истинности и в качестве выводного знания не могут претендовать на методологический статус всеобщего значения.

Аксиоматичность диалектического подхода в концептуализации типологического компонента субъекта практики свидетельствует, что источник его саморазвития специфицирован сходно-различимыми сочетаниями субстанциональных свойств индивида, их устойчивыми и изменчивыми социальными характеристиками. Как следствие каждый человек целенаправленно саморазвивается, опираясь на опыт типологического познания по преодолению разного рода социальных противоречий, тем самым раздвигая индивидуализированные границы своего антропосоциогенезисного бытия.

В соответствии с проявлением закона отрицания отрицания совершенствование положительных свойств у человека происходит в противоречивых рамках дуальных оппозиций: «сходное – различимое», «устойчивое – изменчивое», «динамическое – статическое», «негативное – позитивное». Данный закон позволяет осмыслить поступательный характер особенностей развития личности, преемственность в совершенствовании типовых способностей, умений, навыков, опыта других людей [9].

Социализированная континуальность типологического потенциала личности имманентна общественной сущности человека и проявляется через основные категории диалектики. Так, с позиций категории «сущность» и «явление» вопрос типологического, обозначенный еще Аристотелем, рационально постулирован в единстве двух аспектов: а) объектном, взятом в социально-онтологической проекции, которая отражает конкретную определенность объектов социальной реальности и фактическую качественность форм их бытия; б) субъектном, которая определена уровнем логико-гносеологической достижимости индивидуального познания. Эта типологизированная особенность выражена природной способностью субъекта фиксировать фрагменты социальной данности и являемые ею свойства. Этим самым она концептуализирует

возможность быть применимой в практических действиях личности в качестве его идеального плана. В данном контексте это созвучно концепции М. Вебера об «идеальных типах», с которыми «действительность сопоставляется, сравнивается для того, чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания» [10, с. 293].

В категориях «содержание» и «форма» генерализируется сущностная определенность типологии личностного бытия индивида. При этом их объективный критерий один – конкретные поступки индивидуума, его высоконравственное поведение, ориентированное на идеалы социума.

Категории «качество» и «количество» как методологические основания познания типологии личности концептуализируют его специфику, обусловленную прежде всего взаимодействием общего и особенного. Данная философская традиция наиболее полно была актуализирована И. Кантом и представлена элементами как общего, так и специфического описательного характера трансцендентальных априорных форм (чувственность, рассудок и разум). Согласно сравнительной типологии философа, им насчитывается 12 категорий, с помощью которых человек пытается объяснить реальность. Внутривидовое содержание этих сходно-различимых понятий выделено в 4 класса категорий: количества, качества, модальности и отношения. Безусловно, данные моменты систематизации имеют рациональность идеальных конструкций как теоретических основ в понимании типологического потенциала созидающего субъекта познания [11].

В дискурсе общей социально-философской методологии законы, закономерности, принципы, категории социальной философии являются исходными научными установками в концептуализации проблем типологии личности. В качестве системной основы познания типологического потенциала личности «можно выделить 12 основных социально-философских наук: 1) социальная онтология; 2) социальная эпистемология и социальная методология; 3) социальная аксиология; 4) история социальной философии; 5) социально-философская антропология; 6) социальная экология; 7) философия истории; 8) философия экономики; 9) философия права; 10) философия политики; 11) философия культуры; 12) философия социологии» [12, с. 6–7]. Безусловно, междисциплинарная взаимосвязь этих и других наук является концептуальным полем схождения их референтных аспектов в определении генезиса, закономерностей, форм развития

и этапов совершенствования типологии личности, начиная с первоуровня человека.

Социально-философская методология частного уровня предполагает концептуализированное применение разнообразных теоретических и эмпирических методов, принципов, приемов и практик социального познания типологии человека. Детерминируемые научными принципами объективности, комплексного подхода, верификации информационных данных, клиентоцентризма, основными из них являются: 1) целевые концепции (теория естественного отбора Ч. Дарвина, учение И. Павлова о высшей нервной деятельности); 2) социодиагностические методики (анкетирование, интервьюирование, беседа, тестирование, обобщение независимых характеристик, наблюдение, рейтинг); 3) социально-экспериментальные методы (контент-анализ, констатирующий и формирующий эксперименты, проективные методики); 4) концептуально-познавательные технологии (поэтапное изучение личности, компьютерное и логико-математическое моделирование социально-психологических процессов, сравнительно-аналитическое программирование, социопунктура); конструирование моделей человеческого бытия, социодиагностическое интервьюирование); 5) информационное обобщение (изучение различных источников социальной информации, систематизация всевозможных данных, особенно автобиографического характера) и др.

Социально-философский концепт типологии личности констатирован онтологическим и гносеологическим единством двух сторон процесса общественного познания, в формате которого она субъективирована. Так, типология личности в аспекте социально онтологической концептуализации детерминирована закономерностями социального бытия общества. Полипарадигмальность его специфики способствует совершенствованию социальных качеств личности, позволяет ответить на вопрос о смысле человеческого существования, акцентируя типологическое внимание на том, что «социальное познание проявляет интерес к индивидуальному началу, ...рассматривает его в контексте общих структур, тенденций и закономерностей развития социума» [13, с. 253]. В этой связи социальная объективация человеческого бытия индивидуализирована, типологизирована, социализирована в рамках духовно-практических интенций, направленных на самореализацию индивида, деятельностное обнаружение его полноценной субъектности.

Однако во взглядах некоторых ученых современная социальная теория в аспекте онтологической

проблематики личности и ее типологии требует пересмотра таких основополагающих принципов традиционной позитивистской теории, как субстанционализм, реификационизм, феноменализм (М.Ф. Литвинов, В.И. Палагута). По их мнению, приоритетным должен стать социально-субъективный подход. «В контексте подобного совмещения социального и субъективного, – отмечает В.И. Палагута, – сейчас активно разрабатывается ряд новых концептов, что и предполагает разработку современной субъективно-ориентированной социальной онтологии. Ее контуры, к примеру, просматриваются в детальной разработке такого символического концепта, как “Другой”, и его вариаций – “Свой”, “Иной”, “Чужой”..., являющегося не столько индикатором субъективного восприятия социальной реальности и регулятором интересубъективных отношений, сколько задающим саму социальную онтологию на уровне микроуровневых символических структур социальных пространств и их многочисленных полей, одновременно и конституирующих субъекта, и конституируемых им» [14, с. 59–60].

По нашему мнению, данный подход несколько односторонен. Рациональность его концептуализации должна глубже репрезентовать смысловую парадигму типологии человека в темпоральной динамике проявления социальных качеств индивида в аспекте реализуемой человеческой субъективности. В итоге установление сходно-различимой взаимосвязи уровней социального и субъективного в структуре личности по-новому расширяет типологическую устремленность человека «от себя – навстречу Другому». Этот своеобразный вектор разворачивания образует типологический ракурс социального взаимообнаружения, в рамках которого происходит самоактуализация индивида, его извечное объективирование к общечеловеческому, прогрессу общества в целом.

Как известно, цивилизационная достоверность и истинность качества личности объективирована проявлением социально-гносеологических оснований ее типологического потенциала, которые имеют архетипическое содержание. Особое место в этом принадлежит специфическим формам подобия, являющимся уникальным средством социального взаимодействия в форматах «Я – Другой», «Я – социум», «Я – коллектив – общество». В контексте социального отражения, по нашему мнению, специфические формы подобия представляют собой объективированные фрагменты субъективной реальности. Их содержание наиболее полно концептуализировано в диалектической взаимосвязи двух уровней социаль-

ного отражения: первого – непосредственного и второго – опосредованного. Непосредственное отражение фиксирует образы материальной действительности в идеальной субъективной форме, которые объективированы различными социальными отношениями в том числе сходно-различимого характера. Опосредованное отражение трансформирует первичные идеальные образы в различных вариациях на основе рефлексивного механизма воспроизводства «копии с копии». В итоге в процессе социального взаимодействия фрагменты субъективной реальности человеческого мышления объективируются в сравнительные формы второго уровня, которые имеют прототипическое содержание и индивидуальную выраженность в функциях прообразно-практического действия. Их типологическая сущность объективирована способом общественных отношений, методами, принципами и средствами связи между людьми и одновременно субъективирована функциональным предназначением личности в обществе. Концептуальность данного подхода доказана эволюцией развития человеческого «Я», его значимость в значительной мере расширяет границы познания типологии личности, тем самым способствуя приращению научного знания.

Концепт понятия «типология личности». Научная продуктивность выявленных социально-философских оснований продуцируют необходимость обозначения логико-смысловой концепции типологии личности. Ее содержательная квинтэссенция сводится к следующему.

Сущность человека, с одной стороны, качественно определена в границах бесконечного множества физических черт, биофизиологических состояний, эмоционально-психологических образований, социальных свойств индивидуума. С другой стороны, типологическое познание в аспекте социальной активности человека концептуализировано содержательным сравнением актов его объективного и субъективного бытия. Вследствие этого, понятие «тип» выступает субстратным моментом человеческой данности и его проявление репрезентовано диалектическим единством онтологического, гносеологического, социально-психологического, аксеологического, когнитивного, праксеологического, ментального, виртуального аспектов бытия личности. Содержание типа референтно отражается диалектикой его сходно-различимого разворачивания в познавательной плоскости «сущность – содержание – качество – форма – явление». Императивная составляющая данного содержания имеет двойственную природу и выражается, во-первых, корен-

ным признаком, определяющим тип как форму качественной определенности личности. Во-вторых, служит способом субстанционально редуцирующим явление типологий структурных компонентов личности. Уникальность типа заключается в одновременном объединении типологии этих множеств вокруг себя, создавая тем самым гетерогенную основу типологичности человека. Целостность понятия «тип» продуцирует различные изменения в референтном поле человеческой субъектности, консолидирует и развивает смысловое единство содержательных компонентов концепта «типология личности».

Двойственный характер типа в своих онтологическом и логико-гносеологическом проявлениях одновременно имманентен как внутренней, так и внешней стороне личности, целенаправленно интерпретируя и переформатируя ее содержание. При этом определяющим критерием их типологического обнаружения служат не абстрактные намерения индивидуальной субъективности, а конкретные дела и поступки социального индивида. Таким образом, типология личности в широком смысле слова представляет собой ее доминирующее свойство, обусловленное природно-социальным единством жизнедеятельных форм существования человека и определяющее видовой характер деятельности субъекта практики.

Выводы

1. Типология человека имеет свои социально-философские основания, концептуализация которых выражена способом его жизнедеятельности, проявляющиеся в свойствах бытия человеческой индивидуальности. Типологический потенциал человека всесторонне фундаментализирован различными актами обнаружения качественной определенности субъекта практики и в этом отношении выступает как консолидирующее личностное средство его социально-сравнительного познания и общественного действия.

2. Концептуализация типологии личности как мыслительный процесс конструктивной фиксации содержания ее бытия в своей дивергентной сущности реификационно отражает моменты развивающегося становления типоданности человека от первобытного состояния до ноосферной индивидуальности. В этом предельно широком формате концепт «типология личности» продуцирует возможность социально-философского измерения многостороннего спектра природно-социальных качеств человеческой индивидуальности.

3. Научно-теоретические основания типологии субъекта практики адекватны содержанию взаимодействия человека и общества, индивида и коллек-

тива, личности и «Другого». Типологический компонент человека целенаправленно объективирован различными мировоззренческими идеалами, нравственными ценностями общества, которые способствуют эффективности его деятельности в силу типологической содержательности общественно-культурного бытия нации и ее цивилизационных ориентиров.

4. Концептуализация типологии личности в ракурсе социально-философской проблематики имеет перспективы своего развития, выраженные в следующих направлениях: а) в социально-психологическом аспекте расширение познавательного поля развития типологии личности в научной теории нуждается в «психологической деконструкции» данного феномена, углублении междисциплинарных оснований ее исследования; б) в динамике социокультурного подхода перспективными будут исследование проблем социума в типологическом контексте бытия личности, а также рассмотрение вопросов единства типологии и деятельности индивида в ракурсе социальной оптимизации личностного бытия; в) в прагматическом отношении концептуализация эффективности деятельности человека на основе его типологических характеристик актуальна не только в своем прикладном значении, но и востребована инновационно-креативной составляющей функционирования социальных систем (В.А. Беликова, А.Ф. Бондаренко, Е.К. Гафуров, В.В. Козлов). Это требует развития методологии и методики использования различных профессиограмм, профтипограмм, психограмм (Н.Л. Вишневская, Е.И. Грабер, А.В. Гайнуллина, Ю.М. Лустин, Р.Р. Низамова, К. Штерн); г) в виртуально-прогностическом аспекте космологического содержания теория человека будущего (Homo Globalis) заявлена наукой. Однако в данных подходах типология индивида как главное цивилизационное средство формирования модальности культурно-планетарного развития человеческого социума, к сожалению, не определена даже изначально (Л. Гумилев, Н.И. Исаченко, В.П. Казначеев, Е.А. Спирин, С. Хантингтон, Р. Штайнер). Научно-философское, психолого-ментальное отражение вопросов киберпространства в личностно-типологическом контексте будет иметь фундаментальность методологического содержания и характерность ноосферной преемственности в логике развития мировой цивилизации.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. / ред. В. Асмус. М., 1976. Т. 1. 445 с.

2. Марков Б.В. Философская концептуализация человека // Аналитика культурологии. 2009. № 15. С. 17–26.
3. Песина С.А., Вторушина Ю.Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестн. ВГУ. Философия. 2016. № 2. С. 120–128.
4. Pittenger D.J. The limitations of extracting typologies from trait measures of personality // *Personality and Individual Differences*. 2004. № 37. P. 779–787.
5. Верещагин О.А. Интерсубъект как культурный концепт // Парадигма : философско-культурологический альманах. Вып. 17 / отв. ред. М.С. Уваров. СПб., 2011. 204 с.
6. Бельская Ю.В. Аксиологические основания концептуализации модели человека в экономической теории // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2014. Т. 3, № 4. С. 197–201.
7. Лаза В.Д. Социальный архетип: образы и концептуализация // Философские науки. 2012. № 10, ч. 2. С. 104–108.
8. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. 663 с.
9. Корсакова И.А. Проблема концептуализации понятийного ряда «человек, личность, индивидуальность» // Актуальные проблемы современного общества: вопросы социологии, политологии, философии и истории : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (17 декабря 2012 г.). Новосибирск, 2012. С. 24–28.
10. Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. 808 с.
11. Phares E.J., Chaplin W.F. Introduction to personality. N.Y., 2008. 384 p.
12. Орехов А.М. Социально-философская наука: предметные основания, структура, функции // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Философия. 2007. № 3. С. 6–17.
13. Тимофеева Н.И., Каплин В.Ю. Понятие и основные виды социальной онтологии // Общество и право. 2014. № 1. С. 251–255.
14. Палагута В.И. Социальная онтология в контексте исследования проблемы социализации субъекта // Вестн. Днепропетр. ун-та. История и философия науки и техники. 2012. Вып. 19, № 1/2. С. 54–60.
3. Pesina S.A., Vtorushina Yu.L. Kontsept kak mental'nyi kul'turno znachimyi konstrukt [The Concept as a Mental Culturally Important Element]. *Vestn. VGU. Filosofiya*. 2016, No. 2, pp. 120-128.
4. Pittenger D.J. The limitations of extracting typologies from trait measures of personality. *Personality and Individual Differences*. 2004, No. 37, pp. 779-787.
5. Vereshchagin O.A. Intersub"ekt kak kul'turnyi kontsept [Intersubjective as a Cultural Concept]. *Paradigma : filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*. No. 17. Ed. M.S. Uvarov. Saint Petersburg, 2011, 204 p.
6. Bel'skaya Yu.V. Aksiologicheskie osnovaniya kontseptualizatsii modeli cheloveka v ekonomicheskoi teorii [The Axiological Background of Conceptualization of the Model of a Human in Economic Theory]. *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta*. 2014, vol. 3, No. 4, pp. 197-201.
7. Laza V.D. Sotsial'nyi arkhетip: obrazy i kontseptualizatsiya [Social Archetype: The Image and Conceptualization]. *Filosofskie nauki*. 2012, No. 10, pp. 104-108.
8. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Moscow, 1993, 663 p.
9. Korsakova I.A. [The Problem of Conceptualizing of Notional Range “Human, Personality, Individuality”]. *Aktual'nye problemy sovremennogo obshchestva: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii i istorii* [Actual Problems of Modern Society: The questions of Sociology, Politology, Philosophy and History]. Proceedings of the international scientific practical conference (Novosibirsk, December 17, 2012)]. Novosibirsk, 2012, pp. 24-28.
10. Veber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1990, 808 p.
11. Phares E.J., Chaplin, W.F. *Introduction to personality*. N.Y., 2008, 384 p.
12. Orekhov A.M. Sotsial'no-filosofskaya nauka: predmetnye osnovaniya, struktura, funktsii [Socially-philosophical Sciences: the Background, Structure and Functions]. *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Filosofiya*. 2007, No. 3, pp. 6-17.
13. Timofeeva N.I., Kaplin V. Yu. Ponyatie i osnovnye vidy sotsial'noi ontologii [The Notion and Main Types of Social Ontology]. *Obshchestvo i pravo*. 2014, No. 1, pp. 251-255.
14. Palaguta V.I. Sotsial'naya ontologiya v kontekste issledovaniya problemy sotsializatsii sub"ekta [The Social Ontology in the Context of Research of the Problem of Subject's Socialization]. *Vestn. Dnepropetr. un-ta. Istoriya i filosofiya nauki i tekhniki*. 2012, Iss. 19, No. 1/2, pp. 54-60.

References

1. Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Ed. V. Asmus. Moscow, 1976, vol. 1, 445 p.
2. Markov B.V. Filosofskaya kontseptualizatsiya cheloveka [The Philosophical Conceptualization of a Human]. *Analitika kul'turologii*. 2009, No. 15, pp. 17-26.

14. Palaguta V.I. Sotsial'naya ontologiya v kontekste issledovaniya problemy sotsializatsii sub"ekta [The Social Ontology in the Context of Research of the Problem of Subject's Socialization]. *Vestn. Dnepropetr. un-ta. Istoriya i filosofiya nauki i tekhniki*. 2012, Iss. 19, No. 1/2, pp. 54-60.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ КОМФОРТА

© 2017 г. Г.Р. Сарикек

INDIVIDUALITY AND SELF-IDENTIFICATION OF INDIVIDUAL IN THE SOCIETY OF COMFORT

G.R. Sarikek

Сарикек Галина Рубеновна –
Российский университет дружбы народов,
Сочинский институт (филиал),
кандидат философских наук,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354348, Россия.
E-mail: sarikek@mail.ru

Galina R. Sarikek –
Russian People's Friendship University,
Sochi Institute (Branch),
Candidate of Philosophy,
Kuibysheva St., 32, Sochi, 354348, Russia.
E-mail: sarikek@mail.ru

Термины «индивидуальность» и «самоидентификация» появились благодаря их рассмотрению в философии, социологии, психологии и неразрывно связаны с понятием личности. Предметом статьи является концептуальное осмысление понятий «индивидуальность» и «самоидентификация» в истории философской мысли и в обществе комфорта. В философской традиции принято под индивидуальностью понимать в человеке своеобразное сочетание не только природного, но и социального аспектов. Самоидентификация выступает как осознание человеком своей сущности, проявление личностного начала, определение своего места в мире и соотнесение себя с фундаментальными нравственными ценностями. Особое внимание в статье акцентируется на выявлении детерминизма между данными дефинициями в обществе XXI в., так как самоидентификация личности есть выражение индивидуальности в социальной среде. Личность в обществе комфорта, выступая объектом рефлексии, постоянно связана с процессами самопрезентации, самоограничения и самореализации. Результатом исследования выступает анализ социокультурной ситуации XIX – XX вв., указывается, что благодаря развитию науки и технологий, акценты с самоидентификации личности переносятся на массовое сознание. Обосновывается необходимость переноса акцентов с окружающего мира человека на его внутренний мир, самопознание и самоидентификацию. К методам исследования относятся сравнительно-исторический метод, хронологический, дедуктивный анализ, обобщение и др. Результаты могут быть применены не только в области философских знаний (социальная философия, философская антропология), но и в психологии.

Ключевые слова: личность, индивидуальность, самоидентификация, общество комфорта, жизненный мир, интенциональность, повседневность.

The terms “individuality” and “self-identification” appeared due to their consideration in philosophy, sociology, psychology, and are inextricably linked with the notion of personality. The subject of the article is conceptual understanding of the concepts of “individuality” and “self-identification” in the history of philosophical thought and the society of comfort. In the philosophical tradition, there is a generally accepted notion of “individuality” which marks it as a peculiar combination of the natural and social aspects combined in one person. Self-Identification emerges as a person's understanding of his/her own essence, the expression of personality's origin, finding of person's place in the world and one's correlation with fundamental moral values. In this article, a special attention is focuses on detecting of determinism between the definitions in the society of XXI century because self-identification of personality is the expression of individuality in the social environment. Personality in the society of comfort serves as a subject of reflection, and is constantly connected with the processes of self-presentation, self-restraint and self-realization. The result of research is the analysis of the socio-cultural situation of the XIX-XX centuries, it is also stated that due to the development of science and technology the emphasis is transferred from self-identification of a person to the mass consciousness. The research gives a justification for the need to shift the emphasis from person's outer to his/her inner world, self-knowledge and self-identification. Comparative-historical, chronological, deductive, analytical, synthetic, and other methods are used in this research. The research results can be used in the field of philosophical knowledge (social philosophy, philosophical anthropology) and in psychology as well.

Keywords: personality, individuality, self-identification, society of comfort, lifeworld, intentionality, daily occurrence.

Актуальность обращения к проблеме становления и самоидентификации личности наиболее остро возникает в XIX в., связанным с научными

открытиями, неумолимым движением к «достижениям», массовым навязыванием антинаучных и иррациональных объяснений, жизнью по выстро-

енным шаблонам, монотонностью и механистической направленностью труда, что является эффективными методами управления человеком. Его жизнь проходит по определенному сценарию: школа – работа – семья – пенсия, а труд подарил вместо освобождения – монотонную работу, однообразные мысли. Все это подталкивает человека на осознание бессмысленности трудовых дней, а лишь в немногие «свободные» дни и часы он начинает задумываться над своим «Я», реализацией «Я для себя», а не «Я для других». Что такое индивидуальность человека? Как и посредством чего она проявляется? Что такое самоидентификация личности? – наиболее значимые вопросы философии, которые касаются бытия человека.

В своем исследовании мы опираемся на работы Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, Х.А. Ливрага, Б. Вальденфельса, Э. Сепира, Э. Гидденса, В. Кувалдина и других, посвященные философскому пониманию индивидуального бытия человека, идентификации и самоидентификации личности в обществе комфорта.

Цель исследования – выявление сущностных характеристик становления личности и ее самоидентификации в обществе XXI в.

Термины «индивидуальность» и «самоидентификация» появились благодаря их рассмотрению в философии, социологии, психологии и неразрывно связаны с понятием личности. В философском словаре «личность – отдельный человек, характеризующий со стороны его целостности, осознанно-волевых проявлений» [1] в социальной группе. Таким образом, под личностью в европейской философской мысли принято считать нечто уникальное, единичное, абсолютно неповторимое, существующее именно в данной точке пространства и времени. Эволюция взглядов относительно понимания личности в философской традиции основана на том, что человек признается высшей ценностью.

В философской традиции принято под индивидуальностью понимать в человеке своеобразное сочетание не только природного, но и социального аспектов. Э.В. Ильенков писал: «Личность, человеческая индивидуальность, очевиднейшим образом наделенная способностью самочувствия и не менее бесспорной способностью совершать акты самонаблюдения – наблюдения над самой собой, над своими собственными поступками и словами, – это ведь не спекулятивная выдумка Декарта или Фихте, а факт» [2]. Исследователи данного вопроса сходятся в том, что термин «индивидуальность» содержит в себе единство многообразного, т.е. многое в

едином. Таким образом, в философии под индивидуальностью принято понимать человека, который при взаимодействии с обществом приобретает социальные качества, преобразуя и используя их в собственных целях. М.К. Мамардашвили указывал, что «индивидуальность – это форма, способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции <...> это крупная мысль природы. Самонастраиваемость ее проявлений не зависит от всезнания или от каких-либо высших ориентиров <...> ... главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться...» [3].

Индивидуальность дает начало неповторимому, индивидуальному бытию человека. Нет в мире двух людей, о которых можно сказать, что они внешне и внутренне тождественны друг другу, одинаково живут, строят карьеру, проводят свободное время, имеют идентичные жизненные цели и другое при условии навязывания обществом одинаковых потребностей и целей. Даже в обществе комфорта «одинаковость» как таковая невозможна, каждый человек наделен только ему присущим набором качеств и особенностей, которые отличают его от другого. Все качества, свойства и особенности человека, лишь взятые в комплексе, дают представление о его индивидуальном бытии.

Следует выделить факторы, служащие основой для формирования индивидуальности человека:

- физиологические особенности и его наследственность;
- окружение – культурное пространство, семья, принадлежность к общественным группам, сообществам, организациям, жизненный опыт;
- группа факторов, которая составляет черты и особенности характера.

Следовательно, индивидуальность формирует индивидуальное бытие человека, его мировоззрение через его внутреннюю позицию, систему внутренних личностных смыслов. Выходит, что индивидуальность заключается в представлении человека, взятого в целостности всех его свойств, особенностей и качеств, поэтому он реализует и обретает свою индивидуальность в мире повседневности.

В области философских знаний проблема индивидуальности неразрывно связана с проблемой самоидентификации, т.е. самосознания человека и выполняемых им социальных ролей. Самоидентичность выступает как осознание своей сущности, проявление личностного начала, определение своего места в мире и соотнесение себя с фундаментальными нравственными ценностями. Результа-

том комплексного процесса самоопределения (самоидентификации) должно явиться тождество человека с самим собой, соотнесение «Я» с истинным образом «Я».

В постановке проблемы о самоидентификации личности распространенным считается вопрос о том, из чего состоит идентичность личности во времени. Субстанциалистский вариант проблемы (где основанием тождества выступает «Я как субстанция») восходит к понятию конкретного индивида, способного оставаться тождественным себе в процессе каких-либо изменений. Внимание философов античности было сосредоточено на бессмертной душе (источник постоянства) в отличие от тела (источник изменений). Христианство в свою очередь формулирует идею персоны как индивидуального центра выбора и действия, идентичность которой была значима перед Богом. Личность должна предстать перед ним единой, а жизнь ее должна иметь локализацию и источник ответственности.

При либерально-индивидуалистическом умонастроении европейской мысли XVII–XVIII вв. особое внимание уделяется проблеме персональной идентичности, согласно которой личность образует не субстанция, а одно и то же непрерывное сознание. Таким образом, самоидентификация определяет, что личность должна отвечать за свои поступки и может быть за это вознаграждена или наказана. Данная ответственность за все совершенное базируется на способности человека помнить о действиях, совершенных ею в прошлом.

И. Кант считал, что человек не имеет знаний о мире, если не уверен в единстве своего сознания. Отдельный индивид, по мнению И. Канта, необходимо связан с природными и социальными закономерностями, но в то же время является субъектом выполнения нравственного долга. Трансценденталистское решение проблемы самоидентификации личности характеризуется сведением ее к проблеме самоидентификации субъекта: идентичность коренится в чистом идеальном «Я». В развитии философской мысли произошла трансформация взглядов касательно понятия «самоидентификация», осмысленного в качестве темпорального и опосредованного феномена, интерсубъективное формирование которого задает моральное измерение. Получается, что индивид не может не выходить за границы своей единичности, так как в любом случае соотносит свое поведение с мнениями других и лежащим вне его нравственным законом.

Выходит, что акт самоидентификации представляет собой единство эмоционального переживания себя как целостности, рационального самопознания

и, что наиболее важно, волевого акта. Исходным состоянием для поиска самоидентичности является кризис личностного развития, когда необходимо совершить выбор по крайней мере из двух альтернативных вариантов.

Проблема самоидентификации человека распространилась в общественном сознании и в гуманитарной мысли к середине XX ст., пронизанного социально-историческими изменениями, которые повлияли на внутреннее состояние человека. Так или иначе при тесном переплетении и взаимодействии институциональных изменений и внутриличностных трансформаций в социальной реальности необходимо выявить сущностные характеристики личности и ее самоидентификации в обществе комфорта, связанного с кризисом идентичности, который остро переживается в обществе.

XX век, названный «обществом комфорта», объединил в себе не только научные открытия, рост в культурной сфере, изменения в политике, экономике, идеологии, но и восприятие человеком самого себя. В обществе комфорта бессилие человека перед реализацией своих желаний, постоянная занятость на работе и зарабатывание денег для удовлетворения своих потребностей ограничивают его. Общество комфорта выступает одним из отображений глобализации, которую Э. Гидденс определяет как «новое и революционное явление», «образ жизни» [4], причем «интеллект, знания, технологии становятся важнейшими экономическими активными» [5].

Повседневность полностью поглотила человека, поэтому как реакция возникает так называемый «кризис личности». Но XXI в. «вяло» диктует нам требование выявить и установить тождество индивида самому себе. Для этого необходимо задать себе вопрос «Кто я?», что расценивается как попытка сделать себя предметом исследования. Лишь только благодаря существованию антиномий «я знаю себя» и «я не знаю себя» возможен акт самопознания, постоянный эксперимент над самим собой как самосовершенствование духа, который является основанием культуры. Именно акт самоидентификации – главная задача человека, которую он решает на протяжении всей жизни. Осознание самого себя требует от него полного напряжения всех его духовных сил.

Напомним, что человек постоянно стремился к комфорту, начиная еще со времен пещерных племен, когда пытался изменить не только орудия труда, но и условия жизни для того, чтобы создать для себя удобные условия. Х.А. Ливрага писал: «Человек всегда хотел окружить себя чем-то, что

сделало бы его жизнь более легкой и приятной» [6]. На данном этапе развития общества с суммарным индивидуальным стремлением к комфорту, легкости и удобству, что начинает давить на всех, можно сказать, человек находится в состоянии «заражения», когда потребности давят на него. Общество комфорта навязывает ложные потребности, преувеличивая ценность предметов. Такое подавление личности, лишение возможности выбора, независимости, естественно отводит человека от обращения к самому себе. Таким образом у него забирают внутреннюю свободу, личную свободу, право делать то, что он считает необходимым и правильным.

Понятие «жизненный мир», занимающее центральное место в философской концепции Э. Гуссерля, обозначающее «мир нашего повседневного опыта, не отягощенного еще никакими научными знаниями» [7], не стоит сводить к понятию «повседневность». Жизненный мир выступает как самовыявление трансцендентальной субъективности. Значит, это то, что дает начало интенциональности сознания, его направленности на некий предмет. Именно данная направленность на предмет формирует мировоззрение человека и необходимо содержит в себе субъективную основу (переживание).

Естественно, общество и повседневность неотъемлемо откладывают отпечаток на формирование личности. Т.А. Зайцева отмечает: «Повседневность одновременно и конкретная сфера культуры (жизнедеятельности общества, человека), и процесс (способ жизни), реализуемый и представленный различными механизмами, в том числе адаптационными ... повседневное – не просто рутина и однообразие, но объективный и субъективный опыт, предполагающий универсализм и единичность практик и переживаний, наличие связи преемственности между поколениями» [8]. Так или иначе, все многообразие взглядов и представлений образуются в человеке не специально, а как бы само собой, из обыденного мира. Б. Вальденфельс считал, что повседневность действует как «фермент, как закваска, которая позволяет чему-то зародиться» [9]. Если человека формирует повседневность, тогда, если не изменить ее, человека изменить невозможно. Э. Сепир подметил: «Подлинная опасность, в изобилии засвидетельствованная повседневным опытом, заключается в подчинении безжалостным нивелирующим силам нашего культурного наследия и в воздействии заурядного ума на заурядный ум» [10].

В современном мире человек находится под воздействием массовых технологий, СМИ, под давлени-

ем однородной информации, что выдвигает особые требования к личности. Новые технологии, определяющие развитие промышленности, благосостояния, научно-технического прогресса, вместе с тем представляют огромную угрозу для человечества, перед которым возникает ситуация выбора: быть или не быть. Естественно, это касается различных сторон жизни, так как глобализация порождает взаимодействие разных социальных процессов.

Несомненно, человек получает уже готовые мыслительные штампы и решения, он постоянный заложник искусственной информации. Категорический императив И. Канта в XXI в. уже не действует, за бездумным впитыванием информации человек так же бездумно использует других людей в качестве средств, но никак цели. Но если человека постоянно «вбрасывают» в информационное пространство, то его основной целью должно стать сохранение устойчивости внутреннего духовного опыта, в результате чего процессы идентичности приобретают гуманистический смысл.

Итак, индивидуальное есть неповторимость отдельного человека, взятого во всех его свойствах и отношениях. Самоидентификация выступает как специфический диалектический процесс, имеющий своей целью выявление и раскрытие позитивных возможностей социальной и биологической природы в ходе развития общества и человека.

Таким образом, индивидуальность и самоидентификация неотделимы друг от друга, так как самоидентификация личности есть выражение индивидуальности в социальной среде. Личность в обществе комфорта, выступая объектом рефлексии, постоянно связана с процессами самопрезентации, самоограничения и самореализации. Человек наделен способностью приукрашивать окружающий его мир, жизнь, наделять идеальными качествами других людей, выступая при этом художником-декоратором. Имея данную способность, наше сознание направлено вовне, ограничивая тем самым себя, изменяя вектор своей направленности на поверхностное восприятие окружающих предметов, явлений, уводя акценты с самоидентификации личности на массовое сознание.

Литература

1. Краткий философский словарь. URL: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/lichnost/1-1-0-239 (дата обращения: 29.01.2017).
2. Ильенков Э.В. Что же такое личность? URL: <http://dbs-win.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet>

/ru/index.php?cp=document&id=170 (дата обращения: 29.01.2017).

3. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. URL: http://modernlib.ru/books/mamardashvili_merab/kak_ya_ponimayu_filosofiyu/read (дата обращения: 29.01.2017).

4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. URL: <http://lektsii.org/6-44088.html> (дата обращения: 29.01.2017).

5. Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? // Человек без границ. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFuture_VictKuv (дата обращения: 29.01.2017).

6. Ливрага Х.А. Общество комфорта и философия риска. URL: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (дата обращения: 30.01.2017).

7. Свасьян К.А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. Ереван, 1987. URL: <http://psylib.org.ua/books/svask01/txt04.htm> (дата обращения: 30.01.2017).

8. Зайцева Т.А. Повседневность как исследовательская проблема // Вестн. Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. Вып. 2 (10). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-issledovatel'skaya-problema> (дата обращения: 30.01.2017).

9. Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигль рациональности. URL: <http://ec-dejavu.ru/d/Daily.html> (дата обращения: 29.01.2017).

10. Сепир Э. Культура подлинная и мнимая. URL: http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/_30.htm (дата обращения: 29.01.2017).

References

1. *Kratkii filosofskii slovar'* [Brief Philosophical Dictionary]. Available at: http://platona.net/board/filosofskij_slovar/lichnost/1-1-0-239 (accessed 29.01.2017).

2. Il'enkov E.V. *Chto zhe takoe lichnost'?* [What is Personality?]. Available at: <http://dbs-win.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/ru/index.php?cp=document&id=170> (accessed 29.01.2017).

3. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I Understand Philosophy]. Available at: http://modernlib.ru/books/mamardashvili_merab/kak_ya_ponimayu_filosofiyu/read (accessed 29.01.2017).

4. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Vanishing World: How Globalization Changes our Life]. Moscow, 2004. Available at: <http://lektsii.org/6-44088.html> (accessed 29.01.2017).

5. Kuvaldin V. *Globalizatsiya - svetloe budushchee chelovechestva?* [Globalization - Bright Future of Mankind?]. *Chelovek bez granits*. Available at: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFuture_VictKuv (accessed 29.01.2017).

6. Livraga Kh.A. *Obshchestvo komforta i filosofiya riska* [Society of Comfort and Philosophy of Risk]. Available at: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (accessed 30.01.2017).

7. Svas'yan K.A. *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedeutika i kritika* [Phenomenological Knowledge. Propaedeutics and Criticism]. Erevan, 1987. Available at: <http://psylib.org.ua/books/svask01/txt04.htm> (accessed 30.01.2017).

8. Zaitseva T.A. *Povsednevnost' kak issledovatel'skaya problema* [Daily Life as a Research Problem]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 2013, Iss. 2 (10). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-issledovatel'skaya-problema> (accessed 30.01.2017).

9. Val'denfel's B. *Povsednevnost' kak plavil'nyi tigl' ratsional'nosti* [Daily Life as the Melting Pot of Rationality]. Available at: <http://ec-dejavu.ru/d/Daily.html> (accessed 29.01.2017).

10. Sepir E. *Kul'tura podlinnaya i mnimaya* [Culture Real and Imaginary]. Available at: http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/_30.htm (accessed 29.01.2017).

УДК 130.2, 821.161.1

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-31-36

«ПОЧВА» И СУДЬБА РОССИИ В ДИАЛОГЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Н.Н. СТРАХОВА

© 2017 г. М.М. Сухоруков

«NATIVE SOIL» AND THE FATE OF RUSSIA IN THE DIALOGUE OF F.M. DOSTOEVSKY AND N.N. STRAKHOV

М.М. Sukhorukov

Сухоруков Максим Михайлович –
Московская духовная академия,
кафедра богословия, магистрант,
г. Сергиев Посад, Московская область, 141300, Россия;
Южно-Сахалинское и Курильское епархиальное управление
Русской православной церкви, референт,
ул. Ленина, 158, г. Южно-Сахалинск, 693000, Россия.
E-mail: sumami@bk.ru

Maksim M. Sukhorukov –
Moscow Theological Academy,
Department of Theology, Master Student,
Sergiev Posad, Moscow Region, 141300, Russia;
South Sakhalin and Kuril Diocesan Management,
Russian Orthodox Church, Referent,
Lenina St., 158, Yuzhno-Sakhalinsk, 693000, Russia.
E-mail: sumami@bk.ru

Анализируется тема цивилизационной специфики и судьбы России в диалоге Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова. Рассматривается отличие почвенничества как самостоятельного направления русской религиозно-философской мысли от западничества и славянофильства. Становление и развитие самосознания русской культуры в середине XIX в. проходило под прямым влиянием образов западноевропейской рационалистической метафизики. При этом само стало результатом непосредственного соприкосновения России и западного мира, диалога между двумя цивилизационными традициями и духовными опытами. Почвенничество сформировалось в условиях противоречивой либеральной модернизации российского общества в царствование Александра II. В центре религиозно-философских воззрений представителей почвенничества – проблема преодоления тотального нигилизма, охватившего русское общество в переломную эпоху. Понятие «почва» – это важнейший историософский концепт во взглядах Достоевского и Страхова. На формирование теоретических основ и мировоззрения почвенничества огромное влияние оказала философия Гегеля, след которой проявляется не только в прямых увлечениях социальными идеалами Европы и рациональным типом знания и диалектической методологией его добычи. «Гегельянство» почвенничества связано и с символикой исторического пути России, обнаружением в нем опыта самосознания не только определенной культурной традиции, но и религиозно-философского сплава как основания данной традиции. «Почва» в толковании обоих мыслителей выступает образным выражением контрмодернистской стратегии осмысления исторического времени и значения «русского мира» для раскрытия судьбы западной цивилизации. В диалоге Страхова и Достоевского на русской почве был реализован опыт универалистского мышления.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, диалог, философия истории, национальная почва, судьба России, самосознание.

The article is devoted to the theme of civilizational specificity and the fate of Russia in the dialogue of F.M. Dostoevsky and N.N. Strakhov. Discusses the difference of Native Soil Conservatism as a distinct phenomenon of the Russian religious-philosophical thought from Westernism and Slavophilism. The formation and development of self-consciousness of Russian culture in the mid-nineteenth century took place under the direct influence of Western European rationalistic metaphysics. At the same time was the result of direct contact between Russia and the Western world, the dialogue between the two civilizational traditions and spiritual experiences. The Native Soil Conservatism were formed in conditions of contradictory liberal modernization of the Russian society in the reign of Alexander II. In the centre of the religious-philosophical views of representatives of Native Soil the problem of overcoming the pervasive nihilism that gripped Russian society in the crucial era. The term «soil» is the most important historiographical concept in the views of Dostoyevsky and Strakhov. On the formation of the theoretical foundations and ideology of Native Soil was greatly influenced by Hegel's philosophy. Trail of Hegel's philosophy manifests itself not only in the direct interests of the social ideals of Europe and of rational knowledge and the dialectical methodology of its production. «Hegelianism» of Native Soil is connected with the symbolism of historical experience of Russia, the detection of a experience of self-consciousness not only certain cultural traditions, but also philosophical and religious alloy as the foundation of this tradition. «Soil» in the interpretation of both thinkers acts as a trope contrmodernism comprehension strategies historical time and values of «Russian world» to disclose the fate of Western civilization. In the dialogue Strakhov and Dostoevsky on Russian soil was implemented, the experience of universalist thinking.

Keywords: F.M. Dostoevsky, N.N. Strakhov, dialogue, philosophy of history, the national Native Soil Conservatism, the fate of Russia, self-consciousness.

Обращение к достижениям национального самосознания, которые составляют сокровищницу отечественной интеллектуальной и духовной культуры и в которых наиболее полно и гармонично выражался дух «всечеловеческого» (В. С. Соловьев) основания исторического бытия России, актуально и востребовано. Диалог Ф. М. Достоевского и Н.Н. Страхова, развернутый на страницах многолетней переписки, а также отразившийся в их литературно-публицистических трудах, составил важнейшую страницу истории самосознания отечественной культуры, стал опытом осмысления глубин русского национального быта и переживания драматичной судьбы философии и живого философского слова в условиях непоследовательного реформирования и обновления всех сфер общественной жизни России во второй половине XIX в.

Традиционная оценка философии и литературно-публицистической мысли XIX столетия относит Страхова и Достоевского к почвенничеству. Без литературной и философской критики Страхова и без творчества Достоевского вообще невозможно представить себе почвенничество как целостное и автономное направление русской мысли, составляющее уникальный опыт самосознания по отношению к тому же славянофильству или западничеству. Именно в мировоззрении и теоретико-философских положениях русского почвенничества второй половины XIX в. нашли свое максимально полное выражение самые глубинные чаяния русского духа, ценностно-смысловые и социально-исторические поиски российской цивилизации и самого русского народа. Кроме того, в почвенничестве отразились и основные противоречия становления духовной, нравственной и социальной зрелости России, ее многомерного Лица в пространстве и времени земного пути человечества.

Классическое западничество и славянофильство, если за точку отсчета брать философские и литературные дискуссии еще 1830–1840-х гг., с этой точки зрения вряд ли может рассматриваться как исчерпывающий *ответ* на вопрос Истории о том, *что* есть Россия, каково ее место среди иных цивилизаций и каково ее возможное будущее. Скорее и западничество, и славянофильство были вариантами такого ответа, выражавшими актуальные для той эпохи способы самоосмысления русского общества. Основными потому что именно Запад и Восток в культурно-историческом и географическом измерениях выступали для России единственными

стихийно сложившимися точками самоидентификации и опоры. Однако глубина и сила русского мышления оказались существенно значительнее критики старого «умостроя» и признания величия европейской классической социальной формации или же идеализации русской традиционной патриархальности. Как подчеркивал прот. Г. В. Флоровский, «видимым образом русское общество разделилось в 40-е годы в спорах о России. Но в этих историкофилософских разногласиях уже только проявляется несходство в чем-то более глубоком и основном. Задумываться о русской судьбе (или о русском призвании) в те годы поводов и мотивов было достаточно... Возникал вопрос о месте России в общем плане или схеме “всемирной истории”. Историческая философия русской судьбы и становится основной темой пробуждающейся теперь русской философской мысли» [1, с. 314–315].

И все эти споры проходили на фоне того, что в самой Европе оценка русского цивилизационного опыта на тот момент была в целом невысокой. Самую известную характеристику славянскому миру дал не кто иной, как Гегель. Немецкий философ пишет: «Вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии, так как в истории мы имеем дело с прошлым» [2, с. 368]. Влияние Гегеля на всю мыслящую часть русского общества в XIX в. было колоссально. Страхов и Достоевский живо интересовались гегелевской концепцией философии истории, диалектической логикой, эстетикой и философией права. Значение гегелевской философии составляло одну из важнейших тем их переписки. Причем именно для Страхова и Достоевского в большей степени, чем для другого представителя почвенничества Ап. Григорьева, который в оценке сущности искусства следовал шеллингианской философии, характерен интерес именно к гегелевской системе [3, с. 19–20].

Страхов писал: «Нам, русским, нельзя не питать большого уважения к этой философии, так как она подействовала на наше умственное движение самым плодотворным образом. Никакое другое философское учение не имело у нас такого множества таких даровитых и так много сделавших последователей. Притом весьма замечательно и весьма характерно для этой философии то, что ее влияние было одинаково живительно для самых противоположных направлений. Если взять дело в грубой и общей

форме, то можно сказать, что и западники, и славянофилы у нас порождены гегельянством» [4, с. 242]. Страхов именно с «гегелианством» связывал рождение славянофильства в России в николаевскую эпоху. Об этом он пишет в своей небольшой статье, опубликованной в 1864 г. в почвенническом журнале «Эпоха», издававшимся Достоевскими [5]. Влияние Гегеля на становление русской мысли является несомненным фактом. Однако его последствия оказались для России весьма противоречивыми. «Трагическая судьба этого желания [обретения западной формы мышления. – М. С.] на русской почве была продемонстрирована еще Ф. М. Достоевским и в этом смысле также находится в лоне стихии модерна, занятого “переустройством” мира» [6, с. 17]. На примере творческого развития взглядов Страхова и Достоевского хорошо видно, что, несмотря на признание огромной роли гегелевской философии для самосознания европейской культуры и самой философии как культурного феномена, охватывающего определенный цивилизационный ареал, оба автора признают ограниченность диалектики немецкого мыслителя и особенно его философско-исторических и философско-правовых выводов.

Кроме того, судьбы западничества и славянофильства говорят о том, что полярные схемы религиозно-философского мышления оказались недостаточными в период кризиса самого российского общества. Спор западников и славянофилов лишь усиливал разорванность общественного сознания, неспособного к открытым переменам, к внутреннему преображению. Нигилизм 60-х гг., многократно представленный в художественных образах многих писателей и критиков, был в первую очередь нигилизмом именно по отношению к историческому времени. И в этом смысле отрицание *настоящего* в равной мере характеризует и ценителей «старины» и тех, кто жаждет перемен по западному образцу. Как подчеркивает прот. Г.В. Флоровский, «действительный смысл тогдашнего так называемого “нигилизма” не в том только заключается, что рвали с устаревшими традициями и отвергали или разрушали обветшавший быт. Нет, “отрицание” было много решительнее, и было всеобщим. ...Русский “нигилизм” был в те годы, прежде всего, самым яростным приступом антиисторического утопизма» [1, с. 363–364]. Появление и развитие почвенничества стало во многом как раз своеобразной компенсацией одностороннему историософскому мышлению ревнителей «русской старины» или «прогрессивной» Европы и соответственно способом позитивного преодоления нигилизма в

самом сознании общества. Концепт «почва» во многом есть теоретизированная форма осмысления и проникновения в суть внутреннего *принятия* действительности в ее актуально существующем виде и духовного *согласия* с ней.

Ключевым посылом всей почвеннической религиозно-метафизической мысли было понимание того, что *настоящее* время человеческой жизни и государственной реальности не должно умиляться и подвергаться усечению в угоду «золотому» прошлому или «идеальному» будущему. В чем также обнаруживается скрытый гегелевский «мотив» почвеннического мировоззрения. «Ценность будущего разрушает идеальное опосредствование человека в человеческом, разрывает самого человека, испепеляет его духовную плоть, уничтожает его самость, оголяет его смертность для сознания, убивает само это сознание» [7, с. 21]. Преодоление трагедии расколотого сознания возможно именно на пути цельного совладения со своей эпохой. Как показал в своем творчестве Достоевский, такая гармония не достижима на пути идеализации каких-то отдельных сторон жизни, ее форм, явлений или тенденций (будь то в экономике, политике или праве). Что еще раз также доказывает, что великий русский писатель был глубоко христианским мыслителем и художником *Слова*. Его метафизика отражает новозаветное толкование смысла земной истории, представленное в Посланиях св. ап. Павла. В одном из писем Страхову от 18 марта 1869 г. Достоевский пишет: «Сущность русского призвания ... состоит в *разоблачении перед миром русского Христа*, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. По-моему, *в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия*» [8, с. 30]. «Новые времена» в том и состоят, что после Христа именно *вера* образует почву человеческой «праведности», духовного ядра бытия. Вера, а не Закон, есть основа всякой нравственности. И для Достоевского, как мы хорошо знаем, никакая мораль или нравственность были невозможны без Бога, ибо они античеловечны. «Легенда о Великом Инквизиторе» – может быть одно из лучших в истории мысли художественное изображение невозможности спасения человека на пути ветхозаветном (в следовании «букве» закона, но без Бога в сердце и без любви к Нему). Ветхозаветное время было временем царства «ветхой буквы» (Рим. 7: 6). Кроме того, вера масштабнее, выше и глубже знания. Мудрость человеческая есть ничто перед мудростью – премудростью – Божией (1 Кор. 2: 12–13). Таково же было

в сущности и отношении Достоевского к стремлению атеистической учености застолбить право на обладание Абсолютной Истиной. Страхов также критиковал подобные устремления как европейской рационалистической учености, так и отечественного «прогрессистского» идеала. «Праведный верою жив будет» (Евр. 10: 38). Человеческое малодушие, которое критикует Достоевский в изображении человеческих судеб своих персонажей, было еще в Апостольское время отмечено как причина земных тягот жизни.

Диалог Достоевского и Страхова – ярчайшее свидетельство того, что истинный модус отношений между философским мышлением и религиозным чувством – это взаимопроникающий союз. Единство душевной жизни как единство мысли и чувства во многом создает условия для того, чтобы жизнь отдельного человека и общества опиралась на почву. Почва как единство содержания и формы утверждения человека в духовном, в вечности, в высшей Истине. Любое стремление искусственно «переделать» ее приводит лишь к разрушению цельной основы личностного бытия, свободы, духовности, нравственности. Истина существует только в форме всеобщего, Единого, тогда как дробление и множественность сами по себе в своем доведенном до логического предела максимуме оказываются ложью, отрицанием самого Бытия. Личность возможна только в единстве с Другими. Достоевский еще в ранний период своего творчества на рубеже 1840–1850-х гг. выразил негативное отношение к постулатам однозначного славянофильства и западничества. Характеризуя почвенническое мировоззрение Достоевского и того же Ап. Григорьева, А.Л. Осповат пишет: «Оба они равно отвергали славянофильство и западничество, как замкнутые идеологические системы, предполагавшие четкое разделение людей на “наших” и “не наших” и канонизировавшие свои опорные постулаты, по отношению к которым (внутри соответствующей структуры) не допускалось ни сомнения, ни иронии» [9, с. 146].

Для понимания специфики мировоззренческих и идеологических оснований диалога Страхова и Достоевского важно то, что само по себе отличие почвенничества от западничества и славянофильства не исчерпывает собой его специфику. Концептуальный каркас почвенничества не был столь детально проработанным и масштабным, чтоб можно было говорить о том, что диалог двух его ведущих представителей исчерпывался рецепцией *заранее* сформулированных положений или понятий. В диалоге Страхова и Достоевского содержание и

форма мысли обретали сами себя, но не выступали предметом любования.

Во-первых, в самом широком смысле слова основной концепт почвенничества – «почва» – использовался многими авторами эпохи «великих реформ» и более позднего периода для характеристики основы исторического бытия русского народа, для художественной образно-символической трактовки его специфики. Во-вторых, более младшие современники Страхова и Достоевского (например, В. С. Соловьев, Н. Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, хотя последний критиковал Достоевского) отдельные аспекты и стороны почвеннического учения развивали или углубляли в том или ином направлении, которое уже само по себе выходило за рамки той философско-исторической позиции, которая обрела жизнь на страницах журналов и в переписке авторов в 1860-е гг. Наконец, нельзя забывать и о том, что Страхов уже после смерти Достоевского в своей небольшой работе 1894 г., посвященной отзыву В.В. Розанова на «Легенду о Великом Инквизиторе», о Достоевском пишет так: «...Что такое Достоевский? В той или другой степени, в том или другом виде, это – *славянофил*, это очень горячий сторонник славянофильства» [10, с. 361]. Эти и другие суждения Страхова и Достоевского свидетельствуют в первую очередь о том, что в становлении зрелого облика и самосознания русского мира, основной содержательной характеристикой был сам *поиск* как таковой. Открытый диалогизирующий актуальный *опыт*, а вовсе не трансляция или рекомбинация каких-то готовых формул. Характерной в этой связи является оценка собственного идейного облика, которую Страхов дает в одном из писем от 1881 г. Л. Н. Толстому. В нем мыслитель фактически признает, что был почвенником без почвы [11, с. 276]. Любопытно, что Н.О. Лосский в своей «Истории русской философии» относит Страхова (а также К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского) к «вырождению» славянофильства [12, с. 81–82].

Концепт «почва» в рамках русской мысли второй половины XIX в. выражал не только собственно исторические, социально-политические и правовые искания. Хотя, безусловно, данная проблематика всегда была на первом месте в силу своей актуальности, злободневности и остроты в условиях ослабления цензуры и идеологической дисциплины после 1855 г. Содержание диалога Страхова и Достоевского свидетельствует о том, что в почвенничестве подверглись критике одно-сторонность западничества и славянофильства в

той части этих исторических и религиозно-философских конструкций, которая постулировала базовые конструкции коллективного и индивидуального опыта в качестве специфицирующих соответствующий – европейский или русский – культурно-исторический тип. А именно: в западничестве не принималась тенденция абсолютизации рационалистического типа мысли и символического продуцирования, смыслообразования на основе использования абстрактных категорий. В славянофильстве же не принималось одностороннее постулирование сугубо интуитивной основы человеческого существования (и социокультурного созидания соответственно). Разграничение рациональной и вне-рациональной основ сознания и бытия для Достоевского и Страхова было в первую очередь значимо как противопоставление *жизни* как таковой (как стихийного потока) и *теории* как сухой копии реальности, которая может и сохранять истинные отношения между вещами и процессами, но элиминировать саму основу существования. Не случайно, характеризуя основной «мотив» философского творчества и мышления Страхова, Н.К. Гаврюшин подчеркивает, что таковым является «прежде всего *аскеза ума*, но не положительная метафизика, историософия и тем паче *идеология*. Его *критика Запада* не предполагает выдвижения альтернативы, сравнимой хотя бы с той, что намечена в “Русских ночах” кн. В. Ф. Одоевского... Страхов хорошо знал что *проповедь, идеология* как форма догматически-утвердительная – не его путь...» [13].

«Почва» – это *всеобщее единство* социально-исторического сущего, вообще человеческого устройства и присутствия в мире как некоего нередуцируемого *опыта*, всегда данного здесь и сейчас, живого, длящегося и постоянно творчески открытого и самоутверждающегося. Если с этой точки зрения говорить об отношении почвенничества к основной – связанной с православием – интуиции всей русской философской и исторической мысли, то, по нашему мнению, следует признать что идеи Достоевского и Страхова наиболее полно выразили данную связь. Поскольку именно в почвенничестве главный тезис – тезис о преодолении односторонностей славянофильства и западничества – звучал наиболее последовательно. Как отмечает Н. К. Гаврюшин, «своеобразие русской мысли состоит в том, что она стремилась ... к осмыслению Православия как универсального мировоззрения» [14, с. 68].

Для почвенничества ключевой была идея о том, что сущность человеческого бытия, народной жизни не может быть полностью выражена через

какое-то *одно*, застывшее в своей схематичности понятие или структуру. Любая даже самая привлекательная теория всегда остается лишь подобием действительности. Не следует забывать и о том, что важнейшее понятие философии всеединства В. Соловьева – *соборность* – во многом было изначально славянофильской идеей. Но в процессе своего развития преодолевшей односторонние националистические лозунги и положения, субстантивировавшие замкнутую самобытность славянского народа. Между прочим на близость почвеннической религиозной метафизики к идее всеединства указывает и сам В. Соловьев: «Он [Достоевский] понял, прежде всего, что отдельные лица, хотя бы и лучшие люди, не имеют права насилловать общество во имя своего личного превосходства... В сознании этих истин Достоевский далеко опередил господствовавшее тогда направление общественной мысли и благодаря этому мог предугадать и указать, куда ведет это направление» [15, с. 195]. В единстве и «примирении» – высший смысл и ценность усилий человека и общества. Обособление – ложный путь. Идеал народной жизни не может быть отождествлен с какой-то одной стороной социально-исторического существования, даже если она максимально специфицирует его на фоне иных типов и форм исторического развития. Лучше всего об этом сказал сам Достоевский: «...нравственно надо соединиться с народом вполне и как можно крепче ... надо совершенно слиться с ним и нравственно стать с ним как одна единица» [16, с. 247].

В диалоге Достоевского и Страхова выразился исконно *русский способ универсального мышления*, синтезирующий в себе односторонний рационализм и основанный на восточно-христианской традиции интуитивно-мистический опыт постижения Абсолютного. Христианская культура и христианский универсализм – вот та общая платформа, на которой их взгляды получили свое опосредствование. Литературно выраженное Слово Достоевского и Страхова это не только *познавательное* усилие. Диалог Достоевского и Страхова убедительно показал – путь России в противоречивом взаимном восполнении различных смысловых мыслительных форм, опытов и стратегий.

Литература

1. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М., 2009. 848 с.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 2000. 480 с.

3. Горбанев Н.А. Аполлон Григорьев и Н.Н. Страхов // Филологические науки. 1988. № 1. С. 19–25.

4. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Герцен // Борьба с Западом / сост. и комм. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М., 2010.

5. Страхов Н.Н. Заметки летописца. 1864 март. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml (дата обращения: 25.07.2016).

6. Моисеев А.В. «Философия права» Гегеля: самосознание и критика исторического времени // Философия права. 2015. № 6. С. 12–19.

7. Моисеев А.В. Философское самосознание и время в культуре // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2011. № 5. С. 18–22.

8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 29. Кн. 1 : Письма. 1869–1874 гг. Л., 1986.

9. Основат А.Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1978.

10. Страхов Н.Н. «Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского // Борьба с Западом / сост. и комм. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М., 2010.

11. Толстовский музей. Т. 2 : Переписка Л.Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. 481 с.

12. Лосский Н.О. История русской философии : пер. с англ. М., 1991. 482 с.

13. Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н. Н. Страхова. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html> (дата обращения: 21.08.2016).

14. Гаврюшин Н.К. Русская философия и религиозное сознание // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 65–68.

15. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собр. соч. : в 10 т. Т. 3. СПб., 1912. С. 186–224.

16. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1863 г. // Собр. соч. : в 15 т. Л., 1993. Т. 11.

References

1. Florovskii G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Ed. O. Platonov. Moscow, 2009, 848 p.

2. Gegel' G.V.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History]. Saint Petersburg, 2000, 480 p.

3. Gorbanev N.A. Apollon Grigor'ev i N.N. Strakhov [Apollon Grigoriev and N.N. Strakhov]. *Filologicheskie nauki*. 1988, No. 1, pp. 19-25.

4. Strakhov N.N. [The Struggle with the West in our Literature. Herzen]. *Bor'ba s Zapadom*. Col. and com. A.V. Belov; ed. O. Platonov. Moscow, 2010.

5. Strakhov N.N. *Zametki letopistsa. 1864 mart* [Notes of the Chronicler. 1864 March]. Available at: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0380oldorfo.shtml (accessed 25.07.2016).

6. Moiseev A.V. «Filosofiya prava» Gegelya: samosoznanie i kritika istoricheskogo vremeni [Hegel's «Philosophy of Law»: Self-consciousness and Critique of Historical Time]. *Filosofiya prava*. 2015, No. 6, pp. 12-19.

7. Moiseev A.V. *Filosofskoe samosoznanie i vremya v kul'ture* [Philosophical Self-consciousness and Time in Culture]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. Region. Obshchestv. nauki*. 2011, No. 5, pp. 18-22.

8. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch. : v 30 t. T. 29. Kn. 1 : Pis'ma 1869–1874 gg.* [Complete Collection of Works. Book 1. Letters. 1869-1874]. Leningrad, 1986.

9. Ospovat A.L. [To the Study of Native Soil Conservatism (Dostoevsky and Ap. Grigoriev)] *Dostoevskii. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad, 1978.

10. Strakhov N.N. [«Legend of the Grand Inquisitor» by F. Dostoevsky]. *Bor'ba s Zapadom* [The Struggle with the West]. Col. and com. A.V. Belov; ed. O. Platonov. Moscow, 2010.

11. *Tolstovskii muzei. T. 2. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym. 1870-1894* [The Tolstoy Museum. Vol. 2. Correspondence of L.N. Tolstoy with N.N. Strakhov. 1870-1894]. Saint Petersburg, 1914, 481 p.

12. Losskii N.O. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Tr. from Engl. Moscow, 1991, 482 p.

13. Gavryushin N.K. *Za kulisami filosofskoi dramy: metafizika i istoriosofiya N.N. Strakhova* [Behind the Scenes of Philosophical Drama: Metaphysics and Historiosophy of N.N. Strakhov]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html> (accessed 21.08.2016).

14. Gavryushin N.K. *Russkaya filosofiya i religioznoe soznanie* [Russian Philosophy and Religious Consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1994, No. 1, pp. 65-68.

15. Solov'ev V.S. [Three Speeches in Memory of Dostoevsky]. Coll. of works. Vol. 3. Saint Petersburg, 1912, pp. 186-224.

16. Dostoevskii F.M. [The Application on Subscription to the Magazine «Vremya» for 1863]. *Coll. of works*. Leningrad, 1993, vol. 11.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 930.1

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-37-41

КНЯЗЬ М.М. ЩЕРБАТОВ О ПОРЯДКЕ ЗАНЯТИЯ РУССКОГО ПРЕСТОЛА В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

© 2017 г. К.А. Виденкина

DUKE M.M. SHCHERBATOV ABOUT ORDER TO TAKE THE RUSSIAN THRONE IN THE TIME OF TROUBLES

К.А. Виденкина

*Виденкина Ксения Андреевна –
Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
аспирант,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru*

*Ksenia A. Videnkina –
Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Postgraduate,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru*

Рассматриваются проблема престолонаследия в России в Смутное время (1598–1613) и устойчивость ее традиционных основ в контексте исторического труда князя М.М. Щербатова.

С пресечением династии Рюриковичей в 1598 г. наступил династический кризис и традиция престолонаследия с неизбежностью была нарушена. Возникшая смута представляла собой острейшую борьбу консервативных и новых тенденций в политическом развитии России начала XVII в. Консервативная традиция в русском сознании общества затрудняла принятие факта пресечения династии, тем самым порождая веру в мистифицированное спасение царевича Дмитрия и использование его имени в дальнейшем. Князь М.М. Щербатов в своих исторических исследованиях резко негативно оценивал новый порядок вступления на престол, который появился после прекращения старой династии и заключался в выборе царя Земским собором. Князь Щербатов настаивал на незаконности избрания Бориса Годунова. Таким же незаконным он считал приход на престол Лжедмитрия I, при нем был убит царь Федор Борисович, в котором он видел законного царя. Выводы князя о порядке занятия русского престола в Смутное время способствовали привлечению к нему внимания историков последующих поколений и развертыванию исследования данного вопроса.

Ключевые слова: *М.М. Щербатов, Земские соборы, Смутное время, престолонаследие, Борис Годунов.*

The article deals with the problem of succession in Russia in the Time of Troubles (1598-1613) and the stability of its traditional foundations in the context of the historical work of Duke M.M. Scherbatov.

Dynastic crisis came and tradition of succession to the throne with inevitability was broken with suppression of Rurikovich dynasty in 1598. The disturbance that arose was an acute struggle of conservative and new tendencies in the political development of Russia at the beginning of the 17th century. Conservative tradition in the Russian consciousness of society made it difficult to accept the fact of suppressing the dynasty, thereby generating belief in the mystified salvation of Prince Dmitry and the use of his name in the future. The Duke M.M. Scherbatov in their historical studies sharply negatively estimated the new order of accession to the throne which appeared after the termination of the old dynasty and which introduced the choice of the king by the Zemsky Sobor. The Duke Scherbatov insisted on illegality of Boris Godunov election. He considered the same illegal receipt on the throne of False Dmitry I in case of which the King Fedor Borisovich whom he saw the legal king was killed. Conclusions of the duke about an order of occupation of the Russian throne in the Time of Troubles promoted attraction of historians' attention of the subsequent generations to it and expansion of the matter research.

Keywords: *M.M. Scherbatov, Zemsky Sobors, Smuta (Time of Troubles), succession, Boris Godunov.*

Тема Смуты в России (1598–1613) имеет значительную историографию. Одним из историков, закладывавшим ее основы, был князь М.М. Щербатов (1733–1790). В контексте его общественно-

политических взглядов эта тема была для него важна и интересна по нескольким причинам. Во-первых, из-за потрясений в обществе и государстве; во-вторых, из-за отношения к отдаленным

историческим предпосылкам будущего «повреждения нравов в России», которое началось через сто лет после Бориса Годунова, по его мнению, с эпохи Петра I. Эти предпосылки выражались в период Смуты в том, что худородный Годунов оттеснил от престола Рюриковичей, которых представляли князья Шуйские. В-третьих, Бориса Годунова М.М. Щербатов считал способным правителем, но был уверен, что на нем лежало такое страшное преступление, как убийство царевича Дмитрия.

С момента выхода в свет труда Щербатова (1790) в историографии выдвигается проблема престолонаследия в Смутное время и устойчивости ее традиционных основ, сложившихся начиная с духовной грамоты Дмитрия Донского 1389 г., согласно которой престол передавался старшему сыну. С пресечением династии в 1598 г. наступил династический кризис, и традиция престолонаследия с неизбежностью была нарушена. Но в сознании русского общества она была жива, и появление самозванцев снова возродило ее в борьбе за власть. Вместе с тем обстановка требовала пересмотра этой традиции. Причиной стала идея выбора царя представительным органом «всей земли» – Земским собором. Смута представляла собой острейшую борьбу консервативных и новых тенденций в политическом развитии России начала XVII в., которая нашла свое осмысление в труде Щербатова.

Консервативная традиция в русском политическом мышлении затрудняла принятие сознанием факта пресечения династии. Поэтому в разных слоях общества существовала уверенность в мистифицированном спасении представителя старой династии, царевича Дмитрия. По мнению Д.И. Иловайского, мысль выставить против Годуновых хотя бы одну тень прирожденного наследника престолу должна была представляться очень соблазнительною, успех казался легко достижимым [1, с. 6]. Щербатов подробно описывал феномен самозванства и делал акцент на том, что самозванцы также стремились создать образ правителя, притязания на трон которого не могут подвергаться сомнению. После убийства Федора Борисовича и его матери Лжедмитрий I стремился доказать свою непричастность к этому, убеждая народ в самоубийстве царя Федора Годунова, чтобы не начинать свое правление, подобно Борису Годунову, с расправы над царской семьей [2, с. 7]. По такому же плану действовал и Василий Шуйский, доказывая самозванство Лжедмитрия I и представляя свою борьбу за престол как войну против самозванца и разрушителя основ государства. Тем самым

он тоже создавал образ взошедшего на престол царя, не причастного к смерти законного наследника.

Смутное время было бы весьма удобно для масштабных преобразований в политической сфере, так как правящая династия перестала существовать, не оставив прямых кровных или законных политических наследников. Но вновь вмешивается консервативная традиция. В.О. Ключевский указывал на то, что первостепенным оказался старый порядок, требующий связи со старой династией, а не новый, который олицетворяется избранием царя от «всей земли». Но, несмотря на это, он акцентирует внимание на том, что «в отдельных кругах общества мысль о необходимости деятельного и благоустроенного земского участия в делах всей земли проявлялась в продолжение Смуты иногда с большой силой» [3, с. 69].

Еще одним ярким примером борьбы консервативной традиции и новых явлений в политической сфере жизни общества в начале XVII в. становится процесс избрания на российский престол правителей, не связанных с предыдущей правящей династией, права на трон которой были нерушимы и не подвергались сомнению. В этом можно проследить альтернативу передачи власти по наследству – выборность правителя. На протяжении нескольких столетий вопрос о передаче престола не напрямую наследнику не поднимался, именно поэтому перевес остался на стороне консервативных настроений.

Когда встала острая необходимость прихода на престол нового правителя, требовалось развернутое обоснование выбора, соответствующего «Божьей воле». Претендент на престол должен был доказать родственную, политическую и духовную связь с предыдущей династией и заручиться поддержкой духовной элиты. Именно соответствие этим требованиям дает возможность стать законным царем и минимизировать шанс на попытку дестабилизации положения нового правителя.

В ходе избрания царя выдвижение Бориса Годунова и его поддержка также были нарушением традиции, так как Годунов был худороден. Для князя М.М. Щербатова как аристократа это было недопустимо, в этом, как заметил В.Н. Козляков, чувствовались «нотки обиды родовитого человека, заново переживавшего старые времена» [4, с. 10]. Поэтому М.М. Щербатов проводил идею, что такое выдвижение могло осуществляться только незаконными методами.

Самой сильной и ожидаемой кандидатурой на российский престол после смерти Федора Ивановича стал Борис Годунов, который на протяжении

многих лет до наступившего династического кризиса занимал высшие государственные должности и был связан с правящей династией. Но, несмотря на удачно складывающиеся обстоятельства, отдельные факты говорили не в пользу Бориса Годунова. В частности, слухи, согласно которым он принимал активное участие в устранении законных наследников и прилагал огромные усилия для укрепления своей кандидатуры в качестве преемника российского престола. М.М. Щербатов был историком, развивавшим в русской историографии традицию, согласно которой в гибели царевича Дмитрия виноват был Борис Годунов.

В «Краткой повести о бывших в России самозванцах» М.М. Щербатов, поясняя причины отправки царевича Дмитрия с его матерью в Углич, писал о вмешательстве в это дело Бориса Годунова в своих личных интересах [5, с. 4]. Автор прямо обвиняет последнего в смерти царевича Дмитрия. По словам историка, «видя по нескольким годам, что царь Федор не имеет потомства, и, видя силу свою умножившуюся, в 1591 году дерзнул на убийство царевича Дмитрия, которое и было через сообщников Годуновых... мая 15 числа в Угличе учинено. Борис Годунов ... донес своему государю, что царевич, быв одержим лютым недугом, сам себя зарезал» [5, с. 5].

Кроме того, утверждал М.М. Щербатов, Борис был также причастен к смерти Федора Ивановича, что, однако, не нашло продолжения в историографии. Чтобы очистить себя от подобных разговоров и слухов, Борису Годунову было необходимо доказать законность своих претензий на престол при помощи подтверждения связи с предыдущей правящей династией. М.М. Щербатов пишет, что Борис Годунов еще до наступления династического кризиса просчитывал все возможные варианты продвижения по карьерной лестнице и приближению своей кандидатуры на престол. Обеспечив связь с правящей династией через заключение брака своей сестры Ирины с царем Федором Ивановичем, Годунов подтвердил свое преимущество над другими возможными претендентами. В поддержку Бориса Годунова служило то, что его политическая кандидатура была одобрена и «благословлена на царство» Иваном Грозным после Федора, о чем свидетельствовал факт регентства Бориса Годунова при Федоре Ивановиче. М.М. Щербатов, как впоследствии и С.Ф. Платонов, считал период регентства началом правления Бориса Годунова, что доказывало его опыт государственного управления и обеспечивало поддержку законными наследниками.

М.М. Щербатов показывал, каким путем Борис Годунов после смерти царевича Дмитрия и Федора Ивановича смог занять престол в кратчайшее время. Федор Иванович завещал престол своей жене, царице Ирине, которая, в свою очередь, выбирая между недолгим и точно не единоличным правлением и женским монастырем, выбрала последнее. Бояре понимали, что альтернативой царице может послужить ее брат, и именно данный ход развития событий подкреплял возможность восшествия на престол. По мнению Щербатова, для Годунова становится важным восшествие на престол не при помощи связи с правящей династией, а путем избрания, но при этом он всячески показывал свое нежелание занимать российский престол. Свое избрание царем Борис стремился оправдывать, по мнению Щербатова, всенародным избранием, что позволило свести на нет все слухи относительно причастности Бориса Годунова к незаконным и преступным методам прихода к власти. Несомненным положительным моментом для Бориса Годунова, по его мнению, стало активное участие Ирины Годуновой в политической игре своего брата, направленной на передачу престола Годунову [6, с. 4–5].

В своей «Истории» Щербатов писал о важной роли патриарха Иова в формировании положительного мнения в обществе о Борисе Годунове. Иов своим авторитетом подтверждал законную родственную связь с предыдущей династией и хорошие взаимоотношения с царем Федором Ивановичем. Безусловно, поддержка духовенства указывала на «Божий промысел» и законность принятия власти. Для закрепления образа Бориса Годунова как достойного и законного правителя, указывал М.М. Щербатов, использовались примеры из библейских времен.

Ввиду отказа от престола царицы от своего лица и от лица брата встала необходимость решения судьбы страны при помощи народного собрания, или Земского собора, на котором Борис Годунов был избран царем. М.М. Щербатов крайне негативно относился к такому способу избрания на престол, он сомневался в неподкупности тех, кто должен участвовать в избрании, и утверждал, что при помощи авторитета патриарха и его влияния в духовной сфере оказывалось давление на избирателей. Выступления в поддержку Бориса Годунова М.М. Щербатов считал неискренними и заранее спланированными. Это, на его взгляд, подтверждалось подавлением сторонниками Годунова попытки всякого сопротивления этому избранию со стороны князей Шуйских.

Вывод Щербатова о незаконном приходе к власти Бориса Годунова должен подразумевать под собой непризнание следующего за ним наследника. Но в «Истории российской» можно проследить отношение князя к приходу на престол после смерти Бориса Годунова его сына Федора Борисовича [5, с. 35]. Щербатов также делал предположение о причинах, по которым народ не принял во внимание слухи, которые относились к Борису Годунову. Во-первых, это благосклонность бояр и духовенства к Федору Борисовичу. Во-вторых, со смертью Бориса ненависть к нему народа угасла. В-третьих, на тот момент не было активных действий со стороны самозванца, который мог использовать миф о законном наследнике против нового кандидата. В данной ситуации наблюдается некий парадокс, когда, благодаря консервативной традиции избрания правителей, на трон восходит Федор Борисович, который и потерял его из-за этой же консервативной традиции, сыгравшей против него при укреплении на политической арене Лжедмитрия I.

Ни Федор Борисович, ни Лжедмитрий I не имели прав на престол, но Щербатов предпочтение отдает все же Федору, подтверждая это осуждением Лжедмитрия I за жестокую расправу над царем Федором, его матерью и отношением к останкам Бориса Годунова [2, с. 5].

Таким образом, М.М. Щербатов резко негативно оценивал новый порядок вступления на престол, который заключался в выборе царя Земским собором. Столь же негативно оценивал он ход выборов Бориса Годунова на этом соборе, роль в его избрании патриарха Иова и самого Бориса как виновника, по его мнению, в гибели царевича. Таким же незаконным он считал приход на престол Лжедмитрия I, при котором был убит царь Федор Борисович.

Вывод М.М. Щербатова о незаконности избрания Бориса Годунова был отчасти поддержан С.Ф. Платоновым. Допуская законность этого избрания, формирование мнения собора о Борисе Годунове как о единственном достойном претенденте на престол в большей степени было результатом внутренней борьбы на соборе [7, с. 216]. Р.Г. Скрынников также соглашался с выводом князя Щербатова и писал, что решение Земского собора в пользу Бориса Годунова «не могло считаться законным, поскольку высший государственный орган – Боярская дума – решительно отклонил его кандидатуру» [8, с. 48]. Вместе с тем развивалась и другая историографическая традиция, в соответствии с которой признавалась правомерность выбора на престол Бориса Годунова. Проанализиро-

вав ход выборов, В.О. Ключевский установил отсутствие нарушений в процессе избрания Бориса Годунова на престол [3, с. 29].

В.Н. Козляков подчеркивал правомочность избрания Годунова на престол и считал, что «разговоры о попытке правителя Бориса Годунова оказывать прямолинейное давление на его решение остаются разговорами» [4, с. 174]. В.Д. Назаров, проанализировав документы об избрании Бориса на престол – Соборное определение и Утвержденную грамоту, считает, что с точки зрения общества того времени избрание его представлялось законным и возможным [9, с. 285].

Таким образом, выводы князя М.М. Щербатова о порядке занятия русского престола в Смутное время способствовали привлечению к нему внимания историков последующих поколений и развертыванию исследования данного вопроса.

Литература

1. *Иловайский Д.И.* Новая династия. М., 2003.
2. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. VII, ч. 2. СПб., 1790.
3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории : в 8 т. М., 1957. Т. 3.
4. *Козляков В.Н.* Борис Годунов: трагедия о добром царе. М., 2011.
5. *Щербатов М.М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1793.
6. *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. VII, ч. 1. СПб., 1790.
7. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910.
8. *Скрынников Р.Г.* Борис Годунов. М., 1978.
9. *Назаров В.Д.* Историческая память и политические практики в России (конец XVI – начало XVII века) // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М., 2016.

References

1. *Iovaiskii D.I.* *Novaya dinastiya* [New Dynasty]. Moscow, 2003.
2. *Shcherbatov M.M.* *Istoriya rossiiskaya ot drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Vol. VII, ch. 2. Saint Petersburg, 1790.

3. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii* [Course of Russian History]. Moscow, 1957, vol. 3.
4. Kozlyakov V.N. *Boris Godunov: tragediya o dobrom tsare* [Boris Godunov. Tragedy about Kind King]. Moscow, 2011.
5. Shcherbatov M.M. *Kratkaya povest' o byvshikh v Rossii samozvantsakh* [Short Story about Impostors in Russia]. Saint Petersburg, 1793.
6. Shcherbatov M.M. *Istoriya rossiiskaya ot drevneishikh vremen* [History of Russia from Ancient Times]. Vol. VII, ch. 1. Saint Petersburg, 1790.
7. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v moskovskom gosudarstve v XVI–XVII vv. (Opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i soslovnykh otnoshenii v Smutnoe vremya)* [Essay on the History of the Time of Troubles in Muscovite State of 16-17 Centuries (Experience of Studying the Social Structure and Class Relations in the Time of Troubles)]. Saint Petersburg, 1910.
8. Skrynnikov R.G. *Boris Godunov* [Boris Godunov]. Moscow, 1978.
9. Nazarov V.D. [Historical Memory and Political Practice in Russia (Late 16 – Early 17 Centuries)]. *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, Memory, Identity: Theoretical Foundations and Research Practices]. Proceedings of International Conference. Ed. by O.V. Vorobyeva, O.B. Leontieva, S.I. Malovichko, M.F. Rumyantseva. Moscow, 2016.

Поступила в редакцию / Received

7 февраля 2017 г. / February 7, 2017

УДК 93

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-42-46

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОМПАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ SNCF ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2017 г. А.Н. Глушко

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL SOCIETY OF FRENCH RAILWAYS SNCF IN THE LATE 20TH CENTURY

A.N. Glushko

Глушко Анастасия Николаевна –
Ростовский государственный университет
путей сообщения,
аспирант,
п.л. Ростовского Стрелкового Полка Народного
Ополчения, 2, г. Ростов-на-Дону, 344038, Россия.
E-mail: anastassi22@yahoo.fr

Anastasia N. Glushko –
Rostov State Transport University,
Postgraduate,
Rostovskogo Strelkovogo Polka
Narodnogo Opolcheniya Sq, 2,
Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: anastassi22@yahoo.fr

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения принципов работы компании SNCF, история которой отражает богатый опыт, тенденции и особенности строительства железнодорожного транспорта во Франции, так как электропоезда TGV являются самыми быстрыми, безопасными и комфортабельными в мире, по совершенству и скорости уступая лишь японским поездам. Изучены труды Ж.-М. Дюпюи, М. Барберона. Определенная значимость и недостаточная научная разработанность проблемы определяют научную новизну данной статьи.

Объектом исследования является Национальная компания французских железных дорог SNCF. Предмет исследования – особенности строительства железнодорожного транспорта Франции во второй половине XX в.

Цель данной статьи – изучение опыта и принципов работы компании SNCF.

В работе использованы: исторический метод, дедукция, сопоставительный анализ, научное наблюдение, систематизация, изучение и обобщение сведений.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт Франции, Национальная компания французских железных дорог SNCF, электропоезд, высокоскоростной поезд, TGV, железнодорожный транспорт во второй половине XX в.

The relevance of this scientific article is conditioned by the necessity for studying the work principles of the company SNCF, which history reflects rich experience, trends and particularities of the construction of railway transport in France, as the electric trains TGV are the fastest, the safest and the most comfortable in the world, and only perfection and speed of Japanese trains can be better.

In the course of writing this article the works of Jean-Marc Dupuis, Michel Barberona were studied. Certain importance and insufficient scientific status of the problem define the scientific newness of this article.

The object of the research is the National Society of French railways SNCF.

The subject of the research - particularities of the construction of railway transport of France in the late of the 20th century.

The purpose of the article is the research of experience and work principles of the company SNCF.

In the course of doing the scientific article historical method, deduction, comparative analysis, scientific observation, systematization, studying and summarizing of information were used.

Keywords: railway transport of France, National Society of French railways SNCF, electric train, high-speed train, TGV, railway transport in the late 20th century.

Французская железная дорога является самой протяженной в Западной Европе, она сочетает в себе качество, комфортабельность и высокую скорость передвижения. Железной дорогой Франции

управляет государственное предприятие под названием SNCF (фр. Société Nationale des Chemins de fer Français – Национальная компания французских железных дорог) [1].

Сеть SNCF составляет 32 тыс. км железнодорожных путей, из которых 1800 км – высокоскоростные линии. SNCF достигла значительного прогресса в своей политике повышения скорости, особенно в течение последнего десятилетия [2]. Тому предшествовала многолетняя работа специалистов компании, созданной 1 января 1938 г. согласно закону от 31 августа 1937 г. Изучение основных этапов и особенностей развития SNCF поможет оценить роль железных дорог в хозяйственной деятельности страны и на основе накопленного компанией опыта, в дальнейшем поднять состояние мирового железнодорожного транспорта на более высокий уровень.

Уже в 1955 г. SNCF электрифицирует с напряжением 25 000 В линию магистрали «Север – Восток». Этому способствовали разработки инженера Л. Арманда системы перехода электроподстанций на переменный ток частотой 50 Гц. В марте того же года для испытаний было выбрано два локомотива. 28 марта локомотив CC 7107, а 29 марта локомотив ВВ 9004 достигают скорости 331 км/ч, что становится двойным мировым рекордом [3].

1957 г. стал годом зарождения сообщества из восьми административных учреждений, названного «Транс-Евро-Экспресс» (ТЕЕ – «Trans Europ Express»), под руководством Международного объединения железных дорог [4]. Сообщество ТЕЕ предоставило железнодорожную альтернативу авиаперевозкам. Воздушный транспорт является синонимом модернизма, быстроты и комфортного путешествия. Но ТЕЕ предложило прямые, быстрые и удобные пути сообщения, способные связать между собой основные европейские населенные пункты. Решение данной проблемы — внедрение электровозной тяги, функционирующей с несколькими сигнальными системами от CC 40101 до 40110, спроектированными П. Арзенсом и произведенными компанией «Альстом» в Бельфоре [5].

В 1960 г. реконструируется Президентский поезд PR2, созданный в 1924 г., который генерал Шарль де Голль часто использовал для своих официальных поездок. Поезд также был предоставлен Председателю Совета министров СССР Н.С. Хрущеву во время официального визита во Францию в 1960 г.

В 70-е гг. создаются аэропоезда. Французский инженер Ж. Бертин тестирует аэропоезд между Орлеаном и Артене. Это транспортное средство на воздушной подушке передвигалось по монорельсовому пути и было оснащено двумя турбинными двигателями, приводящими в движение пропеллер. 5 марта 1974 г. поезд достиг скорости 417,6 км/ч.

Он был удобным, лёгким, тихим и быстрым. Монорельсовые пути стоили дешево, к тому же строить их было относительно легко, и они не нуждались в дорогом обслуживании железнодорожных путей. Тем не менее SNCF искала альтернативы путешествовать на высокой скорости по классическому пути, совместимому со всей своей сетью, и в 1974 г. французское правительство решило закрыть проект Ж. Бертина.

После того как два локомотива ВВ 9291 и 9292 достигли скорости 250 км/ч, в 1967 г. SNCF решает создать «Капитоль» – поезд, соединяющий Париж – Аустерлиц с Тулузой, в результате расстояние между Парижем и Тулузой преодолевается всего за 6 часов.

В период с 1969 по 1975 г. SNCF поставляет 74 локомотива CC 6500, которые могут циркулировать при напряжении электрического тока в линии 1500 В [6]. Их мощность составляет 8000 лошадиных сил, и они обеспечивают перевозку поездов на основных электрифицированных линиях сетей Юго-Запада и Юго-Востока. Поезд «Мистраль» – флагман компании, который носит номер 1 и обслуживает линию между Парижем и Ниццей. Эта линия получает 122 новых поезда «Мистраль 69», поставленных в период с 1968 по 1974 г. На неэлектрифицированных участках железных дорог предлагается использовать газовые турбины – как на вертолетах. Таким образом, появляющиеся турбопоезда с быстрым ускорением и максимальной коммерческой скоростью от 160 км/ч сочетают в себе комфорт и современность.

8 декабря 1972 г. турбопоезд, созданный по авиационной технологии, достигает скорости 318 км/ч, что стало мировым рекордом скорости на тепловозной тяге. Президент Жорж Помпиду утверждает 6 марта 1974 г. строительство новой железнодорожной линии из Парижа в Лион, а также использование электрической тяги. Предварительно были проведены исследования. С одной стороны, изучались технические аспекты строительства, чтобы найти оптимальное соотношение комплекующих для подвижного состава и инфраструктуры, в данном случае это – путь и сигнализация. С другой стороны, необходимо было дать оценку целесообразности создания высокоскоростной линии во Франции. Многочисленные и постоянные взаимодействия между специалистами этих двух групп позволили сделать эффективный набор технических и экономически обоснованных решений. Например, усовершенствование токосъема с контактной сети обеспечило в будущем ежегодную экономию в 150 тыс. т нефти.

В ходе исследования выявлено, что географический выбор SNCF обусловлен тем, что участок Париж – Дижон – Лион является главной магистралью, осуществляющей экономический товарообмен между зонами, где проживают около 40 % населения Франции. Кроме того, очень важны международные транспортные перевозки в основном в Швейцарию и Италию. Относительный темп роста количества пассажиров и грузов этого участка значительно выше, чем в остальной части сети. Таким образом, в период с 1975 по 1980 г. трафик на линии Париж – Дижон – Лион ежегодно увеличивался на 4,2 % для пассажиров, что примерно в два раза больше, чем средний показатель других линий, и от 4 % для товаров вместо 2,6 % на всей сети SNCF. Как следствие, количество перевозок увеличилось на 3,4 % в год, и эта динамика продолжалась. В 1980 г. 280 поездов, из них 120 пассажирских, должны были циркулировать ежедневно. В то время как максимальная пропускная способность оценивалась примерно в 260 поездов и участок Сен-Флорентен – Дижон уже был перегружен. Соединение участков между этими двумя станциями было остановлено из-за слишком дорогой стоимости и отсутствия заметных улучшений в обслуживании туристов. Необходимо было вернуться к этому проекту. Предварительный опрос признания его общественной полезности был проведен с 7 апреля по 7 мая 1975 г.

31 марта 1974 г. паровоз 141 R 73 из депо Саргемин совершает свой последний коммерческий рейс. Это конец паровой тяги во Франции после 142 лет хорошей и верной службы.

9 июня 1975 г. начинается карьера поездов «Коралл» на линии Париж – Андай [7]. Через год в эксплуатации находились уже 100 таких поездов. Поставка их позволяла оборудовать быстрые экспресс-поезда. SNCF останавливает свой выбор на поездах с вагонами длиной 26,40 м бело-кораллового цвета. Они оснащены кондиционерами и современными тележками.

26 февраля 1981 г. во французской коммуне Пасийи, расположенной в провинции Йонна (регион Бургундия), поезд TGV № 16 достигает скорости 380 км/ч возле Мулен-ан-Тоннеруа, установив новый мировой рекорд. Количество пассажиров скоростных поездов превысило 1 млрд человек.

В сентябре 1981 г. первый участок высокоскоростной линии TGV (фр. Train à Grande Vitesse – поезд на высокой скорости) был введен в эксплуатацию между Парижем и Лионом.

1 января 1983 г. государство становится единственным акционером компании SNCF. В следующем году начался процесс децентрализации транспорта на региональном уровне, а также происходят

первые переговоры между SNCF и регионами. Целью является подписание соглашений о региональном обслуживании. В 1987 г., в то время как только три региона еще не были включены в состав соглашения с национальной компанией, SNCF запускает бренд TER (в переводе с фр. Transport Express Régional – Региональный Экспресс Транспорт) и надеется включить в состав обслуживания то, что раньше называли «Омнибус» (вид городского общественного транспорта, характерный для второй половины XIX в., многоступенчатая повозка на конной тяге), знак качества для модернизации региональных перевозок, развития трафика и повышения роли SNCF и регионов. SNCF постепенно применяла новый логотип TER на оборудовании, вокзалах и коммерческих документах. Компания также предлагала унифицировать знаки на оборудовании, часто разнородные, в зависимости от региона. У региона был выбор из четырех цветов: красного, зеленого, желтого или синего, и можно было наносить свой региональный логотип на конкретном месте. С присвоением названия TER исчезает другое название, часто используемое в просторечии путешественников «Мишлен» [8] (компания, выпустившая в 1930 г. автомотрисы – моторные самоходные железнодорожные вагоны, используемые обычно самостоятельно (без прицепляемых вагонов) для перевозки пассажиров и железнодорожного персонала, обслуживания железнодорожных путей и прочих нужд, оборудованные двигателем внутреннего сгорания) [9].

18 мая 1990 г. поезд TGV 325 достиг скорости 515,3 км/ч вблизи станции Вандом, таким образом был установлен очередной мировой рекорд скорости.

Для того чтобы обслуживать линию «Атлантик», SNCF заказывает у компании «Альстом» 105 поездов TGV, которые были поставлены в период с 1988 по 1992 г. Новый поезд TGV – высокопроизводительный, более удобный и выгодный. Он предназначен для поездов на скорости от 300 км/ч. Его система торможения является более мощной, а новые токоприемники адаптированы именно к этой скорости, также усовершенствованы система сигнализации и большое количество приборов.

Проект строительства железнодорожного туннеля под Ла-Маншем вступил в силу 20 января 1986 г. Туннель был официально открыт 6 мая 1994 г. президентом Франции и королевой Англии. Компания «Евротоннель» эксплуатирует его для «челночных перевозок», грузовиков, легковых автомобилей или автобусов между терминалами Кале и Фолкстон. Она также обеспечивает движение грузовых поездов и поездов Eurostar. В 1993 г.

Франция имеет в распоряжении три линии TGV, все – с пунктом отправления из Парижа. С 14 ноября 1994 г. высокоскоростной поезд из Парижа прибывал в Лондон через 3 часа. Затем проектируется объединяющая линия в обход столицы для улучшения связи между провинциями, что позволяет построить истинную высокоскоростную сеть по европейским стандартам.

Другой проект предусматривал осуществление связи между Парижем, Брюсселем, Кёльном и Амстердамом. Международный оператор скоростных поездов Thalys, со своими поездами, окрашенными в красный и серый цвета, оснащенными всеми системами сигнализации, безопасности и токосяема, должен был обслуживать четыре железнодорожные сети.

В конце 1996 г. SNCF вводит в эксплуатацию серию из 30 новых двухэтажных поездов TGV Duplex между Парижем и Лионом. Благодаря двухэтажной конструкции, TGV Duplex позволяет при сохранении длины перевозить почти на 45 % больше пассажиров.

1 января 1997 г. создается общественное, индустриальное и коммерческое предприятие RFN (Réseau Ferré National – Национальная железнодорожная сеть). Его цель – оборудование, развитие и использование инфраструктуры национальной сети железных дорог. Его состав и основные характеристики установлены государством. Управление трафиком и движение по национальной железнодорожной сети, а также эксплуатация и техническое обслуживание технических установок и безопасности этой сети обеспечивается SNCF от имени и в соответствии с правилами, определенными RFN. Основное имущество, входящее в состав инфраструктуры и не используемые здания при эксплуатации транспортных услуг, принадлежащие государству и управляемые компанией SNCF, были полностью переданы в собственность RFN, в последующем переименованную в RFF (Réseau Ferré-de France – Железнодорожная сеть Франции).

Столкнувшись с требованиями модернизированного общественного обслуживания и качества, SNCF берет на себя обязательства с поддержкой Ассоциации транспорта региона Иль-де-Франс STIF (Syndicat des transports d'Île-de-France) по программе, предназначенной предоставлять клиентам знак качества вокзалов и поездов в регионе, и 20 сентября 1999 г. создает железнодорожную сеть Transilien SNCF. Этот знак соответствует трем направлениям: радикально изменить обстановку в поездах и на вокзалах, внедрить новшества, чтобы облегчить передвижение пас-

сажиров и сблизить путешественников и местных чиновников, чтобы наилучшим образом соответствовать их ожиданиям.

Таким образом, в истории Национальной компании французских железных дорог SNCF отразились следующие этапы и особенности ее развития:

- разработка проектов новых высокоскоростных линий на основе многочисленных исследований и экспериментов;
- изучение технических и экономических аспектов с целью оценки целесообразности создания высокоскоростной линии во Франции;
- тестирование поездов в различных эксплуатационных условиях;
- создание и непрерывное совершенствование поездов, достижение мировых рекордов скорости;
- проведение предварительных опросов признания общественной полезности до этапа инвестирования;
- увеличение пропускной способности пассажирских и грузовых поездов;
- проведение переговоров между SNCF и регионами с целью подписания соглашений о региональном обслуживании;
- создание логотипа, унификация знаков на оборудовании, вокзалах и коммерческих документах, с целью демонстрации знака высокого качества и повышения роли, узнаваемости и популярности компании;
- улучшение связи между крупными городами и провинциями Франции, а также с другими странами;
- поддержание конкурентоспособности путем адаптации к требованиям модернизированного общественного обслуживания и качества, введения инноваций;
- обеспечение комплексности в оценке выполнения планов перевозок не только по количественным, но и по качественным показателям.

Опыт работы компании SNCF показывает, что ее история наполнена событиями, способствовавшими развитию железнодорожного транспорта Франции, результатом которого стал технический и промышленный прогресс, подъем экономики, науки и культуры страны.

Представителям других стран, в частности России, изучить опыт Франции при модернизации своей системы общественного транспорта было бы целесообразным, так как это могло бы обеспечить увеличение объема услуг и участие в важных транспортных проектах. Инновации и высокий уровень сервиса позволили бы железным дорогам внести весомый вклад в развитие собственной страны.

Литература

1. Connaître notre projet // Официальный сайт SNCF. URL: <http://www.sncf.com/fr/entreprises-collectivites> (дата обращения: 29.09.2016).
2. Barberon M. 30 ans de TGV : пер. с фр. Paris, 2011. Vol. 1. 351 p.
3. История электрификации железных дорог. URL: <http://www.speedtrain.ru/history-of-railway-electrification> (дата обращения: 29.09.2016).
4. Mertens M. Les TEE Trans Europ Express : пер. с фр. Paris, 1985. 240 p.
5. Behrend G. Histoire des trains de luxe : пер. с фр. Paris, 1977. 216 p.
6. Rambaud A., Dupuy J.-M. Encyclopédie des voitures SNCF : пер. с фр. Paris, 1990. 599 p.
7. Dupuy J.-M. Les trains de grandes lignes - Histoire des trains rapides et express de la SNCF de 1938 à nos jours : пер. с фр. Paris, 1995. 255 p.
8. Broncard Y., Machefert-Tassin Y., Rambaud A. Autorails de France (Tome 1) : пер. с фр. Paris, 1997.
9. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2006.

References

1. Connaître notre projet. *Ofitsial'nyi sait SNCF*. [Official site]. Available at: <http://www.sncf.com/fr/entreprises-collectivites> (accessed 29.09.2016).
2. Barberon M. *30 ans de TGV*. Tr. from Fr. Paris, 2011, vol. 1, 351 p.
3. *Istoriya elektrifikatsii zheleznikh dorog* [History of Railways Electrification]. Available at: <http://www.speedtrain.ru/history-of-railway-electrification> (accessed 29.09.2016).
4. Mertens M. *Les TEE Trans Europ Express*. Tr. from Fr. Paris, 1985, 240 p.
5. Behrend G. *Histoire des trains de luxe*. Tr. from Fr. Paris, 1977, 216 p.
6. Rambaud A., Dupuy J.-M. *Encyclopédie des voitures SNCF*. Tr. from Fr. Paris, 1990, 599 p.
7. Dupuy J.-M. *Les trains de grandes lignes - Histoire des trains rapides et express de la SNCF de 1938 à nos jours*. Tr. from Fr. Paris, 1995, 255 p.
8. Broncard Y., Machefert-Tassin Y., Rambaud A. *Autorails de France* (Vol. 1). Tr. from Fr. Paris, 1997.
9. Efremova T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, 2006.

УДК 94

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-47-52

ПОЕЗДКА ЧАН КАЙШИ В СССР ВО ГЛАВЕ ДЕЛЕГАЦИИ Д-РА СУНЬ ЯТСЕНА (1923) И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОБЫТИЯ В КИТАЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ

© 2017 г. Го Ян

THE TRIP OF CHIANG KAI-SHEK IN THE SOVIET UNION, HEADED THE DELEGATION OF DR. SUN YAT-SEN (1923) AND ITS IMPACT ON THE EVENTS IN CHINA AND THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TWO COUNTRIES

Guo Yang

Го Ян –
Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений
кафедра исторической политологии, аспирант,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: 1085714980@qq.com

Guo Yang–
Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Department of Historical Political Science, Postgraduate,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: 1085714980@qq.com

Предмет исследования – историческая динамика и специфика процесса поездки Чан Кайши вместе с делегацией д-ра Сунь Ятсена в СССР в конце 1923 г.

Методология исследования. Анализ проводится на методологической базе современной теории и истории политики, с использованием научных методов описания, систематизации, классификации, прогнозирования и доказательств. В основу исследования положен принцип историзма, применяется метод конкретно-исторического анализа рассматриваемых явлений в контексте диалогизма (предполагающий теоретическое обобщение фактов).

Результаты исследования. Получены результаты о том, что Чан Кайши возглавил делегацию, организованную во второй половине 1923 г. и получившую в китайских документах название «делегация д-ра Сунь Ятсена» в Советский Союз, с целью подробного обсуждения форм сотрудничества революционных сил Китая и СССР. Эта поездка укрепила в тот период сотрудничество между Гоминьданом и КПК, повлияла на будущий политический путь Чан Кайши, а также на международные структуры и геополитику на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Чан Кайши, делегация Сунь Ятсена, СССР, сотрудничество, КПК, Гоминьдан.

Subject of Research. The subject of research is historical dynamics and specifics of the process of Chiang Kai-shek's trip with "the delegation of Dr. Sun Yat-sen" to the Soviet Union at the end of 1923.

Methodology of Research. The research is conducted on the methodological basis of the modern theory of history and politics, with the use of scientific methods of description, systematization, classification, forecast and proof. The principle of historicism was put on the basis of the research. In this case, we used the method of concrete historical analysis of these phenomena in the context of dialogism (assuming a theoretical generalization of facts).

Results of Research. The obtained results confirmed that in the second half of 1923, Chiang Kai-shek led the organized delegation, which got the name in Chinese documents "delegation of Dr. Sun Yat-sen" to the Soviet Union, with the purpose of detailed discussion of the forms of cooperation between the Soviet and Chinese revolutionary forces. This trip not only strengthened cooperation between the KMT and the CPC in this period, and affected the future political path of Chiang Kai-shek, but also the international organizations and geopolitics in the Far East.

Keywords: Chiang Kai-shek, delegation of Dr. Sun Yat-sen, USSR, cooperation, CPC, KMT.

Организатор партии Гоминьдан (1912 г.), президент Китайской Республики Сунь Ятсен в результате поражения революционных демократических сил в 1923 г. объявляет о создании Кантонского правительства и решается на сотрудничество с коммунистами. Прежде всего он ищет поддержки у Советского Союза. После прекращения отношений с военачальником У Пэйфу (1874–1939, военным

правителем центрального Китая, главой так называемой чжилийской клики северных милитаристов), Советский Союз также выступил за продолжение поиска сильных международных сторонников в Китае.

26 января 1923 г. после беседы, состоявшейся в Шанхае, была опубликована совместная декларация Сунь Ятсена и полпреда Советского правительства в

Китае А. А. Иоффе, в которой говорилось: «... для Китая главной и наиболее неотложной задачей является воссоединение страны и достижение полной государственной независимости». Полпред заверил доктора Сунь Ятсена, что «в борьбе за осуществление этой задачи Китай располагает самым горячим сочувствием русского народа и может рассчитывать на поддержку России», что у Советского правительства не было «стремления проводить империалистическую политику во Внешней Монголии или вызвать ее отпадение от Китая». И Сунь Ятсен «поэтому не находит немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии ни настоятельно необходимой, ни соответствующей действительным интересам Китая...» [1, с. 65].

Деятельность Сунь Ятсена, направленная на развитие сотрудничества с СССР, достигла значительного прогресса во второй половине 1923 г. 31 июля М.М. Бородин был назначен Политбюро ЦК ВКП(б) советником Сунь Ятсена и уже 2 августа прибыл в Китай вместе с новым советским полпредом в Китае Л.М. Караханом. Через две недели Сунь Ятсен попросил Чан Кайши организовать «делегацию д-ра Сунь Ятсена» для визита в Советский Союз с целью подробного обсуждения сотрудничества революционных сил Китая и СССР. Чан Кайши стал руководителем делегации, в её состав вошли коммунисты Шень Дин-и, Чжан Тайлэй, гоминьдановцы Шао Юаньчун, Ван Денюнь и др.

В своем письме к советскому лидеру В.И. Ленину, председателю Революционного военного совета Л.Д. Троцкому и народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину Сунь Ятсен назвал Чан Кайши «своим начальником штаба и представителем, заслуживающим доверия», добавив, что он «имеет большой авторитет и может работать от моего имени» [2, с. 62]. Чан Кайши также возлагал большие надежды на поездку в СССР. По его мнению, от Советского Союза можно было не только получить военную помощь, но и попытаться решить другие проблемы в Китае.

16 августа Чан Кайши и его группа выехали из Шанхая, 25 августа через Маньчжурию пересекли границу СССР. Делегация прибыла в Москву 2 сентября, и сразу же началась напряженная работа. 5 сентября состоялся прием у наркома иностранных дел Г.В. Чичерина. В ходе переговоров было принято решение, что правительству Сунь Ятсена первая финансовая помощь будет оказана в самое ближайшее время. 7 сентября Чан Кайши встретился с секретарем ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаком. Встреча

шла более двух часов, в ходе которой советская сторона поделилась опытом революционной работы и дала необходимые рекомендации.

9 сентября, во второй половине дня, часть делегации посетила Революционный военный совет, встретила с заместителем его председателя Э.М. Склянским и членом Политбюро ЦК ВКП(б) Л.Б. Каменевым, обсудила «Северо-Западный военный план» Сунь Ятсена и его фактическую реализацию. Склянский и Каменев потребовали, чтобы план был оформлен в письменном виде и были бы подробно описаны боевая организация, войсковое развертывание, политическая ситуация будущей военной зоны и другие его детали.

После возвращения домой Чан Кайши немедленно сосредоточился на разработке плана и уже 15 сентября было написано предварительное «Заявление делегации». Затем после внесения некоторых исправлений и обсуждения плана с другими членами делегации 12 октября документ был завершён и получил название «Новые перспективы китайской революции», и 13 октября Чан Кайши передал документ военному совету.

В докладе Чан Кайши и членов делегации был конкретизирован «Северо-Западный военный план» Сунь Ятсена. Было предложено в северо-западном регионе Китая, близком к Советскому Союзу, создать временную военную базу для революционной армии в целях борьбы с реакционными китайскими военачальниками и иностранными интервентами. Чан Кайши надеялся, что Советский Союз согласится на её образование в Улан-Баторе. Срок военной подготовки составит два года. Там будут созданы военные учебные заведения, будут осуществляться тренировка офицеров, набор солдат, организация вооруженных сил, подготовка пропагандистов и развертывание служебного тыла и т.д. С ноября 1925 г. должна наступить фаза военных действий: мобилизованы войска к югу от монгольского плато, вблизи китайских провинций Суйюани и Чахар. Главная цель – войти в Пекин, а затем вступить в бассейн рек Хуанхэ и Янцзы и в конце концов охватить весь Китай. Авторы документа полагали, что для этой цели будут необходимы три смешанных бригады, примерно 18 000–30 000 чел., а следовательно, потребуются 15 000–24 000 винтовок, 54–108 пулеметов, 12–18 пушек, 1500–3000 лошадей, 50–300 машин. Из Внутренней Монголии выступят около 50 тыс. добровольцев и вместе с главными силами вступят в Пекин. В конце доклада давался план информационно-пропагандистской работы [3, с. 133–134].

Тем не менее делегация не получила четкого ответа от советской стороны относительно этого плана. 21 октября на встрече с Чан Кайши Чичерин высказал сомнение в целесообразности создания военной базы в Улан-Баторе. Попытки убедить его в обратном ни к чему не привели. 26 октября Чан Кайши отправился к Чичерину с целью передать телеграмму от Сунь Ятсена. Он попытался снова вернуться к военному плану, но народный комиссар по-прежнему придерживался своего мнения.

Председатель Революционного военного совета Троцкий, находившийся в больнице, прочитав «Северо-Западный военный план», 2 ноября написал письмо Чичерину, копия которого была передана Сталину. В письме он подчеркнул: «...Я хочу напомнить Сунь Ятсену и его представителю, ... что военный план и военную помощь от нас, нужно обсуждать после того, как прояснится европейская ситуация, и в Китае проведут определённую политическую подготовку» [4, с. 308].

По мнению Троцкого, встреча Склянского и Каменева с Чан Кайши и членами делегации 11 ноября должна была быть посвящена «Северо-Западному военному плану». От имени Революционного военного совета Склянский заявил, что в настоящее время Сунь Ятсен и партия Гоминьдан должны направить все свои усилия на политическую работу в Китае, так как в противном случае всякая военная операция при существующих в настоящее время условиях будет обречена на неудачу. Чан Кайши высказал иную точку зрения. Он считал, что в Китае уже велась серьёзная политическая работа, и в современной ситуации военная подготовка была важнее. Склянский предложил осуществлять военные приготовления путем «направления китайских товарищей в Россию для обучения в военных учебных заведениях» [5, с. 25–26].

Чан Кайши был очень разочарован. 19 ноября он написал письмо Троцкому, в котором выразил свое желание получить военную помощь от Советского Союза. 27 ноября Троцкий встретился с делегацией в больнице. В ходе беседы он подчеркивал, что главная проблема китайской революции в том, что отсутствует политическая, массовая и пропагандистская работа: «Хорошая газета сильнее, чем плохая дивизия». Чан Кайши еще раз иносказательно выразил надежду, что Советский Союз поддержит «Северо-Западный военный план» Гоминьдана. Но Троцкий повторил, что военные действия должны проводиться только после того, как политическая подготовка будет завершена, а «Гоминьдан должен начать военные действия со своей территории, а не в Монголии» [6, с. 150–152].

Вопрос об использовании территории Монголии стал главным камнем преткновения между двумя сторонами. С точки зрения китайских представителей, теоретической и практической основой «Северо-Западного военного плана» являлось то, что Сунь Ятсен и Гоминьдан поддерживали китайский суверенитет по отношению к Внешней Монголии, что было признано Советским полпредом в «совместной декларации Сунь Ятсена и Иоффе». Советская же сторона считала, что Улан-Батор уже не был подконтролен китайцам. И руководство Советского Союза, расквартировавшее свои войска во Внешней Монголии, опасалось, что Китай воспользуется возможностью вернуть себе Монголию и тем самым нанести ущерб военным и политическим интересам СССР.

Кроме того, в связи с развитием мировой революционной ситуации неясным оставался вопрос о соотношении между китайской и европейской революциями. Не определилась с этим и советская революционная элита. В октябре 1923 г. вооружённое восстание немецких рабочих вспыхнуло в Гамбурге. Лидеры Советского Союза и Коминтерна Сталин, Троцкий, Бухарин и Радек уделили большее внимание германской революции. Согласно их мнению, в случае ее успешности возможность «мировой революции» будет значительно выше; если немецкая революция потерпит неудачу, «мировая революция» сойдет на нет. Таким образом, Советский Союз и Коминтерн уделяли большее внимание германским революционным процессам, а не китайским. Это сказалось на методах и объёме советской поддержки Гоминьдану.

В самом Китае вследствие отсутствия у Сунь Ятсена соответствующих вооруженных сил была принята временная тактика «полагаться на одного военачальника против других военачальников». В то время Сунь Ятсен заключил временный союз с военачальниками Чжан Цзолинем и Дуань Цижуем, поддержанными японцами. Советская сторона была обеспокоена тем, что если бы Советский Союз полностью одобрил «Северо-Западный военный план» Сунь Ятсена, будущие победы, вероятно, были бы украдены Чжан Цзолинем в Северном Китае и как следствие японцами, стоящими за ним, что, в конце концов, привело бы к крупномасштабному вмешательству японских сил в ситуацию на Дальнем Востоке. Этому же в Советском Союзе вообще не хотели допускать.

Чан Кайши в Москве продолжал участвовать во многих политических мероприятиях, наиболее важным из которых было заседание исполнительного комитета Коминтерна 25 ноября, где обсуждались

вопросы, связанные с китайской революцией. Ранее делегация представила в Коминтерн «Письменный отчет о национальном движении Китая и состоянии внутри партии». На основе этого документа участники заседания обсудили проблемы революции в Китае. Перед началом заседания Чан Кайши встретился с председателем исполнительного комитета Г.Е. Зиновьевым и руководителями компартий других стран. В своём выступлении Чан Кайши предложил, чтобы Коминтерн обратил особое внимание на продвижение революции на Востоке. Он подробно изложил смысл и значение теории «трех народных принципов» Сунь Ятсена – «национализм, народовластие и народное благосостояние». Затем он ответил на вопросы В. Коларова, С. Зеткина и других участников заседания. Зиновьев, председательствовавший на заседании, подчеркнул, что в президиуме будет создан специальный комитет для обсуждения предложений китайской делегации и окончательного решения данного вопроса.

Необходимо обратить внимание, что ни в одном письменном отчете, представленном делегацией, в том числе в докладе Чан Кайши не упоминалась Коммунистическая партия Китая (КПК), которая в те годы активно сотрудничала с Гоминьданом. Это демонстрировало позицию Гоминьдана, претендовавшего на роль единственного руководящего субъекта китайского национального движения, а КПК могла быть только подчинённым участником в лучшем случае. Зиновьев на заседании отметил, что Гоминьдан и КПК должны продолжить обсуждение взаимного сотрудничества.

После интенсивных дискуссий и уточнений Коминтерн представил «Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан» от имени Президиума исполнительного комитета, которая была официально принята 28 ноября и передана Чан Кайши для ознакомления в Китае. В резолюции было сказано: «...Президиум Коммунистического интернационала с удовлетворением констатирует, что революционные элементы Гоминьдана во главе с д-ром Сунь Ятсеном осознали необходимость приближения к трудовым массам, установления с ними самой тесной связи путем широкой пропаганды и организации, укрепляя и расширяя таким образом базу революционного движения в Китае...» [7, с. 42].

«Резолюция» дала новую интерпретацию программы «Трех народных принципов» Сунь Ятсена и Гоминьдана, значительно усилившая акцент на действия против империализма и феодализма, а также на активную поддержку рабочего

и крестьянского движений. Были выдвинуты основные принципы взаимодействия между Гоминьданом и КПК. Эта резолюция впоследствии стала основой для Первого национального съезда Гоминьдана, на котором были пересмотрены «три народных принципа», а также добавлены три базовых принципа политической деятельности партии: «сотрудничать с СССР, признавать КПК, помогать рабочим и крестьянам». Несмотря на то, что делегация Гоминьдана участвовала в обсуждении и утверждении «Резолюции», Чан Кайши был крайне недоволен этим документом и дал негативную оценку Коминтерну и Зиновьеву [3, с. 141].

29 ноября делегация выехала на родину. В это время Сунь Ятсен готовился созвать Первый национальный съезд Гоминьдана. Ему была необходима значительно большая информация о реальной ситуации в Советском Союзе и Коминтерне, поэтому он неоднократно советовался с Чан Кайши. 16 января 1924 г. тот вернулся в Гуанчжоу к Сунь Ятсену и представил ему доклад о работе делегации, а также поделился некоторыми своими сомнениями. Сунь Ятсен считал, что Чан Кайши «был слишком пессимистичен по поводу будущих китайско-советских отношений, и это чувство не подходит к реальной революционной ситуации», и поощрил его сделать больше полезной работы для развития китайско-советского сотрудничества [8, т. 9, с. 31].

С 20 по 30 января 1924 г. прошел Первый национальный съезд Гоминьдана в Гуанчжоу под руководством Сунь Ятсена, который определил три установки в политике: «Сотрудничать с СССР, признавать КПК, помогать рабочим и крестьянам». В декларации, принятой съездом, развивались уже известные «три народных принципа», и добавлялись новые. Например, принцип национализма, который означал борьбу против империалистической агрессии во внешних сношениях, а внутри Китая – поддержка стремления к равенству всех этнических групп. Принцип народовластия провозглашал проведение партией демократической политики, пользующейся поддержкой народа, а не доминирование одного человека или группы людей. Принцип народного благосостояния предполагал создание индустриальной экономики и обеспечение её равенства с крестьянским землевладением, а также контроль над капиталистическими отношениями (позже партией был сформулирован лозунг «Пусть каждый крестьянин имеет свою землю!») [9, т. 2, с. 698–702].

Двадцать четыре члена КПК, составлявшие около одной седьмой от общего числа делегатов,

участвовали в съезде, который принял антиимпериалистическую и антифеодальную программу, выдвинутую КПК, ее принципы были заложены в декларацию съезда и стали политической основой для сотрудничества между Гоминьданом и КПК. Среди 41 избранного члена Центрального исполнительного комитета и заместителей было 10 членов КПК, в том числе Ли Дачжао, Тань Пиншань, Мао Цзэдун и др. После такой реорганизации Гоминьдан уже больше не являлся буржуазной политической партией, а превращался в революционную организацию союза рабочих, крестьян, мелкой и национальной буржуазии, стал основной силой революционной власти.

При активном участии КПК Сунь Ятсен развил военное строительство и сформировал революционную армию. Во время Первого съезда Гоминьдана было решено осуществить программу создания «Военной академии офицеров», отделения которой были формально организованы в районе Хуанпу г. Гуанчжоу вскоре после съезда. Это было результатом воплощения в жизнь «трех основных политик» и сотрудничества между Гоминьданом и КПК.

Характерно, что во время визита в СССР, длившегося почти четыре месяца, участники делегации посетили учреждения правительства, заводы, сельские регионы, осмотрели памятные места, встречались с советскими лидерами, особенно делался упор на посещение советских воинских частей. Члены делегации ближе познакомились со структурами ВКП(б), характером советского строя, наблюдали трудный путь государственного строительства, отмечали важность политической работы. ЦК Гоминьдана подтвердил, что делегация, благодаря приобретению такого опыта, осознала необходимость строгой дисциплины, как в ВКП(б) и Красной Армии. Это стало важным мотивом для Гоминьдана, чтобы реорганизовать свою партию и создать революционную армию.

Поездка делегации в СССР способствовала коммуникации между двумя странами; поддержку и помощь получили китайские революционные силы, которые находились в критическом состоянии. Поездка способствовала непосредственному сотрудничеству между Гоминьданом и КПК.

Тем не менее визит делегации в контексте взаимоотношений между Советским Союзом, ВКП(б) и Коминтерном с Китаем в данный период привел к возникновению ряда проблем.

С одной стороны, визит в Советский Союз сильно повлиял на политическую и личную судьбу

Чан Кайши, дал ему почву для сомнений в коммунистах, ВКП(б) и даже Советском Союзе. Первоначально он возлагал много надежд на этот визит: по его мнению, необходимо было согласовать «Северо-Западный военный план» с руководством СССР и позже завершить воссоединение Китая. В то же время этот визит стал хорошей возможностью «повысить свою квалификацию» и накопить политический капитал. Тем не менее визитерам не удалось достичь желаемых результатов: кропотливо спланированный «Северо-Западный военный план» не был поддержан; Советский Союз и Коминтерн холодно отнеслись к мнению Чан Кайши по поводу отношений Гоминьдан – КПК; проблема Монголии не была решена; наоборот, руководство Советского Союза продолжало утверждать, что Монголия уже не является территорией Китая. Все это привело Чан Кайши к разочарованиям и обидам. Важно отметить, что оценки СССР и Коминтерна со стороны Чан Кайши очень отличаются до и после визита, что затем вылилось в его патологическое недоверие к ВКП(б) и КПК, они стали со временем идеологической основой и важным стимулом его антикоммунистических и антисоветских взглядов.

С другой стороны, советские подходы к оценкам китайской революции и китайско-советских отношений, а также связанные с ними оценки взаимоотношений Гоминьдана и КПК, в том числе проблема Внешней Монголии, оказали глубокое влияние на развитие отношений между Китаем и СССР, а также на общую геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке. В то же время такая политика сформировала основную конструкцию ялтинской системы на Дальнем Востоке после Второй мировой войны, ее последующее развитие, которое имело долгосрочное влияние на послевоенные международные структуры и геополитику в исследуемом регионе.

Литература

1. Советско-китайские отношения 1917–1957 : сб. док. / отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никифоров, А.С. Перевертайло. М., 1959.
2. *Янь Жупин, Джэнь Цзэминь*. Биография Чан Кай-ши / отв. ред. У Гуан-и. Пекин, 2013.
3. *Вань Жэньюань, Фан Цинцю*. Биографическая хроника Чан Кай-ши. Пекин, 1992.
4. Письмо Троцкого Чичерину (копия Сталину), 2 ноября 1923 г. // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае :

док. Т. 1 : 1920–1925 / ред. коллегия Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М., 1994.

5. Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. : док. очерк. 2-е изд., доп. М., 1979.

6. Бородин Б. Троцкий и Чан Кай-ши // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2.

7. Коммунистический Интернационал и китайская революция : док. и материалы / отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1986.

8. Чан Кай-ши. Собр. соч. : в 40 т. Идеи и высказывания / отв. ред. Цинь Сяо-и. Тайбэй, 1985.

9. Сун Ятсен. Собр. избр. произведений / отв. ред. Цзэн Сяньджи. Гуанчжоу, 1996.

References

1. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya 1917-1957* [Soviet-Chinese Relations 1917-1957]. Col. doc. Ed. by I.F. Kurdyukov, V.N. Nikiforov, A.S. Perevertailo. Moscow, 1959.

2. Yan' Zhupin, Dzhén Tszemin'. *Biografiya Chan Kai-shi* [Biography of Chiang Kai-shek]. Ed. by U. Guan-i. Pekin, 2013.

3. Van' Zhen'iyuan', Fan Tsintsyu. *Biograficheskaya khronika Chan Kai-shi* [Biographical Chronicles of Chiang Kai-shek]. Pekin, 1992.

4. [Letter of Trotsky to Chicherin (copy to Stalin), November 2, 1923]. *VKP(b), Komintern i natsional'no-revolutsionnoe dvizhenie v Kitae* [VKP(b), the Comintern and the national-revolutionary movement in China]. Doc. Vol. 1 : 1920-1925. Eds. Go Khen'yui, M.L. Titarenko. Moscow, 1994.

5. Kartunova A.I. V.K. *Blyukher v Kitae. 1924-1927 gg.* [V.K. Blukher in China. 1924-1927]. Doc. essay. Issue 2, comp. Moscow, 1979.

6. Borodin B. Trotskii i Chan Kai-shi [Trotsky and Chiang Kai-shek]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1990, No. 2.

7. *Kommunisticheskii Internatsional i kitaiskaya revolyutsiya* [Communist International and Chinese Revolution]. Doc. and mat. Ed. by M.L. Titarenko. Moscow, 1986.

8. Chan Kai-shi. *Idei i vyskazyvaniya* [Ideas and Statements]. Col. of works. Ed. By Tsin' Syao-i. Taibei, 1985.

9. Sun Yatsen. *Sobr. izbr. proizvedenii* [Selected Works]. Ed. by Tszen Syan'dzhi. Guanchzhou, 1996.

УДК 94(470)

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-53-56

ПЕРВЫЙ НАХИЧЕВАНЕЦ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИИ*

© 2017 г. С.С. Казаров

THE FIRST NAKHICHVANEAN ON MILITARY SERVICE IN RUSSIA

S.S. Kazarov

Казаров Саркис Суменович –
Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра археологии и истории Древнего мира,
доктор исторических наук, профессор,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Sarkis S. Kazarov –
Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Department of Archeology and Ancient History,
Doctor of History, Professor,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Рассматривается деятельность крымского армянина Ивана Абрамова, ставшего одним из первых нахичеванцев на службе России, который во время русско-турецких войн принял активное участие в ряде сражений, а во время переселения армян из Крыма на Дон привез в Нахичевань Правительственную грамоту, содержащую привилегии для переселенцев. Будучи грамотным и образованным человеком, являлся одним из влиятельных горожан и много сделал для блага родного города.

Ключевые слова: армяне, Крым, переселенцы, военная служба, магистрат, Нахичевань-на-Дону.

The article is devoted to Ivan Abramov's activity, who was one of the first from Nakhichevanean people on the service of Russia. During the Russian-Turkish wars he took an active part in a number of battles, and during the resettlement of Armenians from the Crimea to the Don Abramov brought to Nakhichevan the Governmental letter containing the list of the privileges for immigrants. Being literate and educated man, he was one of the most influential citizens and did a lot for the good of his native city.

Keywords: Armenians, Crimea, migrants, military service, magistratus, Nakhichevan-on-Don.

Накануне присоединения Крыма к России в XVIII в. небольшая группа крымских армян поступила на военную службу Российскому государству. Некоторые из них за особые заслуги затем получили офицерские звания и дворянские титулы. Среди них источники называют имя штабс-капитана Ивана Абрамовича Абрамова (Ованеса Абрамяна), сыгравшего важную роль в первые 25 лет существования города Нахичевани-на-Дону. К сожалению, имя Ивана Абрамовича оказалось незаслуженно забытым соотечественниками, и в данной статье предпринята попытка оценить его вклад в обустройство родного города и развитие связей армян с Россией. Не случайно некоторые исследователи называют его в числе главных адептов про-русской ориентации [1, с. 12].

Первые сведения о начале его деятельности мы находим в послужном списке. Из него следует, что

Иван Абрамов, уроженец города Кафы (ныне – Феодосия) в 1772 г. был принят «в вечное Российское подданство и определен на службу в бывший Малороссийский Кампанейский полк 2 есаулом», а 1 мая 1779 г. «в воздаяние понесенной переводческой должности трудов из сотников произведен в капитаны...» [2]. Причиной перехода группы армян на русскую службу И.М. Келле-Шагинов называет то впечатление, которое произвело на них посещение русского лагеря, где расположился большой военный отряд под командованием Василия Михайлович Долгорукого [3, с. 242].

Важную роль сыграл И. Абрамов при трагическом переселении своих соотечественников из Крыма на Дон. В составе делегации от терпящих ужасные беды переселенцев он отправился в Петербург на встречу с архиепископом Иосифом Аргутинским вместе с Мкртычем Петросяном и Дани-

* Статья выполнена в рамках поддержанного РФНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

элемент Григорьяном [4, с. 33], хотя В. Микаэлян добавляет к названным ещё и Саркиса Манвеляна, Акопа Аксентяна и Саркиса Меджлумяна [5, с. 145]. Видимо, тогда же и состоялось первое знакомство главы армянской епархии России с капитаном русской армии И.Абрамовым. Узнав о бедственном положении переселенцев, Аргутинский обещал им содействие и всяческую помощь. Однако дело продвигалось не так быстро, как хотели того переселенцы, и лишь 26 ноября 1779 г. Иван Абрамов и Карапет Восканов (последний находился в северной столице ещё до приезда остальных делегатов) с долгожданной грамотой возвратились к месту поселения [6].

Но даже и после того, как его народ обосновался на донской земле, Иван Абрамов не оставил службу, продолжая выполнять деликатные поручения А.В. Суворова. Его знания не только русского, но турецкого и татарского языков помогали ему в переговорных процессах. Когда в ноябре 1783 г. А.В. Суворов от вышестоящего начальства получил указание убедить крымского хана Шагин-Гирея переехать на постоянное местожительство в Крым, в качестве посланников для встречи с ним были выбраны полковник Булгаков и майор Абрамов. В своем рапорте на имя Г.А. Потемкина А.В. Суворов писал: «Вашей светлости высокое повеление от 9-го числа ноября мною получено. По известной Вашей светлости моей ревности совершенно я бы не оставил сам оное в исполнение привести. Но оступая ко мне светлейшего Шагин-Гирея-хана по выходе из Крыма христиан, обратившаяся в злопамятство, может производство испортить. Чего ради для трактования сего и брал я за лучшее употребить Нижегородского пехотного полку господина полковника Булгакова, который сего испытан был в доверенности по Донскому войсковому правлению. В помощники я ему придал нахичеванского председателя майора Ивана Абрамова» [7, с. 291]. Как можно заключить на основании последующих документов, посланники 11 декабря прибыли в Крым, встретились с Шагин-Гиреем и с ответным письмом хана 6 февраля 1784 г. прибыли в ставку А.В. Суворова. Судя по почти двухмесячному их пребыванию в Крыму, хан не сразу дал ответ.

Находясь на должности председателя Нахичеванского магистрата, И. Абрамов не оставлял военную службу. Во время русско-турецкой войны в 1787 г. он собрал волонтеров и вместе с ними сражался против турецкой армии. Принимал непосредственное участие во взятии Очакова, за что 14 апреля 1789 г. был награжден орденом князя Влади-

мира 4-й степени с бантом. 17 июня 1790 г. был уволен из армии в чине майора, в 1794 г. – со званием подполковника, целиком сосредоточившись на делах родного города [2].

В Нахичевани-на-Дону И. Абрамов имел репутацию богатейшего и весьма влиятельного человека. Здесь, на донской земле, он развернул широкую предпринимательскую деятельность. Уже в 1780 г. в городе заработали шерстяные и шелковые фабрики И. Абрамова. По словам Г. Патканяна, основой его могущества было огромное торговое сооружение, в котором нахичеванские торговцы имели по одному, а то и по два магазина [8, с. 60].

Интересные сведения из жизни Ивана Абрамова находим в записках одного английского путешественника, который был приглашен к нему в гости. Дом И. Абрамова был хорошо меблирован, имел много предметов европейской роскоши, в числе которой находился даже бильярдный стол. Все гости в доме сидели, по-восточному скрестив ноги, кроме самого хозяина, который к тому же был одет в соответствии с европейской модой. Своим иностранным гостям он продемонстрировал коллекцию редких сабель с богато украшенными ножнами – предмет его особой гордости. Но, как оказалось, кроме Грузии и Турции сам хозяин из зарубежных стран более нигде не был [9, р. 397–398].

Описание дома И. Абрамова дополняет Г. Патканян. По его словам, двухэтажный дом, который находился рядом с огромным магазином, был первым большим домом в городе. Нижний этаж был каменным, верхний – деревянным, его окружал цветущий сад, а сам дом располагался по 13-й линии на берегу Дона [8, с. 47].

С именем подполковника И. Абрамова связан первый конфликт в нахичеванской среде, возникший между ним и архиепископом Аргутинским. Ещё 13 декабря 1780 г. оба совершили поездку в Черкасск, где были доброжелательно приняты Наказным атаманом Войска Донского, и ничто не предвещало конфликта. Но тем не менее он разгорелся. Все детали и подробности конфликта описаны в работе Г. Патканяна, которой с определенными оговорками и будем следовать.

Конфликт зародился на общем собрании хозяев будущих магазинов, которые предполагалось открыть вокруг главного городского собора. Хозяева магазинов, по предложению И. Аргутинского, должны были по жребию получить под них места, начать торговлю, и когда средства, потраченные ими на строительство магазинов будут возмещены, передать их городу. Против выступил И. Абрамов,

который с помощью своих единомышленников добился того, чтобы ему разрешили к югу от церковного двора построить большой магазин, обещая либо выкупить это место у города, либо платить за него аренду в городскую казну. Однако, получив это место, он не выполнил своих обещаний.

Ещё больше подлило масла в огонь то, что, заказав увеличенную копию изображения Грамоты Екатерины II, И. Абрамов представлял дело так, что в её получении главную роль сыграли они с Д. Каракашем, при этом игнорируя заслуги И. Аргутинского. По словам Г. Патканяна, эту историю ему рассказал старый художник Мартирос Тепинкиджи [8, с. 39], но её достоверность кажется нам весьма сомнительной.

Но другая история имеет под собой реальные основания. Вмешательство архиепископа И. Аргутинского в дела города привело к открытому конфликту между ним и городской верхушкой во главе с И.Абрамовым. Дело в том, что далеко не все церковные сокровища, которые были вывезены из 40 крымских церквей, были распределены по церквям Нахичевани. Незадолго до своей смерти духовный руководитель армянской общины Крыма архимандрит Петр Маркосян собственноручно составил список всех ценностей и священных реликвий, которые были вывезены с полуострова. Однако некоторых из них в церквях Нахичевани не оказалось, а по слухам попали они в Астрахань. Чтобы выяснить, что же конкретно было утрачено, некоторые из известных горожан произвели опрос среди стариков и священников и таким образом составили перечень ценных вещей, каких не досчитались в нахичеванских церквях. Это послужило основанием для подачи жалобы группы нахичеванцев на архиепископа. Заручившись поддержкой викарного архимандрита Нерсеса Аштаракского, они отправили её в вышестоящие инстанции. Основная мысль её заключалась в том, что в то время, как в городе сложилось тяжелейшее материальное положение, церковные богатства города почему-то находятся в Астрахани без всякой на то пользы. Собрание, на котором происходило это разбирательство, также описано Г. Патканяном. Когда И.Аргутинский, возмущившись жалобой, заявил, что это его дело и только он является хранителем церковных ценностей, это вызвало бурю возмущения со стороны влиятельных жителей во главе с городским головой Микаэлом Когбетляном. Наиболее непримиримую позицию занимал подполковник И. Абрамов [8, с. 60].

После этого конфликта архиепископ И. Аргутинский покинул Нахичевань и более никогда сюда не

возвращался. В его основе, по нашему мнению, лежал протест городской верхушки против вмешательства духовной власти в дела управления городом. По всей вероятности, во время пребывания армян в Крыму духовенство не вмешивалось в светские дела, и здесь в новых условиях влиятельные и богатые горожане не желали менять это положение.

Во время первых выборов судей магистрата одним из них был избран И. Абрамов, который отвечал за призрение вдов и сирот. После введения в стране Городового положения 1785 г., оно было в 1788 г. распространено и на Нахичевань. И тогда же первым главой «шестиголосной думы» на 1788–1790 гг. был избран И. Абрамов.

Известно, что 2 апреля 1808 г. подполковник И. Абрамов обратился с прошением на имя императора Александра Павловича утвердить его с семейством в дворянском сословии и выдать им соответствующий диплом [2]. Однако по неизвестным причинам утвержденный Правительствующим сенатом и выписанный на его имя диплом так и остался не подписанным императором.

Иван Абрамович Абрамов скончался на своей новой родине – в Нахичевани-на-Дону в 1813 г. и был похоронен в оградке церкви св. Никиты, а на его надгробной мраморной плите была выгравирована надпись с перечислением заслуг покойного:

Под этим надгробием покоится
Муж неутомимый честный, великий нации сын
Иван Абрамович, племя Айказнов,
Рожденный в городе Кафе Крыма,
Затем служивший великому императору,
Русской царице Екатерине,
Получивший кавалера Знака Креста,
И подполковника тысяцкого.
Пришел он на помощь в трудное время
Измученной нации, оставшейся в степи,
Прошение привез великой императрице,
Дарившей привилегии по Указу,
На основание Нового Нахичевана
И свобод на десять лет.
От отца перенял все доброе,
Основал этот город в надежной стране.
Сюда привез свою жалкую нацию,
Что была изгнана из страны Крым,
Добрую память оставил миру,
И сам, как цветок добрый, день ото дня
Угас... Ушла к Христу всеобщая надежда.
Кто встретится с этой могилой,
Благословите нашим Отче Наш [10, с. 63].
В этих словах, как нам представляется, нахичеванцы как нельзя лучше выразили свою призна-

тельность и уважение Ивану Абрамовичу Абрамову за все его полезные деяния на благо города и своего народа.

Литература

1. Поркшеян Х.О. О Нахичевани-на-Дону (к 180-летию основания города). Нальчик, 1960.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1411. Оп. 2. Д. 112.
3. Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов н/Д., 2015.
4. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван, 1996.
5. Микаэлян В. История крымских армян. Ереван; Симферополь, 2004.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Д. 588. Ч. 12. Л. 306.
7. Суворов А.В. Документы. Т. 2. М., 1951.
8. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, 1917 (на армян. яз.).
9. Clark E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and the Turkey. Vol. 1. London, 1816.
10. Шахазиз Е. Новый Нахичевань и новонахичеванцы / пер. с армян. Ш.М. Шагиняна. Ростов н/Д., 2005.

Reference

1. Porksheyan Kh.O. *O Nakhichevani-na-Donu (k 180-letiyu osnovaniya goroda)* [About Nakhichevan-

on-Don (on the 180th anniversary of the city foundation)]. Nalchik, 1960.

2. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. Fund 1411. In. 2. File 112.

3. Kelle-Shaginov I.M. *Moya edinstvennaya zhizn'. Dnevnik i vospominaniya* [My One and Only Life. Diaries and Memoirs]. Rostov-on-Don, 2015.

4. Barkhudaryan V.B. *Istoriya armyanskoi kolonii Novaya Nakhichevan'. 1779-1917* [The History of the Armenian Colony of New Nakhichevan. 1779-1917]. Erevan, 1996.

5. Mikaelyan V. *Istoriya krymskikh arмян* [The History of the Crimean Armenians]. Erevan; Simferopol, 2004.

6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)]. Fund 16. File 588. Part 12. L. 306.

7. Suvorov A.V. *Dokumenty* [Documents]. Vol. 2. Moscow, 1951.

8. Patkanyan G. *Istoriya Novoi Nakhichevani* [History of New Nakhichevan]. Nakhichevan-on-Don, 1917 (in Armenian).

9. Clark E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and the Turkey*. Vol. 1. London, 1816.

10. Shakhaziz E. *Novyi Nakhichevan' i novonakhichevantsy* [New Nakhichevan and Nakhichevaneans]. Tr. from Arm. by Sh.M. Shaginyan. Rostov-on-Don, 2005.

УДК 930.1

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-57-61

РОЛЬ А.В. ЛУНАЧАРСКОГО В РЕФОРМИРОВАНИИ ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

© 2017 г. *Е.В. Шандулин*

THE ROLE OF A.V. LUNACHARSKY IN THE REFORM OF THE DON UNIVERSITY IN THE BEGINNING OF 1920-IES

E.V. Shandulin

*Шандулин Евгений Владимирович –
Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений,
кандидат исторических наук,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: shandulin@yandex.ru*

*Evgeny V. Shandulin –
Southern Federal University,
Institute of History and International Relations,
Candidate of History,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: shandulin@yandex.ru*

Рассматриваются и оцениваются некоторые тенденции в формировании нового облика Донского университета в первые годы его становления. А.В. Луначарский достаточно много раз обращался с разъяснениями и письмами к руководству университетов, вел переписку с руководителями страны ввиду сложного положения высшего образования. По мере стабилизации работы университета к середине 20-х гг. процесс реформирования образования стал более обезличенным и активное личное вмешательство наркома в университетские дела не прослеживается. Оценивается работа в Донском университете по набору преподавателей, комплектованию библиотеки, формированию органов управления, модернизации высшего образования, введению рабочих факультетов, решению дисциплинарных вопросов.

Ключевые слова: реформа образования в России в 1920-е гг., А.В. Луначарский, Донской университет.

In the article the author considers the role of People's Commissar of education A.V. Lunacharsky in the development of Don University, on the stage of its formation. Lunacharsky quite a lot of times addressed to the authorities of the universities with explanations and letters, he was in correspondence with the leaders due to the difficult situation in higher education. Upon stabilization of the work of the University to the mid 20-ies, the process of reforming education became more impersonal and active interposition of the Commissar in University work and activity cannot be traced. The author estimates the work on recruitment of faculty lecturers, library specialists, formation of management bodies, the modernization of higher education, the introduction of working faculties, and disciplinary matters in the Don University.

Keywords: education reform in Russia in the 1920-ies, A. V. Lunacharsky, Don University.

Преобразования в сфере высшего образования в начале 20-х гг. XX в. связаны с именем А.В. Луначарского не только как выдающегося политического деятеля, но и как управленца. Будучи главой Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), вплоть до своей отставки в 1929 г., он имел прямое отношение ко всем реформам в системе высшего образования в стране. Однако при изучении архивных материалов обращает на себя внимание ряд интересных особенностей его работы, которые хорошо иллюстрируют сложную и неоднозначную ситуацию не только в образовании в эпоху НЭПа, но и дополняют известные в литературе характеристики личности А.В. Луначарского, нередко отстаивавшего «классическое наследие» [1], оставаясь при этом настоящим большевиком.

В управлении образованием основные задачи в 20-е гг. звучали как «пролетаризация» и «советизация» университетов. Это касалось в первую очередь вопросов социального состава студенчества и преподавателей, читаемых курсов и системы управления университетом, следом начиналась программа формирования новых учебных планов и поиска новой структуры факультетов. А.В. Луначарский активно занимался модернизацией образования, о чем свидетельствуют материалы, сохранившиеся в архивах Донского университета. Нарком рассылал письма с необходимыми разъяснениями. Эти комментарии имели иногда более четкое назначение, чем некоторые коллегиальные решения правительства.

Так сохранились его подробные разъяснения по поводу создания факультетов общественных наук

[2, л. 299]. В 1920 г. в Донском университете были закрыты историко-филологический и юридический факультеты, а на их базе был создан факультет общественных наук (ФОН) с двумя отделениями: правовым и общественно-педагогическим. ФОНы на некоторое время стали обязательной реформой для всех университетов в стране. Отдельно в разъяснениях А. Луначарского по вопросу кадров указано, что «переход лиц педагогического персонала медицинского факультета из одной учебной части в другую воспрещен» [2, л. 301]. В отношении медицинского факультета реформ структурного характера почти не проводилось, и медфак в сводках структурных изменений в документах за 20-е гг. мало фигурировал. Отчасти это было связано с особым «милитаристским», т. е. военизированным, а значит, «особым» статусом медфака, если пользоваться терминологией того времени. Проблема сохранения штата преподавателей стояла достаточно остро, часть из них уехала, часть во время Гражданской войны погибла, некоторые не выходили на работу и пропадали без вести.

Слиянием «старых» факультетов в реформировании университета дело не ограничивалось. Луначарский выступил проводником создания столь неоднозначного и самобытного явления, как рабфаки (рабочие факультеты). Постановлением Наркомпроса от 7 сентября 1920 г. при каждом учебном заведении РСФСР «учреждается рабочий факультет, состав служащих которых комплектуется преимущественно из рядов пролетариата и трудового крестьянства» [2, л. 269]. Это был принципиально новый тип факультетов для университета. «Основной задачей означенных факультетов являлось широкое вовлечение крестьянских и пролетарских масс в стены высшей школы и коренное перерождение последней в соответствующий потребностям пролетарского государства» [2, л. 269]. Рабфак в Донском университете носил имя ростовской стачки 1902 года и рассматривался властями как ключевой проект в процессе перевоспитания университетской среды в советском духе. Это был самый мощный инструмент так называемой «советизации» высшего образования.

Цель рабфака – специализированная подготовка университетских кадров из рабочей и крестьянской среды, так как обычные курсы и вступительные экзамены университета для этой категории населения в силу недостаточного уровня их образования были недоступны.

На рабочем факультете было сформировано три отделения: физико-математическое, естественно-научное и общественно-экономическое, которые

фактически дублировали структуру университета по основным направлениям. Это подразделение было отчасти автономным от университета и имело собственный совет [3, л. 72–73]. Рабфаки пользовались «всемерной поддержкой Луначарского и советских органов управления» [2, л. 269–270]. Рабфакам выдавались лучшие пайки, быстрее строились общежития и открывались столовые. После образования рабфака Донской областной финансовый отдел (донобфинотдел) по предписанию Луначарского выделил на нужды строительства и содержания Донского университета сумму в 20 млн рублей [2, л. 270], что в разы превышало все прежние дотации университету и было под личным контролем наркома. Луначарский лично утверждал сумму расходов на содержание университета. В 1921 г. она составила 253 176 тыс. р. [2, л. 270], что, однако, в условиях галопирующей инфляции в Гражданскую войну нельзя было назвать значительной суммой. Именно тяжелое финансовое положение вынуждало наркома отслеживать расходы университета. Доверие в университетской среде к наркому было достаточное, чтобы просить его лично об определенных дотациях.

Обращались к Луначарскому и по проблемам хозяйственного характера. В 1921 г. заработная плата сотрудникам университета фактически временно была заменена «продуктовыми пайками», выдаваемыми властями централизованно. Университет на протяжении года (1920–1921) добивался увеличения для преподавателей «академического пайка» [4, л. 8], сопоставимого с пайками в столицах, но безрезультатно, о чем с сожалением говорили на ректорских заседаниях [2, л. 20]. Тем не менее сам факт подобных обращений за помощью, которые продолжались длительное время, говорит о влиянии наркома, об отношении руководства университета к его личности.

В иных вопросах Луначарский активно помогал университету. Так, в начале 20-х в Донском университете была парализована работа библиотеки из-за исчезновения книг и нехватки персонала. Она временно была закрыта ввиду необходимости проведения инвентаризации и ремонта здания [2, л. 178]. А.В. Луначарский 20 августа 1920 г. предложит оказать материальную помощь Донскому университету «в деле возвращения из Варшавы некоторых учебных пособий в той части библиотеки, которые составлены из русских книг, а также части библиотеки и коллекций, оставленных там профессорами» [2, л. 298]. Вопрос о библиотеке имел особенно острое звучание в силу того, что она всегда была предметом гордости университета, и Луначарский

как человек обширных энциклопедических знаний не мог этого не понимать.

Другим примером заботы наркома были преподаватели университета. Сохранилось письмо А. Луначарского с предложением «сообщать обо всех арестах профессоров в Москву и освобождать преподавателей на поруки по заявлению не менее двух членов коллегии за их подписью и сообщать по телефону Донисполкому» [2, л. 298]. В итоге профсоюзный комитет рекомендовал освобождать и беречь ценных работников университета от арестов по принципу коллективной ответственности и поручительства. В решениях Донисполкома за 1920 г. есть упоминание, что на участников контрреволюционной борьбы распространяется «ответственность друг за друга круговой порукой за цельность имущества, дел и архивов...» [5, л. 2].

Очевидно, что между различными ведомствами Советской республики шла борьба за судьбы профессуры университетов, и народный комиссариат просвещения в лице его главы А.В. Луначарского встал на защиту университета от карательных мер.

Отчасти эта политика себя оправдывала, так как до середины 20-х гг. состав центральных органов управления менялся медленно, многие выдающиеся ученые, несмотря на свою изначально критическую позицию к новым властям, оставались на работе как ценные профессионалы. Уход многих из них был обусловлен естественными причинами, переездами, состоянием здоровья. В это время умерли: гистолог П.И. Митрофанов, языковед А.М. Позднеев, вирусолог Д.И. Ивановский, химик К.В. Харичков и др. [6, с. 298]. В сохранившихся списках на лечения преподавателей университета типичными недугами были туберкулез и последствия ранений [7, л. 66].

Бережливость в отношении профессуры объяснялась еще тем обстоятельством, что, согласно дореволюционной традиции, кафедра как административная и научная единица в университете строилась вокруг личности одного или максимум двух профессоров и была немногочисленной, зачастую не более 5 человек вместе с персоналом. Характерен список кафедр реформированного в 1920 г. историко-филологического отделения от 13.10.1921 г., где при штатной численности профессоров в 44 человека, имелось 33 кафедры. Поэтому уход одного профессора или его перевод на новое место мог остановить работу целого научного или образовательного направления работы университета.

Тем не менее новая система ценностей неизменно входила в основу работы университета и Луначарский являлся ключевым проводником

преобразований. В первые годы Советской власти активно начались внешние изменения. Показательно отмена дореволюционных названий профессий служащих в университете, имевших буржуазное происхождение, вместо эскутеров и швейцаров появились смотрители зданий, лаборанты, ассистенты. Немного ранее (1918) декретом СНК были упразднены звания приват-доцента, доктора, магистра, адъюнкта [8, л. 36]. Также менялись органы центрального управления университета. Комитет университета был заменен новым типом исполнительного органа – президиумом университета, принцип комплектования которого был изменен правительством на более демократический с широким участием представитель власти.

В состав президиума теперь входили не только представители университета, но и один сотрудник от «оботнароба» (областного отдела народного образования), один – от комтруда (комитета по труду), три – от преподавательского состава и столько же от студенчества, военком медфака (военный комиссар медицинского факультета), комиссар высших учебных заведений Днобласти.

Такое комплектование сформировано А.В. Луначарским в августе 1920 г., который и утвердил новую систему управления университетами в стране [8, л. 1], где основу составляли президиумы – выборные органы управления при утверждении наркомата. Луначарский писал, что «ввиду недавнего освобождения Дона от белых и совершенно еще неустановившегося облика местного студенчества, полагаю необходимым... студенческие представительства, как в совете университета, так и на факультетах ... заполнять всеми кандидатами от союза студентов-коммунистов» [2, л. 299]. Обновление состава университетов было одной из основных задач реформирования образования.

Немного позже, начиная с 1924 г., председатель президиума университета и его заместитель отвечали за весь ход университетской жизни и «утверждались наркомпросом» [2, л. 299]. Фактически должность ректора превратилась в административную, а модель управления университетом приобрела черты вертикального управления с привлечением коллегиальных исполнительных органов. Новая власть не спешила уничтожить структуры управления университета и их состав, а формировала новую систему управления постепенно с помощью административных механизмов и инициатив новых создаваемых коллегиальных органов самоуправления на местах. Луначарский не проводил одномоментную ломку управления и формировал

её в несколько шагов, приучая университетскую среду к новым советским коллегиальным принципам управления.

Тем не менее преподаватели не спешили участвовать в работе новых органов управления. Так, в одном из писем в комитет университета местком (местный профсоюзный комитет) сетовал на то, что «преподаватели... не посещают заседаний месткома, что плохо, так как не отстаивают свои интересы» [3, л. 29]. Местком отмечал уникальность положения университета, где многие должности попросту нечем занимать, так как не хватает профессиональных научных и преподавательских кадров.

Власть вместе с тем начала ужесточать дисциплинарные методы контроля. Одним из первых шагов на пути реорганизации состава преподавателей стало заявление месткома профсоюза при Донском университете о «недопустимости занятия должностей в университете лицами, состоящим в родстве с кем-либо из университетских служащих» [2, л. 85]. Новые власти настаивали на отказе в приеме на работу родственников «в случае если это не нарушает нормальный ход работ университета» и указывали на «желательность перераспределения уже работающих родственников по разным отделам университета» [2, л. 85].

Следующим шагом наведения нового порядка стало использование декрета СНК «О борьбе с прогулами» от 27.04.1920 г. Объявления о введении новых правил контроля и штрафа за прогулы вывешивались на всех кабинетах университета, а составление контрольных таблиц и проверок стало задачей централизованного управления университетом [2, л. 224]. Одновременно начинаются проверки сотрудников университета на предмет наличия нетрудовых доходов и добросовестности исполнения своих обязанностей на рабочем месте.

Вместе с тем уже в декабре 1920 г. все утверждения факультетами профессоров должны были идти на утверждения в Москву наркому просвещения [2, л. 308], что было явным признаком постепенной централизации в управлении университетской жизнью. Луначарский, с одной стороны, контролировал прием профессоров на работу, с другой – не позволял в одночасье лишиться университет ведущих ученых. Однако состав преподавателей неизбежно менялся.

В 1923 г. был изменен пенсионный порог для преподавателей. Постановлением СНК от 28.12.1923 г. предельным сроком службы профессоров и преподавателей вуза установлено достижение ими 60 лет. После этого профессор или преподаватель

отчислялся из штата и получал специальное вознаграждение в размере одной тарифной ставки соответствующего разряда [7, л. 136].

В декабре 1923 г. последовало ужесточение правил приема всех преподавателей на работу. Ректор Донского университета в тот период профессор В.П. Вельмин писал на факультеты: «Прошу предложить всем заведующим кафедрами не допускать иных лиц к работе в университете без согласия правления университета». Это прошение было сделано на основании циркуляра из СНК по просвещению № 2536, в котором указывалось, что «любое утверждение лица на чтение лекции должно быть согласовано с главпрофобром» в Москве [7, л. 41–42]. С этого времени прием любого преподавателя на работу в университет сопровождался информацией в Наркомат просвещения в обязательном порядке. Формирование централизованного механизма контроля состава преподавателей и центральных органов управления к середине 20-х гг. было таким образом в основных чертах завершено.

Во второй половине 20-х гг. количество прямых обращений и разъяснений из Народного комиссариата за подписью Луначарского в архивах практически не попадает. Главными проводниками изменений в этот период университетской жизни становятся ГУС (Государственный ученый совет) и комиссар высших учебных заведений Донобласти. Личность наркома постепенно устраняется из сводок с заседаний в университете по текущим вопросам. Последующие процессы чисток состава университетов, увольнений и восстановлений преподавателей на работе будут происходить в условиях публичного невмешательства Луначарского в университетские дела.

Напрашивается вывод, что в первые годы Советской власти А.В. Луначарский участвовал в работе Донского университета «в ручном режиме», корректируя и смягчая недостатки и резкие действия новых властей. Начиная с середины 20-х гг., когда выстроилась новая централизованная система управления высшими учебными заведениями, его личные разъяснения и комментарии стали терять свое значение и были свернуты. Вполне очевидно, что, пока Донской университет находился в чрезвычайно сложных условиях, т.е. на грани физического выживания, А.В. Луначарский уделял ему пристальное внимание. После наступления относительной стабилизации работы университета к середине 20-х гг. необходимость личного участия в его деятельности постепенно отпала.

References

Литература

1. Боров Ю. Луначарский. М., 2010. 303 с.
  2. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 8.
  3. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 32.
  4. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 39.
  5. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 7.
  6. Ростовский государственный университет. 1915–1965. Статьи, воспоминания, документы. Ростов н/Д., 1965. 356 с.
  7. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 94.
  8. ГАРО. Ф.Р. 46. Оп. 1. Д. 1.
1. Borev Yu. *Lunacharskii* [Lunacharsky]. Moscow, 2010, 303 p.
  2. GARO [State Archive of Rostov Region (SARR)]. Fund R. 46. In. 1. File 8.
  3. GARO [SARR]. Fund R. 46. In. 1. File 32.
  4. GARO [SARR]. Fund R. 46. In. 1. File 39.
  5. GARO [SARR]. Fund R. 46. In. 1. File 7.
  6. *Rostovskii gosudarstvennyi universitet. 1915-1965. Stat'i, vospominaniya, dokumenty* [Rostov State University. 1915-1965. Articles, Memories, Documents]. Rostov-on-Don, 1965, 356 p.
  7. GARO [SARR]. Fund R. 46. In. 1. File 94.
  8. GARO [SARR]. Fund R. 46. In. 1. File 1.

Поступила в редакцию / Received

12 января 2017 г. / January 12, 2017

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

УДК 316.3

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-62-70

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

© 2017 г. М.А. Васьков, А.Б. Тлисов, С.С. Змияк, С.Г. Тяглов

TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN INSTITUTIONAL LOCAL GOVERNMENT SYSTEM IN CRISIS: ECONOMIC AND SOCIAL CONSEQUENCES AND THE DEVELOPMENT TRENDS

M.A. Vaskov, A.B. Tlison, S.S. Zmiyak, S.G. Tyaglov

Васьков Максим Александрович –
Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения,
кафедра моделирования социальных процессов,
доктор социологических наук, доцент,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: avitold@mail.ru

Maxim A. Vaskov -
Southern Federal University,
Institute for Sociology and Regional Studies,
Department of Social Processes Modeling,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: avitold@mail.ru

Тлисов Азамат Борисович –
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Северо-Кавказский институт-филиал,
кандидат социологических наук, доцент, директор,
ул. Дунаевского, 5, г. Пятигорск, 357528, Россия.
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Azamat B. Tlison -
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
North-Caucasian Institute-Branh,
Candidate of Sociology, Associate Professor, Director,
Dunaevskogo St., 5, Pyatigorsk, 357528, Russia.
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Змияк Сергей Сергеевич –
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Южно-Российский институт управления,
кафедра экономической теории
и предпринимательства,
доктор экономических наук, профессор,
ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: sergey_zm@list.ru

Sergey S. Zmiyak -
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
South-Russian Institute of Management of National Economy,
Department of Economic Theory
and Entrepreneurship,
Doctor of Economics, Professor,
Pushkinskaya St., 70, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: sergey_zm@list.ru

Тяглов Сергей Гаврилович –
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики региона, отраслей и предприятий,
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344007, Россия.
E-mail: tyaglov-sg@rambler.ru

Sergey G. Tyaglov -
Rostov State University of Economics,
Doctor of Economics, Professor,
Department of Region's Economy,
Industries and Enterprises,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344007, Russia.
E-mail: tyaglov-sg@rambler.ru

Изучаются процессы трансформации российской системы местного самоуправления в условиях кризиса, определившего долгосрочные негативные тенденции в экономике, политике и социальной сфере муниципалитетов. Анализируются экономические и социальные его аспекты в контексте угроз стабильности муниципального уровня власти.

С позиций институционального методологического подхода рассматриваются угрозы для российской муниципальной власти и привнесенные кризисом, и существовавшие ранее как системные проблемы муниципального управления. На современном этапе такие тренды связаны не просто с падением уровня жизни, повышением безработицы и роста криминогенной угрозы. Они сказываются на стратегическом развитии муниципалитетов, уменьшая их экономическую базу и человеческие ресурсы. Предлагаются пути преодоления кризисных явлений в системе муниципального управления в направлении реализации институционально-управленческих решений и в реорганизации системы взаимодействия с высшей школой в процессе подготовки необходимых кадров.

Показано, что системная проблема, связанная с несоответствием правовых предписаний, институциональных условий и экономических ресурсов местного самоуправления, наиболее эффективно может быть решена с помощью системы мер институционального и экономического порядка. В первом случае – это изменение образовательной политики в ходе подготовки кадров муниципальных служащих, изначально ориентированных на работу по новым стандартам. Во втором – нужно не просто расширять финансовую ресурсную базу системы местного самоуправления, а заниматься укреплением ее реальной независимости от региональной власти.

Ключевые слова: муниципалитет, власть, экономика, общество, кризис, управление, человеческие ресурсы, профессиональная культура, образование.

The article studies transformation processes of Russian local government system in the conditions of crisis from the perspective of the institutional methodological approach. The crisis not only created a negative situation in the sphere of municipal management, but made long-term negative trends in economy, politics and social sphere of municipalities. The authors consider economic and social aspects of crisis in the context of dangers for the stability of municipal level of power.

The article systematizes the dangers for Russian municipal power brought both by crisis and appeared earlier as the existing system problems of municipal management. At the modern level such trends are connected not only with the falling level of life, increasing unemployment and rise of crime threat. They influence the strategic development of municipalities decreasing their economic recourse base and human recourses. The authors examine ways of overcoming crisis events in the system of municipal management towards realizing institutional-management decisions and reorganizing the system of interaction with higher school in the process of preparing necessary personnel.

The research identified systemic problem with the inconsistency of legal regulations, institutional conditions and economic resources of the local government, it can be most effectively solved by means of a system of institutional and economic order. In institutional terms, this is due to change in education policy in the process of training of municipal employees initially focused on the work on the new standards. In the economic aspect it is necessary not only to expand the financial resource base of the local government system, but also to strengthen its real independence from regional authorities.

Keywords: municipality, power, economy, society, crisis, management, human recourses, professional culture, education.

Введение

В настоящее время экономика и социологическая наука рассматривают местное самоуправление как одно из уникальных явлений общественно-политической системы российского общества, обладающего признаками и института властных полномочий, и института гражданского общества. Местное самоуправление представляет собой коллективный субъект экономического профиля. Уровень, на котором решаются местные проблемы и обеспечивается развитие муниципалитетов как территории, так и общины, считается уязвимым с точки зрения экономического кризиса и действующих с 2014 г. экономических санкций и контрсанкций в системе их краткосрочных и долгосрочных последствий.

Местное самоуправление позволяет людям действовать целенаправленно и стремится к самоорганизации. Там, где местное самоуправление находится в наибольшей близости с населением из-за локального характера, ярко проявляется возможность к осуществлению местной социальной и экономической политики, направленной на удо-

влетворение потребностей практически всех граждан, принимающих участие в общественно-властных отношениях, а также различных объединений, местных властей и государственных структур.

Институционально-правовые основы трансформационных процессов в российской системе местного самоуправления

Интерес власти к проблемам населения, который может быть выражен через создание системы местного самоуправления на уровне поселения, был признан одной из важных целей муниципальной реформы и лег в основу действующего на настоящий момент Федерального закона РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Данный закон действует в России в течение многих лет. В связи с этим актуален вопрос: «Достигнута ли основная цель, которую ставили при принятии закона?». Анализируя понятие «местное самоуправление», нельзя дать однозначного ответа.

Следуя п. 2 ст. 1 закона, под местным самоуправлением понимают форму осуществления власти народом, которая устанавливается Конституцией нашей страны, а также на уровне федеральных законов и законов субъектов РФ. Местное самоуправление призвано помогать населению в принятии самостоятельного решения по вопросам местного значения, исходя из интересов населения, учитывая исторические и иные местные традиции. И в настоящий момент существует двоякая ситуация. С одной стороны, устойчивая правовая основа, подкрепляющая действенность работы органов местного самоуправления в России: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, законы о местном самоуправлении субъектов Российской Федерации и др. С другой – проявляющаяся несогласованность объема полномочий и функций с реальными экономическим и кадровыми ресурсами.

Если соотнести элементы «местного самоуправления», о которых мы говорили выше, с состоянием дел в рассматриваемой сфере в настоящее время и учесть вызванное кризисом сокращение наполняемости бюджетов, рост потребительских цен и безработицы, то мы приходим к выводу, что местное самоуправление в России существует в стрессовой ситуации.

В регионах (как на уровне городских округов, муниципальных районов, так и в городских, сельских поселениях) действуют исполнительно-распорядительные и представительные органы муниципальных образований. В России работают такие элементы демократии, как сходы, конференции, опросы граждан, публичные слушания и др.

Нельзя аргументированно поспорить с тем, что в институциональном плане органы местного самоуправления организационно обособлены от органов государственной власти, что с самого начала позволяет им действовать «самостоятельно и под свою ответственность». Институциональная деятельность, ее роль в формировании структур и ценностей, отвечающих за эффективность регионального управления, уже достаточно долгое время находятся в центре внимания научного сообщества. В современной литературе можно выделить три трактовки этой деятельности. Первая школа во главу угла выносит институциональный проект. Эта традиция, заложенная в формальных юридических исследованиях, берет начало в конституционализме XIX столетия.

В основе данного подхода находится признание приоритета структурных и процедурных усовершенствований, которые борются с кризисными явлениями не симптоматично, а создают глубокие и

стабильные предпосылки для их недопущения. Рассматривалась прежде всего правовая инженерия, и раскрывались институциональные формы, наиболее благоприятные для эффективного представительного правительства. Считалось общепринятым, что успех власти зависит исключительно от надлежащего сочетания ее компонентов, формирующих системы ограничений, не допускающие узурпацию всей полноты власти какой-либо одной ее ветвью, а также от удачного совпадения экономических и политических обстоятельств [1]. Однако впоследствии центр внимания ученых начал смещаться от структурных форм и принципов к социокультурным аспектам функционирования институциональных систем. Сформированные в одной культурной среде институты внедрялись в другую культурную среду и вместо слаженной и четкой работы на новом месте, они перерождались в свою противоположность при сохранении прежних внешних форм.

В настоящее время сферой деятельности местного самоуправления выступают вопросы местного значения. Полный перечень их отражен в ст. 14–16 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ.

На основе проведенного анализа нормативно-правовых документов и результатов социологического опроса можно утверждать, что местное самоуправление в России является состоявшимся фактом. Оно сформировалось как социальный институт, но его эффективность на поселенческом уровне достаточно низка. Об этом свидетельствует определенная заинтересованность респондентов в том, чтобы реформирование системы местной власти продолжилось, так как сегодня в России де-факто отсутствует важнейший элемент любой местной власти – решение местных вопросов «исходя из интересов населения», что можно констатировать из анализа определения местного самоуправления, данного в Федеральном законе от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ. Подчеркнем, что именно интересов, а не потребностей, так как ориентация на удовлетворение потребностей населения не обладает достаточным потенциалом, чтобы обеспечить наиболее эффективное развитие территорий.

Например, потребность жителей отечественных поселений в продуктах питания, как правило, решается с помощью ведения домашнего хозяйства, также в населенном пункте может быть открыт продуктовый магазин с минимальным набором товаров повышенного спроса. Интерес со стороны общества обозначает необходимость в повышении уровня комфортности совместного проживания, что может быть связано с меньшей численностью

домашней птицы и скота, выращиваемых в частных подворьях, и открытием мини-маркетов, которые дают возможность человеку, не выезжая за пределы места проживания, приобрести все необходимое для повседневной жизни.

Если человек испытывает потребность в тепле, то она может быть удовлетворена посредством использования дров и угля. На самом же деле интерес общества сосредоточен на необходимости применения в муниципальных образованиях современных энергосберегающих технологий.

Есть ли пути перевода потребностей людей в их интересы? Например, первый вариант может быть связан с разъяснением смысла тех или иных интересов, а второй – с демонстрацией практического смысла этих интересов. Но подчеркнем, что, как в первом, так и во втором случае, окончательное решение принимают представители местного сообщества.

Работа местного самоуправления выражена в признании права отдельного гражданина являться источником местной власти. Существует возможность самостоятельного принятия решения, связанного с повседневными вопросами своей жизни, направленная на реализацию собственных потребностей с соблюдением общественных интересов [2].

Реализовать данный уровень возможно только через активную социализацию населения муниципальных образований, через формирование слоя жителей, которые принимают непосредственное участие в жизнедеятельности местного сообщества. Безусловно, данный факт не может не вызывать обеспокоенность со стороны руководства нашей страны. В современных кризисных условиях от местных органов власти зависит многое, особенно в контексте сохранения приемлемого качества жизни и купирования социальной напряженности.

Для активизации представителей местных сообществ необходимо создать эффективную систему муниципального просвещения граждан. Ключевым приоритетом муниципальной реформы сегодня можно считать формирование в социуме подлинной культуры самоуправления, а также стремление предоставить обществу информацию о возможностях местного самоуправления.

Необходимо, чтобы отечественная система местного самоуправления развивалась дальше. Действующие нормативно-правовые документы содержат системную ошибку, которая может быть исправлена через активную информационно-просветительскую работу. Следует выстраивать системную работу с различными социальными группами и предпринимательским сообществом на

уровне малого и среднего бизнеса. Дело в том, что в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ за основу организации местного самоуправления в России взят территориальный принцип. Исходя из этого, местное самоуправление реализуется в рамках определенных муниципальных образований, по сути – отдельных территорий.

Такой подход ведет к индивидуализации граждан, что позволяет им удовлетворять частные потребности, а не коллективные интересы. Приведем пример, связанный с разведением рыбы в прудах (в коммерческих целях), которые расположены в населенных пунктах или же рядом с ними. Такие пруды сдаются в аренду. Рыба поступает на рынки для удовлетворения потребностей населения, а также приносит организаторам данного бизнеса постоянный доход. Но в этот ряд не входит общественный интерес, касающийся организации места отдыха для населения, а также возможности для любительского рыболовства и пр. [3].

Возможно, решить возникающие вопросы можно будет лишь тогда, когда каждый житель муниципального образования почувствует себя частью «местного сообщества», так как данное понятие обладает более широким содержанием, чем категория «муниципальное образование».

По определению, которое дается в социологической энциклопедии, основным признаком сообщества является объединение индивидов, которые обладают общими целями. В связи с этим нельзя не разделить мнение тех специалистов, которые под «местным сообществом» подразумевают не только территориально-хозяйственное объединение, но и представляют его как историческую, культурную, соседскую общность, скрепленную корпоративными интересами граждан, а также социальными и духовными связями [4].

Трансформационные процессы российской системы местного самоуправления в контексте развития системы образования

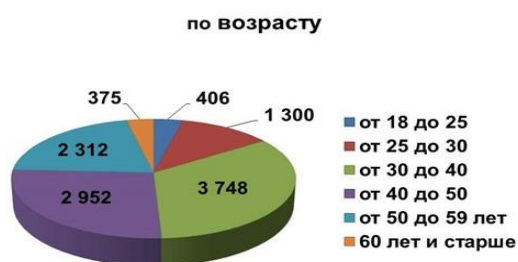
Для того чтобы повысить эффективность жизнедеятельности местного сообщества, необходимо повысить качество человеческого капитала, увеличивать его знания и ценностные ориентации. Ключевая роль при формировании нового социума муниципальных образований отводится государственной политике в области образования.

В странах, где система местного самоуправления является довольно развитой, местная власть опирается на крепкую социальную базу, которую

составляют молодые люди, получившие образование в средних профессиональных и высших учебных заведениях. Иначе местные сообщества могут деградировать [5].

Таким образом, основная задача российской системы местного самоуправления – привлечение выпускников вузов для работы в муниципальных образованиях. Но среднее профессиональное образование в нашей стране находится в критическом положении, а выпускники, окончившие высшие учебные заведения, чаще всего не обладают желанием возвращаться домой, а стремятся найти работу в крупных городах и мегаполисах [6].

Ситуацию с недостаточным привлечением на работу в администрации муниципальных образований ярко иллюстрируют данные приводимого ниже рисунка, из которого следует, что из более чем 11 тыс. муниципальных служащих, работающих на территории Ростовской области по состоянию на 01.12.2016 г., лишь 1300 служащих имеют возраст от 25 до 30 лет.

Количественный состав органов местного самоуправления Ростовской области¹ / Quantitative composition of local government of the Rostov Region

То есть мы получаем замкнутый круг: отсутствует крепкая экономическая база муниципалитетов, что не позволяет им эффективно развивать собственную инфраструктуру, потому квалифицированные специалисты не хотят работать в таких условиях, в результате происходит снижение социально-хозяйственного потенциала территории.

Данная проблема не является новой. В советский период для ее решения использовалась система распределения выпускников вузов и ссузов, а также осуществлялись партийные и комсомольские инициативы и проекты, направленные на укрепление связей между городом и селом. Касаясь новейшей истории, необходимо отметить механизмы, действующие в рамках национальных проектов

«Здоровье» и «Образование». Но несмотря на конкретные результаты по отдельным направлениям и в отдельных регионах, к существенному эффекту в масштабах всей страны данные проекты пока не привели.

Важность этого направления возрастает в условиях современного кризиса. К ним мы можем отнести следующие:

1. Сокращение доходной части муниципальных бюджетов и рост ценовой нагрузки на оказание различного рода услуг местного значения.
2. Повышение уровня социальной напряженности в связи с падением уровня жизни, которое выражается в повышении криминогенности в муниципальных образованиях, уменьшении готовности участвовать в каких-либо совместных проектах на муниципальном уровне.
3. Рост безработицы и угроза дальнейших увольнений.
4. Снижение потенциала инновационного развития муниципалитетов и понижение уровня их человеческого потенциала.

Как же можно выйти из данной ситуации? Вероятно, в настоящее время вполне целесообразным могло бы стать частичное возрождение принципов работы с выпускниками учебных заведений различного уровня, основанных на институте распределения.

Скорей всего речь пойдет не столько о распределении, сколько о договорных отношениях между органом местного самоуправления, предприятием и студентом, предусматривающих обязательство молодого специалиста, который, закончив обучение, сможет вернуться в поселение и проработает в нем в течение нескольких последующих лет. Одним словом, необходимо уделить должное внимание целевой подготовке специалистов. Механизмы нормативно-правового регулирования для такой формы работы существуют, но используются неэффективно [7].

Вероятно, если данному процессу придать общегосударственное значение и создать систему государственных предпочтений для тех студентов, которые поступают в вузы по целевым направлениям, то можно найти определенный выход из сложившейся ситуации путем:

- увеличение процентного соотношения целевых мест в вузах;
- предоставления вузам возможности проводить набор на места с полным возмещением затрат на обучение по двум направлениям:

¹ Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=107840> (дата обращения: 21.01.2017).

– для абитуриентов, которые поступают в рамках целевой подготовки и заключают договор, подписанный тремя сторонами: абитуриентом, потенциальным работодателем и руководителем органа местного самоуправления;

– для абитуриентов, поступающих без целевых направлений;

– возможности вузов вести двойную ценовую политику в отношении двух упомянутых категорий студентов.

Последний пункт необходимо ввести для того, чтобы дать выпускнику стимул заключить целевой контракт, так как стоимость обучения для таких студентов будет на 35–45 % ниже той платы, которая установлена за обучение на общих основаниях [8].

Таким образом, абитуриент, заключив целевой договор, принимает на себя определенные обязательства и должен вернуться для работы в направившую его организацию. Но необходимо учесть, что потенциальный работодатель сегодня, особенно в поселениях, не готов платить за обучение студента и не может гарантировать его последующее трудоустройство [9]. При условиях, близких к идеальным, успешные вузы конкурируют между собой за абитуриентов. Наличие конкурентного преимущества по цене у одного подстегивает другие высшие учебные заведения «следовать за лидером».

При этом каждая сторона процесса получает реальную выгоду:

- вузы увеличат количество студентов;
- абитуриент получит право на льготное образование;
- у работодателя появится право и обязанность трудоустроить студента по завершении его обучения;
- муниципалитет – укрепление своей социальной базы.

Помимо проблемы неразвитости социальной базы местного самоуправления остро ощущается слабость, связанная с финансово-экономической основой муниципалитетов [10].

В ходе осуществления муниципальной реформы городские и сельские поселения стали обладать собственными бюджетами, но особых изменений в организации жизни местных сообществ не произошло. Наличие бюджетов не обеспечивает возможность более эффективной реализации всего круга вопросов местного значения. Также наиболее остро стоит проблема развития территорий, связанная, по мнению населения, с профессиональной несостоятельностью местных руководителей.

Но это не всегда является справедливым замечанием. Опираясь на данные социологического опроса, проведенного сотрудниками Президентской академии, можно понять причины необоснованных обвинений в адрес муниципального менеджмента. Респонденты, отвечая на вопрос: «Что беспокоит лично Вас и Вашу семью в сегодняшней жизни?», в числе важнейших беспокойств назвали следующие: материальное положение; здоровье, лечение, лекарства; воспитание детей, образование; трудоустройство. Ответы, данные респондентами на второй вопрос «По каким направлениям деятельности местного самоуправления Вашего муниципального образования, на Ваш взгляд, достигнуты наиболее значимые для населения результаты?», были следующими (по мере убывания числа отмеченных): организация благоустройства, освещение улиц, сбор и вывоз бытовых отходов и мусора; организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения; организация транспортного обслуживания; создание условий для обеспечения населения услугами организаций культуры, библиотечным обслуживанием [11].

Экономические аспекты трансформационных процессов российской системы местного самоуправления

Как видим, проблемы, которые поднимались в ответах на первый вопрос, не были указаны в ответах на второй. Но, опираясь на действующее законодательство, отметим, что второй блок вопросов относится к непосредственной компетенции органов местного самоуправления, а проблемы первого уровня носят макроэкономический характер [12].

Таким образом тезис, что гражданами не разделяются полномочия различных уровней власти, полностью подтверждается. Ведь глава администрации поселения изначально обязан отвечать за все, что беспокоит представителя местного сообщества. На самом деле он обладает крайне ограниченными возможностями, но при этом ориентирован на решение всех вопросов местного значения одновременно. То есть появляется противоречие: задач много – ресурсов мало.

На наш взгляд, чтобы преодолеть данное противоречие, необходимо осуществить переход местных органов власти от направленности на реализацию полномочий к непосредственному решению задач комплексного социально-экономического развития территорий. Отличие в том, что в первом случае используется технология «латания дыр», а во втором –

«определения приоритетов». Подчеркнем, что бюджет поселения не наполняется через перераспределение налогов из федерального и регионального уровней на местный, также стоит понимать, что неналоговые источники не играют существенной роли при формировании доходной части местных бюджетов [13].

Итак, у местного самоуправления появляются новые возможности по осуществлению долгосрочных программ развития территорий. Но следует понимать, что такая работа потребует ни один десяток лет. Новый кандидат, который претендует на должность главы муниципального образования вместе со своей командой, должен в ходе предвыборной кампании предлагать местному сообществу наиболее эффективные технологии для решения приоритетных задач.

Если глава муниципального образования обладает знаниями таких технологий, то это сделает его более эффективным менеджером, он должен выступать как квалифицированный специалист широкого круга вопросов [14].

В этом состоит еще одна проблема, так как в России в настоящее время не существует единой системы, предназначенной для обобщения и тиражирования передовых технологий, ориентированных на применение в системе местного самоуправления.

Технологии строительства автономных жилых и спортивных комплексов, представленные на рынке, современные энергосберегающие технологии, новые противопожарные системы и дорожные покрытия и пр. [15] не доступны для муниципалитетов из-за недостаточной осведомленности муниципальных служащих, а также в силу дороговизны предложения.

Облегчить прохождение кризисного периода возможно путем формирования разветвленной сети инновационно-технологических центров местного самоуправления. Такие изменения необходимо соотносить с расширением налоговой и в целом экономической базы местного самоуправления. Причем это нужно реализовывать не в логике введения новых налогов и сборов к уже существующим, а путем перераспределения уже получаемых средств [16].

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы. Именно комбинация негативных факторов, включающих в себя слабость институтов муниципальной власти и несоответствие институциональных задач имеющимся

экономическим ресурсам, стала тем фоном, на котором произошли увеличение масштабов коррупции, теневой экономики; падение, разрушение правосознания, моральных и нравственных ценностей. Преодоление негативных тенденций находится в плане институционального строительства, тем более что за время функционирования российского самоуправления стали уже видны существующие в этой системе недостатки.

Эффективны институты, способные создать предпосылки для правильной работы всех экономических и социально-политических механизмов местного самоуправления, т.е. для успешного преодоления экономических и политико-социальных явлений, связанных с кризисом. И применительно к региональному управлению нужно отдать приоритет политическим институтам. Можно понимать под этим термином властные структуры муниципального уровня, с помощью которых достигаются определенные цели и сохраняется баланс интересов и консенсус в местных сообществах. Но несогласованность целей и неспособность достигнуть соглашения в сфере региональной политики делают институты муниципального управления слабо дееспособными.

Литература

1. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии : пер. с англ. М., 1996. С. 18–19.
2. Васьков М.А., Сердюченко Я.В. Стратегии выбора работодателями программ дополнительного образования: проблема эффективности в условиях трансформирующегося российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2, № 10. С. 94–97.
3. Прудникова Т.А. Административно-правовая ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2016. № 5. С. 183–185.
4. Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Мельников С.Б., Патрушев В.И. Основы современного муниципального управления. М., 2008. С. 18.
5. Игнатова Т.В., Змяк С.С. Посткризисные особенности реализации государственной политики поддержки труда и бизнеса: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса. 2013. № 2 (23). С. 79.
6. Москвина С.В. Принцип организации местного самоуправления в интересах населения – как

исходное начало организации местного самоуправления // Фундаментальные и прикладные исследования правового регулирования деятельности государства в социально-экономической сфере и осуществлении правосудия : сб. ст. Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 206–209.

7. Мункуева С.А. Проблемы ответственности органов местного самоуправления в институте наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию юридического факультета. Улан-Удэ, 2015. С. 18–25.

8. Змияк С. Государственная политика на рынке труда: оценка эффективности // Человек и труд. 2011. № 11. С. 17.

9. Прудников А.С., Нурадинов Ш.М. Основные принципы европейской хартии местного самоуправления, используемые в формировании органов местного самоуправления // Междунар. журн. конституционного и государственного права. 2016. № 1. С. 10–14.

10. Карасев А.Т. Органы местного самоуправления как элемент системы местного самоуправления // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 87.

11. Васьков М.А., Радченко А.Н., Самыгин С.И. Трипартизм в практиках управления трудовыми отношениями в Ростовской области / под ред. П.С. Самыгина. М., 2016. С. 107.

12. Булавкин А.А., Васьков М.А. Практики присваивающего поведения в контексте социальной дифференциации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 157–163.

13. Тяглов С.Г., Змияк С.С. Управление качеством подготовки квалифицированных работников как ключевая проблема взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 2. С. 59.

14. Змияк С.С. Государственная политика на рынке труда: проблемы и перспективы реализации на региональном уровне // Государственное и муниципальное управление. Учен. записки СКАГС. 2012. № 4. С. 56.

15. Тяглов С.Г., Воловик В.М. Управление инновационным развитием корпоративных структур в рамках программ ресурсосбережения и повышения энергоэффективности // Terra Economicus. 2011. Т. 9, № 2–3. С. 47.

16. Тяглов С.Г., Ячник Е.А. Алгоритмизация перспективных направлений повышения эффективно-

сти развития социально-экономической инфраструктуры региона // Вестн. Рос. экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. 2013. № 1 (55). С. 109.

References

1. Patnem R. *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoi Italii* [For Democracy to Work. Civil Traditions in Modern Italy]. Tr. from Eng. Moscow, 1996, pp. 18-19.

2. Vas'kov M.A., Serdyuchenko Ya.V. Strategii vybora rabotodatel'nykh programm dopolnitel'nogo obrazovaniya: problema effektivnosti v usloviyakh transformiruyushchegosya rossiiskogo obshchestva [Strategies for the Selection of Additional Education Programs by Employers: the Problem of Efficiency in the Context of Transforming Russian Society]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015, vol. 2, No. 10, pp. 94-97.

3. Prudnikova T.A. Administrativno-pravovaya otvetstvennost' organov mestnogo samoupravleniya i dolzhnostnykh lits mestnogo samoupravleniya [Administrative and Legal Responsibility of Local Governments and Local Government Officials]. *Vestn. Mosk. un-ta MVD Rossii*. 2016, No. 5, pp. 183-185.

4. Gladyshev A.G., Ivanov V.N., Mel'nikov S.B., Patrushev V.I. *Osnovy sovremennogo munitsipal'nogo upravleniya* [Fundamentals of Modern Municipal Government]. Moscow, 2008, p. 18.

5. Ignatova T.V., Zmiyak S.S. Postkrisisnye osobennosti realizatsii gosudarstvennoi politiki podderzhki truda i biznesa: regional'nyi aspekt [Post-crisis Features of the Implementation of the State Policy of Labor and Business Supporting: Regional Aspect]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestn. Volgograd. in-ta biznesa*. 2013, No. 2 (23), p. 79.

6. Moskvina S.V. [Principle of Organization of Local Self-government in the Interests of the Population - as a Starting Point for Organization of Local Self-government]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti gosudarstva v sotsial'no-ekonomicheskoi sfere i osushchestvlenii pravosudiya* [Fundamental and Applied Research of the Legal Regulation of State Activities in the Social and Economic Sphere and Administration of Justice]. Proceedings of International Distant Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2016, pp. 206-209.

7. Munkueva S.A. [Problems of Responsibility of Local Self-government Bodies in the Institution of Empowering Local Governments with Separate State Powers]. *Problemy i perspektivy razvitiya gosudarstva i prava v XXI veke* [Problems and Perspectives of Devel-

opment of the State and Law in the 21st Century]. Proceedings of VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 10th anniversary of Law Faculty. Ulan-Ude, 2015, pp. 18-25.

8. Zmiyak S. Gosudarstvennaya politika na rynke truda: otsenka effektivnosti [State Policy in the Labor Market: Assessment of Effectiveness]. *Chelovek i trud*. 2011, No. 11, p. 17.

9. Prudnikov A.S., Nuradinov Sh.M. Osnovnye printsiipy evropeiskoi khartii mestnogo samoupravleniya, ispol'zuemye v formirovanii organov mestnogo samoupravleniya [The Basic Principles of European Charter of Local Self-Government, Used in the Formation of Local Self-Government Bodies]. *Mezhdunar. zhurn. konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava*. 2016, No. 1, pp. 10-14.

10. Karasev A.T. Organy mestnogo samoupravleniya kak element sistemy mestnogo samoupravleniya [Authorities of Local Self-government as an Element of the System of Local Self-government]. *Problemy obespecheniya, realizatsii, zashchity konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka*. 2015, No. 4, p. 87.

11. Vas'kov M.A., Radchenko A.N., Samygin S.I. *Tripartizm v praktikakh upravleniya trudovymi otnosheniyami v Rostovskoi oblasti* [Tripartism in the Practices of Labor Relations Managing in Rostov Region]. Ed. by P.S. Samygin. Moscow, 2016, p. 107.

12. Bulavkin A.A., Vas'kov M.A. Praktiki prisivayushchego povedeniya v kontekste sotsial'noi differentsiatsii rossiiskogo obshchestva [Practices of Appropriating Behavior in the Context of Social Differentiation of Russian Society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2016, No. 7, pp. 157-163.

13. Tyaglov S.G., Zmiyak S.S. Upravlenie kachestvom podgotovki kvalifitsirovannykh rabotnikov kak klyuchevaya problema vzaimodeystviya rynka truda i rynka obrazovatel'nykh uslug [Management of Quality Training of Skilled Workers as a Key Problem of the Labor Market and the Market of Educational Services Interaction]. *Journal of Economic Regulation*. 2015, vol. 6, No. 2, p. 59.

14. Zmiyak S.S. Gosudarstvennaya politika na rynke truda: problemy i perspektivy realizatsii na regional'nom urovne [State Policy in the Labor Market: Problems and Prospects for Implementation at the Regional Level]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*. 2012, No. 4, p. 56.

15. Tyaglov S.G., Volovik V.M. Upravlenie innovatsionnym razvitiem korporativnykh struktur v ramkakh programm resursosberezheniya i povysheniya energoeffektivnosti [Management of Innovative Development of Corporate Structures in the Framework of Programs for Resource Conservation and Energy Efficiency]. *Terra Economicus*. 2011, vol. 9, No. 2-3, p. 47.

16. Tyaglov S.G., Yachnik E.A. Algoritmizatsiya perspektivnykh napravlenii povysheniya effektivnosti razvitiya sotsial'no-ekonomicheskoi infrastruktury regiona [Algorithmization of Perspective Directions of Development Efficiency Increase of Region's Social and Economic Infrastructure]. *Vestn. Ros. ekon. un-ta im. G.V. Plekhanova*. 2013, No. 1 (55), p. 109.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ НА ОСНОВЕ ИХ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

© 2017 г. Т.А. Иваночкина

SIMULATION OF EVOLUTION OF REGIONAL CLUSTERS ON THE BASIS OF THEIR SYNERGY NATURE

T.A. Ivanochkina

*Иваночкина Татьяна Александровна –
Донской государственный технический университет,
кафедра менеджмента и бизнес-технологий,
старший преподаватель,
пл. Гагарина, 1, Ростов-на-Дону, 344010, Россия.
E-mail: ivanochkina_t@mail.ru*

*Tatiana A. Ivanochkina –
Don State Technical University,
Department of Management and Business Technology,
Senior Lecturer,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344010, Russia.
E-mail: ivanochkina_t@mail.ru*

Рассматриваются вопросы моделирования эволюции региональных территориально-производственных кластеров. Для анализа развития кластерных образований нами был применен синергетический подход, так как доказано, что кластерные образования – это сложные открытые системы, в которых происходят процессы интенсивного взаимодействия и обмена с окружающей средой и что они способны к самоорганизации.

В ходе исследования взаимодействий в системе, состоящей из многих подсистем, использована модель, базирующаяся на теории фазового перехода. Для описания эволюции кластера взята система уравнений Лоренца, как наиболее простая математическая модель процесса самоорганизации. В качестве параметра порядка рассмотрена функция спроса, в качестве сопряженного поля – производственная функция, роль управляющего параметра играет условная технологическая компонента производства.

Проведенный анализ позволил определить критическое значение уровня инновационности промышленного производства, при котором возможно возникновение кластера, при этом производственная функция принимает стационарное значение, а конкурентоспособность определяется способностью применять новые знания и технологии. Синергетические механизмы кооперативного взаимодействия приводят к синхронизации процессов у различных партнеров и формированию их когерентного поведения.

Ключевые слова: *моделирование, территориальный кластер, самоорганизация, обмен с окружающей средой, фазовый переход, модель Лоренца.*

The given paper deals with the simulation of the evolution of the regional and territorial industrial clusters. To analyze the development of cluster formations, we used a synergetic approach, since it was proved that cluster formations are complex open systems in which processes of intensive interaction and exchange with the environment take place and that they are capable of self-organization.

In the course of investigating interactions in a system consisting of many subsystems, the model based on the theory of phase transitions was used. The system of Lorenz equations was applied to describe cluster evolution, being the simplest mathematical model of self-organization process. Demand function was considered as the order parameter, production function was viewed as the conjugate field, and conditional technological component of the production stood for the control parameter.

The conducted analysis allows determining the critical value of the innovation level of industrial production, which makes possible the occurrence of the cluster. In this case the production function takes a stationary value and competitiveness depends on the ability to apply new knowledge and technologies. Synergetic mechanisms of cooperative interaction lead to the synchronization of processes of various partners and the formation of their coherent behavior.

Keywords: *modeling, regional clusters, self-organization, the exchange with the environment, phase transition, Lorentz model.*

Формирование территориально-производственных кластеров в последние годы становится одним из важнейших направлений поддержки инноваций и технологического развития региональных экономик. Роль кластеров в увеличении конкурентоспособности и улучшении социально-экономического положения отдельных территорий в настоящее

время резко повышается. Статистика последнего времени подтверждает, что регионы, на территории которых имеются кластеры, успешно лидируют в экономическом развитии. В условиях спада экономики вопросы стимулирования роста территориально-промышленных кластеров особенно актуальны.

В экономической литературе кластер определяется как «индустриальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой, и выступающих альтернативой секторальному подходу» [1]. М. Портер выделил следующие четыре элемента, обеспечивающие конкурентоспособность кластера (так называемое «правило ромба»):

- наличие факторов производства;
- «требовательный» спрос на внутреннем рынке;
- наличие родственных и поддерживающих отраслей;
- конкуренция между компаниями кластера.

Обобщая информацию по развитию и росту кластеров на территории Российской Федерации, можно прийти к выводу об отсутствии единых механизмов их становления. Поэтому исследование эволюции региональных кластеров является своевременным.

Влияние экономической среды способствует формированию мультипликативных связей, в результате чего свойства обобщенной модели делового цикла могут принципиально отличаться от свойств исходной [2–4]. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на вопросы эволюции экономических систем. Эти системы, как показано В.Б. Зангом [5], являются открытыми, через их границы происходит обмен энергией, веществом и информацией с внешним окружением. Успешность деятельности экономической системы связана с эффективностью переработки внешних потоков (сырья, товаров, капитала) и с ее способностью приспосабливаться к внешнему окружению – экономическому, научно-техническому, социально-политическому.

В книге [6] отмечено, что проблемы моделирования кластеров относятся к числу наименее развитого направления исследования кластеров в России. Там же отмечено, что вопросы эволюции кластеров на основе самоорганизации в отечественной литературе практически не поднимаются.

При описании кинетики любой сложной системы (больших ансамблей объектов, имеющих запас внутренней энергии) необходимо связать внешние потоки, поступающие в систему с ее структурой и взаимодействием входящих в нее компонентов. В процессе эволюции системы часть энергии расходуется на изменение характера взаимодействия, а другая – на изменение ее внутренней структуры. Именно энергия, потерянная для

изменения кинетики взаимодействия компонентов системы между собой, является основной составляющей энергобаланса надсистемы, включающей рассматриваемую систему.

Как считают Г. Хакен и И. Пригожин, процесс эволюции самоорганизующихся систем заканчивается либо их полной деградацией (разрушением), либо переходом в положение устойчивого или неустойчивого динамического равновесия, принципиально отличного от исходного состояния. При этом справедлив критерий Пригожина – Гленсдорфа, определяющий направление протекания процесса самоорганизации

$$\frac{\partial P}{\partial t} \leq 0,$$

где P – производство энтропии; t – время процесса. В случае незамкнутых систем происходит уменьшение энтропии за счет обмена с внешней средой. Критерий Пригожина – Гленсдорфа отражает естественное стремление любого кинетического процесса идти по пути наименьших энергетических потерь.

Универсальность этого подхода определяется тем, что он исследует взаимодействие в системе, состоящей из многих подсистем, и сосредоточивает внимание на тех ситуациях, когда структуры возникают в результате самоорганизации. Рассматриваемая система содержит элементы двух типов: одни соответствуют образовавшимся новым структурам, другие не содержат новых свойств. Под влиянием внешних воздействий в системе происходит изменение соотношения между количеством элементов этих двух типов. Образование и развитие двух состояний, отражающих новый и старый порядок в системе, могут быть исследованы в рамках модели фазового перехода. Феноменологическая теория фазовых переходов Ландау – Эренфеста была создана Л. Ландау и П. Эренфестом в 1937 г.

Согласно этой теории, фазовое превращение определяется параметром порядка ϕ . Равновесное состояние системы выражается условием

$$\frac{\partial F}{\partial \phi} = h,$$

где F – свободная энергия системы; h – внешнее поле.

Считая, что свободная энергия представлена в виде ряда по степеням параметра порядка, процесс релаксации к равновесию может быть описан уравнением

$$\dot{\phi} = -\frac{1}{\eta} \left(\frac{\partial F}{\partial \phi} - h \right). \quad (1)$$

Здесь точка над ϕ означает дифференцирование по времени; η – кинетический коэффициент. Вблизи положения равновесия использовано линейное приближение

$$\frac{\partial F}{\partial \phi} \approx \phi / \chi, \chi \equiv \frac{\partial \phi}{\partial h} = \left(\frac{\partial^2 F}{\partial \phi^2} \right)^{-1},$$

где χ называется восприимчивостью.

В результате уравнение (1) принимает вид

$$\tau \dot{\phi} = -\phi + \chi h, \tau = \chi \eta, \quad (2)$$

где τ – время релаксации.

Уравнение (2) было использовано Ландау и Халатниковым для исследования фазового перехода второго рода.

Поскольку кластер – это открытая экономическая система, уместно исследовать его в рамках синергетического подхода. С математической точки зрения наиболее простая схема описания самоорганизующихся систем представляется известной схемой Лоренца [7]. Это – три дифференциальных уравнения, выражающих эволюцию параметра порядка, сопряженного поля и управляющего параметра.

Для заданных значений ликвидных средств U и цены P , роль параметра порядка, отличающего состояние экономики со сформированным региональным кластером от низкопродуктивного, играет функция спроса $Q(U, P)$, которая соответствует количеству товара, приобретенного за единицу времени: в низкопродуктивном, неупорядоченном состоянии имеем $Q=0$, в высокопроизводительном, упорядоченном $Q \neq 0$.

Соответственно сопряженное поле сводится к производственной функции F , которая определяется количеством продукта, производимого в единицу времени (времени оборота), и которая зависит от количества работников, занятых в процессе, и вложенных (оборотных) средств. Управляющий параметр представляет условную технологическую компоненту производства p (уровень инновационности кластера). Будем считать, что условная p выражена в долях оборотных средств.

В рамках синергетического подхода эволюция системы определяется системой самосогласованных уравнений, которые связывают скорости изменения $\dot{Q}, \dot{F}, \dot{p}$ указанных величин с их значениями Q, F, p .

Принимая во внимание отмеченную выше роль параметра порядка, уравнение для функции спроса $Q(U, p)$ запишем в линейном виде

$$\tau_Q \dot{Q} = -Q + A_Q F. \quad (3)$$

Первый член в правой части соответствует релаксации спроса до нулевого значения за время τ_Q ,

второй член описывает линейную реакцию скорости возрастания спроса на изменение производственной функции (положительная константа связи A_Q определяет силу этой реакции).

Уравнение для скорости изменения производственной функции (присоединенного поля) записывается в нелинейной форме

$$\tau_F \dot{F} = -F + A_F Q p, \quad (4)$$

где первый член в правой части имеет релаксационную природу, что определяется временем τ_F , а второй – представляет собой положительную обратную связь функции спроса и условной технологической компоненты со скоростью изменения производственной функции ($A_F > 0$ – параметр связи). Именно эта связь является причиной самоорганизации кластера.

Последнее из необходимых уравнений соответствует изменению условной технологической компоненты производства, которая играет роль управляющего параметра

$$\tau_p \dot{p} = (p_e - p) - A_p Q F. \quad (5)$$

В отличие от (3), в (4) первое слагаемое в правой части описывает релаксацию не до нулевого, а до конечного значения p_e , величина которого задается внешним воздействием и представляет средний уровень технологической обеспеченности производства (τ_p – время автономной релаксации технологической компоненты; A_p – константа обратной связи). Согласно (5), обратная связь производственной функции и спроса со скоростью изменения технологической компоненты оказывает негативное воздействие и в соответствии с принципом Ле-Шателье – Брауна приводит к ее падению.

Система синергетических уравнений (3)–(5) выделена в том смысле, что следует из простого лагранжиана и таким образом представляет самую простую реализацию самоорганизующейся системы [8]. Для анализа этой системы удобно воспользоваться безразмерными величинами, отнеся время t , спрос Q , производственную функцию F и значение технологической компоненты производства p к масштабам

$$\tau_Q, Q_c \equiv (A_F A_p)^{-1/2}, F_c \equiv (A_Q^2 A_F A_p)^{-1/2}, \quad (6)$$

$$p_c \equiv (A_Q A_F)^{-1}$$

соответственно. В результате эволюция кластера представляется безразмерной системой

$$\dot{Q} = -Q + F; \quad (7)$$

$$\dot{F} = -F + Q p; \quad (8)$$

$$\dot{p} = (p_e - p) - Q F, \quad (9)$$

где введено отношение времен релаксации

$$\sigma \equiv \frac{\tau_F}{\tau_Q}, \delta \equiv \frac{\tau_p}{\tau_Q}.$$

Монотонный режим эволюции реализуется, если характерное время изменения спроса значительно превышает соответствующие масштабы τ_F , τ_p производственной функции и технологической компоненты

$$\sigma, \delta \ll 1. \quad (10)$$

Последнее означает, что в ходе своей эволюции сопряженное поле и управляющий параметр изменяются настолько быстро, что успевают следовать за медленным изменением параметра порядка.

Поскольку безразмерные скорости $\dot{Q}, \dot{F}, \dot{p}$ имеют одинаковый порядок, то условие (10) позволяет пренебречь левыми частями уравнений (8), (9), а это приводит к соотношениям

$$F = p \frac{Q}{1+Q^2}; \quad p = \frac{p_e}{1+Q^2}. \quad (11)$$

Следовательно, увеличение спроса в интервале, ограниченном максимальным значением Q_c , приводит к росту производственной функции F и к уменьшению условной технологической компоненты ниже уровня, который фиксируется средним уровнем технологической обеспеченности производства p_e . Подстановка первого из уравнений (11) в (7) дает основное уравнение эволюции кластера в форме Ландау – Халатникова

$$\dot{Q} = -\frac{\partial V}{\partial Q}.$$

Эффективный потенциал определяется равенством

$$V = \frac{Q^2}{2} - \frac{p_e}{2} \ln(1 + Q^2).$$

При малых значениях p_e синергетический потенциал имеет монотонно растущий вид с минимумом $Q_0=0$, что соответствует низкопродуктивному состоянию экономики, в котором отсутствуют кластерные образования. С ростом p_e до значений, превышающих критический уровень p_c , появляется минимум

$$Q_0 = Q_c \sqrt{\frac{p_e - p_c}{p_c}},$$

что соответствует высокопродуктивному состоянию, в котором появляется отраслевая специализация территории. При этом производственная функция приобретает стационарное значение $F_0=A_0Q_0$, а условная технологическая компонента уменьшается до критического значения $p_0=p_c$. В случае возникновения на данной территории повышенного спроса на отдельные товары может возникнуть эффект самоорганизации, в котором спрос на конкретную продукцию играет роль поступающей извне в открытую систему энергии. Часто именно местные особенности, например

природные условия, получивший специальное образование персонал, являются тем фактором, который привлекает первоначальное внимание к отрасли. Усиление специализации ведет к снижению энтропии в краткосрочном периоде, наличие конкурентного преимущества территории в данной отрасли служит спусковым механизмом самоорганизации.

Современные кластерные образования – сложные открытые системы, в которых происходят процессы интенсивного взаимодействия и обмена с окружающей средой. Основными факторами такого обмена являются:

- финансовые ресурсы, овеществленные в материальных объектах и средствах промышленного производства и инвестиционные ресурсы, посредством готовой продукции и услуг (товарная масса);

- энергетические ресурсы двух видов: 1) предпринимательская активность, креативное мышление, предпринимательские способности; 2) труд или энергия людей как важнейшая составляющая человеческого ресурса;

- информация – особый вид ресурса, включающий в себя производственно-организационную память (опыт), как информацию, накопленную предприятием в виде маркетинговых исследований, адаптивно-управленческой, экономической и финансовой информации, нематериальных активов.

В основе процесса образования кластера лежит необходимость в технологических связях между отраслями и секторами экономики для реализации их потенциальных преимуществ. Синергетические механизмы кооперативного взаимодействия приводят к синхронизации процессов у различных партнеров и формированию их когерентного поведения. В кластере партнеры начинают оказывать друг другу поддержку и помощь. При этом выгода распространяется по всем направлениям связей. Внутри кластера происходит быстрый обмен информацией и распространение новшеств. Уровень конкурентоспособности в такой ситуации зависит все более не от производственных факторов, а от способности организации воспринимать, воспроизводить и применять знания и технологии.

Важным фактором развития кластера является возможность оценить вклад предприятия в стоимость конечного продукта: оно становится условием инвестиционной привлекательности. Региональные властные структуры получают возможность регулирования инвестиционных потоков и оценки эффективности вложений на основе приоритетности развития региональной экономики.

С системной точки зрения кластер – это сетевая форма организации. Близкое расположение предприятий и организаций кластера обеспечивает широкие возможности общения, повышает частоту и силу взаимодействия [9–11]. Кроме того, хорошо функционирующие кластеры способствуют формированию мультипликативных связей между индивидуалами, фирмами и организациями, обеспечивают совершенствование производственных процессов. Взаимосвязи в кластере существуют достаточно устойчиво, постепенно смещаются, при этом часто расширяются на родственные отрасли. Функционирование кластера предоставляет благоприятные условия для развития целой сети специализированных производств, прежде всего обслуживающего и поддерживающего характера.

В настоящее время кластерный подход становится одним из приоритетных инструментов промышленной политики. Его применение соответствует мировым тенденциям развития экономики, приоритетности сотрудничества бизнеса и власти, вовлечению деятельности промышленных предприятий в инновационное развитие региона. Получаемый синергетический эффект от создания кластера заключается не только в повышении эффективности его работы в целом, по сравнению с эффективностью отдельных участников, обеспечивающей повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции, но и во взаимном усилении конкурентных позиций как отраслевого производства, так и территории его базирования.

Литература

1. *Портер М.* Конкуренция. М.; СПб.; Киев, 2000. 495 с.
2. *Иваночкина Т.А.* О возможности существования хаотических режимов в обобщенной модели делового цикла, учитывающей влияние экономической среды // Наука, техника и высшее образование: проблемы и тенденции развития : сб. науч. тр. Ростов н/Д., 2006. Вып. 2. С. 146–147.
3. *Иваночкина Т.А., Авласенко Л.М., Авласенко И.В.* Хаотическое поведение в обобщенной модели делового цикла, учитывающей влияние экономической среды // Деп. в ИНИОН РАН № 60387 от 20.09.2007.
4. *Иваночкина Т.А.* Использование принципа наименьшего действия для анализа эволюции нелинейных экономических систем // Вісн. Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. 2010. № 1 (143), ч. 1. С. 142–144.

5. *Занг В.Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М., 1999. 335 с.

6. *Марков Л.С.* Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск, 2015. 300 с.

7. *Sparrow C.* The Lorenz Equations: Bifurcations, Chaos, and Strange Attractors. Berlin; Heidelberg; New York, 1982. XII, 269 S.

8. *Олемской А.И., Кацнельсон А.А.* Синергетика конденсированной среды. М., 2003. 336 с.

9. *Иваночкина Т.А.* Синергетическая природа региональных кластеров // Наука, техника и высшее образование: проблемы и тенденции развития : сб. науч. тр. Ростов н/Д., 2012. Вып. 5. С. 140–143.

10. *Лаврикова Ю.Г.* Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона. Екатеринбург, 2008. 232 с.

11. *Димитров В.П., Борисова Л.В., Жмайлов Б.Б.* Введение в системный анализ : учеб. пособие. Ростов н/Д., 2010. 86 с.

References

1. *Porter M.* *Konkurentsyya* [Competition]. Moscow; Saint Petersburg; Kiev, 2000, 495 p.
2. *Ivanochkina T.A.* [On the Possibility of the Existence of Chaotic Regimes in Generalized Model of Business Cycle, Taking into Account the Impact of the Economic Environment]. *Nauka, tekhnika i vysshee obrazovanie: problemy i tendentsii razvitiya* [Science, Technology and Higher Education: Problems and Development Trends]. Col. scienc. works. Rostov-on-Don, 2006, vol. 2, pp. 146-147.
3. *Ivanochkina T.A., Avlasenko L.M., Avlasenko I.V.* *Khaoticheskoe povedenie v obobshchennoi modeli delovogo tsikla, uchityvayushchei vliyaniye ekonomicheskoi sredy* [Chaotic Behavior in Generalized Model of the Business Cycle, Taking into Account the Impact of Economic Environment]. Deposit, INION RAN, No. 60387, 20.09.2007.
4. *Ivanochkina T.A.* Ispol'zovanie printsipa naimen'shego deistviya dlya analiza evolyutsii nelineinykh ekonomicheskikh sistem [Using the Principle of Minimum Action for Non-linear Analysis of Economic Systems Evolution]. *Bicn. Skhidnoukrains'kogo natsional'nogo universitetu imeni Volodimira Dalya*. 2010, No. 1 (143), pp. 142-144.
5. *Zang V.B.* *Sinergeticheskaya ekonomika. Vremya i peremeny v nelineinoi ekonomicheskoi teorii* [Synergetic Economics. Time and Changes in the Non-linear Economic Theory]. Moscow, 1999, 335 p.

6. Markov L.S. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy klasterного podkhoda* [Theoretical and Methodological Basis of Cluster Approach]. Novosibirsk, 2015, 300 p.
7. Sparrow C. *The Lorenz Equations: Bifurcations, Chaos, and Strange Attractors*. Berlin; Heidelberg; New York, 1982, XII, 269 S.
8. Olemskoi A.I., Katsnel'son A.A. *Sinergetika kondensirovannoi sredy* [Synergetics of Condensed Environment]. Moscow, 2003, 336 p.
9. Ivanochkina T.A. [Synergistic Nature of Regional Clusters]. *Nauka, tekhnika i vysshee obrazovanie: problemy i tendentsii razvitiya* [Science, Technology and Higher Education: Problems and Development Trends]. Col. scienc. works. Rostov-on-Don, 2012, vol. 5, pp. 140-143.
10. Lavrikova Yu.G. *Klastery: strategiya formirovaniya i razvitiya v ekonomicheskom prostranstve regiona* [Clusters: Strategy of Formation and Development in the Economic Space of the Region]. Ekaterinburg, 2008, 232 p.
11. Dimitrov V.P., Borisova L.V., Zhmailov B.B. *Vvedenie v sistemnyi analiz* [Introduction to System Analysis]. Textbook. Rostov-on-Don, 2010, 86 p.

Поступила в редакцию / Received

12 января 2017 г. / January 12, 2017

УДК 657.1

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-77-84

ПЕРСПЕКТИВЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА АКТИВОВ В КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2017 г. Т.В. Макаренко

PROSPECTIVE OF ASSETS MANAGEMENT ACCOUNTING STANDARDIZATION IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS

T.V. Makarenko

Макаренко Татьяна Валерьевна –
Ростовский государственный экономический университет,
аспирант,
кафедра бухгалтерского учета,
ул.Б. Садовая, 69, г.Ростов-на-Дону, 344007, Россия.

Tatyana V. Makarenko –
Rostov State University of Economics,
Postgraduate,
Department of Accounting,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344007, Russia.

Предмет исследования. Рассматривается взаимосвязь отдельных производственно-управленческих процессов с деятельностью топ-менеджеров, ответственных за контроль процессов.

Методы исследования. Оценка влияния каждого руководителя на результативность его управления является важным фактором, позволяющим оптимизировать затраты и усилить эффективность бизнеса. В связи с этим особую актуальность приобретает потребность в расширении возможностей системного учета с целью получения учётной информации о затратах, отражающих взаимосвязь доли полученной прибыли с действиями конкретных топ-менеджеров. Предлагаемый нами подход помогает определить зависимость финансового результата от управленческих действий конкретного менеджера в отношении операций с основными средствами, нематериальными активами организации и материально-производственными запасами.

Результаты и область их применения. Системный многовекторный бухгалтерский учет активов позволяет в условиях взаимосвязи двух факторов учета, а именно «результативность + ответственность», организовать информативную модель управления финансовым результатом организации.

Ключевые слова: управленческий учёт, маржинализм, эффективность бизнес-процессов, учёт активов, расширение учётных приёмов, центры ответственности, взаимосвязь результативности и ответственности.

Subject of study. The interrelation of separate production and management processes with the activity of top managers responsible for process control is considered.

Methods of research. The assessment of every manager's influence on his performance productivity is an important factor that helps optimize expenses and increase the business efficiency. Therefore the need for system accounting tools enhancement becomes relevant, as accounting information on expenses gives opportunity to assess the interconnection between the profits share and the actions of particular senior-level executives. The author suggests a new approach that helps estimate the dependence of financial result on a manager's activity in relation to fixed assets, intangible assets, and inventories.

Results and scope of their application. Systemic multi-vector asset accounting allows, in conditions of interrelation of two accounting factors, “efficiency + responsibility”, to organize an informative model for managing the financial result of an organization.

Keywords: management accounting, marginalism, business process efficiency, assets accounting, accounting tools enhancement, responsibility centers, productivity and responsibility interconnection.

Смена экономических эпох в современном мире основана на постиндустриальном характере общественного развития, когда в центре экономического пространства оказывается человеческий фактор. В менеджменте организации это сопровождается перемещением интереса к результатам управления конкретного топ-менеджера в рамках его зоны ответственности. Такой интерес обязывает выделить в менеджменте организации фактор взаимосвязи

отдельных производственно-управленческих процессов с топ-менеджерами, ответственными за контроль этих процессов.

Оценка влияния каждого руководителя на результативность его управления связана со стремлением к усилению эффективности бизнеса и оптимизации затрат. Типичность такого стремления соответствует принципам маржинализма в сфере управления. Маржинализм сегодня представлен

отдельным направлением в экономической науке [1–6], в рамках которого признается существование принципа предельной полезности того или иного явления. Доказательство принципа полезности возлагается на различного рода инструменты, в том числе и на приемы учета. Именно они способны отражать предельную полезность экономической информации в части ее влияния на финансовые результаты субъекта хозяйствования.

Классический бухгалтерский учет сегодня ориентирован на взаимосвязь неодоушевленных экономических показателей, результат которых имеет прямое или косвенное влияние на прибыль. Например, учет взаимосвязи выручки и текущих затрат на производство, или взаимосвязи отложенных затрат с продажами в будущем периоде и аналогичные учетные взаимосвязи. В такой конфигурации классического бухгалтерского учета не прослеживается влияние человеческого фактора на принимаемые решения в системном учете. Отсюда возникает дефицит учетной информации о затратах, позволяющих оценить взаимосвязь доли полученной прибыли с действиями конкретных топ-менеджеров. Решение таких проблем может быть перенесено в область управленческого учета, интерес к которому сегодня не вызывает сомнений, поскольку «процесс управления затратами представляет собой часть общего управления экономикой предприятия» [7, с. 18].

При этом управленческий учет уже долгие годы является объектом научных и практических изысканий. Видные ученые-экономисты [8–11] во многом способствовали раскрытию его приемов и способов, характеризуя управленческий учет как системное продолжение приемов и способов бухгалтерского учета. Исследованы критерии выбора объектов учета и группировки затрат в управленческом учете, перспективные методы расчета себестоимости объектов управленческого учета, взаимосвязь приемов учета и бюджетирования и др. В целом исследования направлены на детализацию издержек во взаимосвязи с объектами управленческого учета при формировании себестоимости этих объектов. Однако менее всего исследованы приемы соотношения активов «на входе» в организацию (когда активы еще не прошли стадию списания на расходы) с тем объектом, который влияет на целесообразность приобретения этих активов по стоимости и моменту приобретения. Активы на стадии их приобретения не расцениваются как объекты управленческого учета, хотя внимание к денежным потокам, направлен-

ным на приобретение активов, является пристальным объектом бухгалтерского учета и экономического анализа.

Таким образом, системный финансовый учет и сложившиеся приемы управленческого учета в отношении расходов организации «обслуживают» процесс формирования финансового результата, подчиняясь регламенту учетной политики в этом направлении. Тем не менее ряд управленческих действий не обеспечен должной информативностью, в результате чего «структура бухгалтерского учета становится сдерживающим и экономически неоправданным для бизнеса фактором. Возникли серьезные сущностные и терминологические проблемы, связанные с новыми качественными характеристиками понятий: активы, пассивы, капитал, резервы, доходы, расходы (новые свойства, тенденции, закономерности)» [12, с. 48].

На фоне этого возникает потребность в расширении возможностей системного учета в результате одного события (хозяйственной операции), когда информация через корреспонденцию счетов характеризует не только формальную логику события, но и его зависимость от конкретной ответственности менеджера. А это уже является объектом интереса управленческого учета, новый подход к которому позволит по особому толковать результат учета в зависимости от ответственности конкретного топ-менеджера за ту или иную операцию с активами организации. Речь идет об активах, которые являются предметом таких положений по бухгалтерскому учету (ПБУ), как ПБУ 5/01 «Учет материально-производственных запасов», ПБУ 6/01 «Учет основных средств», ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов» и ПБУ 24/2011 «Учет затрат на освоение природных ресурсов» (в части внеоборотных активов).

Новые акценты в расширении управленческих возможностей системного учета в отношении активов можно реализовать интенсивным путем. Вариант интенсивного пути развития учета строится на том условии, что каждая операция с активами одновременно позволяет определить зону ответственности того топ-менеджера, который способствовал появлению обязательств в момент приобретения актива. Системный учет по факторам ответственности «в нагрузку» к хозяйственной операции по приобретению активов является сутью интенсивного пути развития методик многовекторного управленческого учета. Стоит отметить, что экстенсивный путь развития учета основан на увеличении количества расшифровок к показателям синтетического учета с

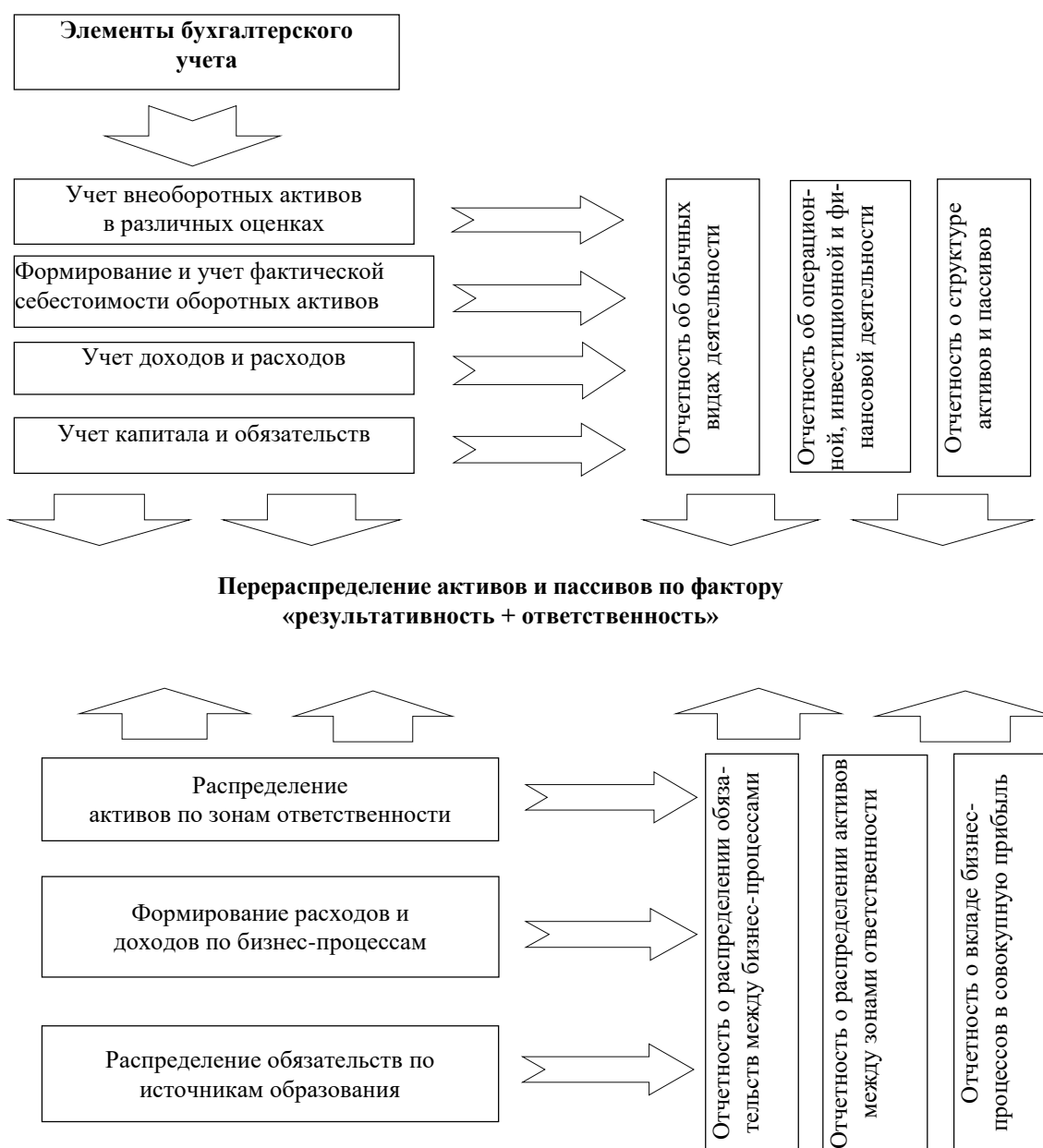

целью получения различной управленческой информации, что делает управление эпизодическим, а не системным явлением.

В условиях, когда «центры принятия решений и ресурсы не разделены» [13, с. 82], методика управленческого учета активов организации ориентирована на взаимосвязь двух факторов в учете, а именно, «результативность + ответственность». Ответственность целесообразно избрать обязательным аналитическим признаком при отражении в учете операций с активами, а также по аналогии с обязательствами организации. Центр ответственности вводится как объект системного

управленческого учета и приравнивается к соответствующему бизнес-процессу.

В рамках процессного управления «бизнес-процесс является основным объектом управления, и поэтому появляется так называемый владелец бизнес-процесса – должностное лицо, управляющее ходом выполнения бизнес-процесса, имеющее в распоряжении все необходимые для этого ресурсы и полностью отвечающее за эффективность бизнес-процесса» [14, с. 39]. Взаимосвязь центра ответственности (или бизнес-процесса) с каждой хозяйственной операцией с активами в дальнейшем позволит установить влияние ответственности на результативность бизнеса в целом (рисунок).

Взаимосвязь методики финансового и управленческого учета / Relationship of techniques of financial and management accounting

На примере учета основных средств автор раскрывает воздействие дополнительного приема управленческого учета на контроль своевременности приобретения внеоборотных активов.

Использование приемов управленческого учета в отношении основных средств заключается в учете стоимости амортизации активов во взаимосвязи с ответственностью за такую амортизацию, в течение которого активы не используются в производстве после того как признаны годными к эксплуатации на основании формы № ОС-1 «Акт о приеме-передаче объекта основных средств». В момент принятия средства на склад в учете регистрируется не только актив с привязкой его амортизации к балансовому счету и конкретному инвентарному номеру, но и привязкой внеоборотного актива к тому центру ответственности, топ-менеджер которого несет ответственность за инициативу приобретения актива.

Интерес к такому приему контроля амортизации обусловлен тем, что в учете амортизация по неиспользуемым в производстве активам списывается на сч. 91 «Прочие расходы», тем самым напрямую уменьшая прибыль отчетного периода и скрывая ответственность менеджеров за пассивное использование внеоборотных активов и за потерю прибыли. Только после передачи средства в эксплуатацию начинается фаза активного его использования и амортизация попадает в зону ответственности производственного бизнес-процесса.

Двухвекторный учет основного средства по сути делает возможным прием контроля капитализации активов, поскольку позволит в бухгалтерском учете отразить пассивную амортизацию в виде прочих расходов, а в управленческом учете, что более важно в сфере менеджмента, ту же пассивную амортизацию отразить в разрезе центров ответственности. В результате устанавливается адресность за уменьшение операционной прибыли и создается основа для оценки функциональных качеств топ-менеджеров, допустивших простой активов.

Кроме того, контроль эффективности использования основного средства можно оценить по уровню несамортизированной части на момент списания средства. Предложенный подход к учету основных средств позволит соотнести потери в виде несамортизированной части актива при его списании с баланса предприятия с тем центром ответственности, который был «держателем» внеоборотного актива. При этом несамортизированная стоимость в бухгалтерском учете также обезличено списывается на прочие расходы (сч. 91).

Приемы управленческого учета основных средств с целью обеспечения фактора «результативность + ответственность» представлены в табл. 1.

Условный пример использования приемов управленческого учета в отношении основного средства в виде технологического электронного оборудования приведен в табл. 2.

Таблица 1

Расширение приемов бухгалтерского учета основных средств для целей управленческого учета / Expansion of accounting methods of fixed assets for the purposes of management accounting techniques

Событие бухгалтерского учета	Методический прием бухгалтерского учета	Событие управленческого учета	Методический прием управленческого учета	Цель приема управленческого учета
Приобретение основного средства	Учет основного средства по месту нахождения	Контроль целесообразности приобретения основных средств	Учет основных средств по центрам ответственности	Оценка уровня капитализации активов в разрезе бизнес-процессов
Начисление амортизации	Учет амортизации по группам основных средств	Контроль своевременности приобретения	Учет временной амортизации до момента эксплуатации в разрезе центров ответственности	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов
Списание основного средства	Расчет и списание несамортизированной части основного средства на сч. 91	Контроль эффективности использования	Учет несамортизированной части основного средства по центрам ответственности	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов

Таблица 2

Условный пример учета операции с основными средствами в бухгалтерском и управленческом учете/ Conventional example of accounting operations with fixed assets in general accounting and management accounting

Учетное событие	Бухгалтерский учет		Управленческий учет		
	Счет учета актива	Аналитический признак	Аналитический признак 1	Аналитический признак 2	Аналитический признак 3
Принятие актива к учету в январе 2016 г. (по форме № ОС-1)	Дт сч. 01 «Основные средства»	Группа основных средств	Бизнес-процесс: производство	Центр ответственности: заместитель директора по производству	Место нахождения актива: цех № 5
Расчет амортизации (февраль – август 2016 г.)	Дт сч. 91 «Прочие расходы»	Элемент затрат: амортизация	Бизнес-процесс: управление кадрами и обучением персонала	Центр ответственности: начальник отдела кадров	Место начисления экономических потерь
Расчет амортизации (с сентября 2016 г.)	Дт сч. 25 «Общепроизводственные расходы»	Статья затрат: амортизация	Бизнес-процесс: производство	Центр ответственности: заместитель директора по производству	Место начисления оправданных расходов: цех № 5
Инструменты учета					
Учетная политика	Рабочий план счетов	Справочник основных средств	Справочник бизнес-процессов	Справочник центров ответственности	Справочник мест возникновения затрат

Целесообразность приобретения актива документально обоснована главным инженером организации. С момента приобретения оборудования (январь 2016 г.) до момента начала его эксплуатации (сентябрь 2016 г.) оборудование было пригодно для использования по назначению. Однако причиной задержки в его эксплуатации стала отсрочка начальника отдела кадров в организации работ по обучению инженерного персонала правилам пользования электронным оборудованием (заключение договора, формирование графика обучения и пр.).

Таким образом, фактор ответственности, введенный в систему управленческого учета, позволит учесть все события с основными средствами в разрезе центров ответственности и оценить их влияние на массу прибыли (фактор результативности).

Аналогичный подход в управленческом учете основных средств может быть трансформирован в отношении нематериальных активов. Пример такой трансформации на основе фактора «результативность + ответственность» также направлен на контроль трансформации стоимости активов после принятия их на баланс организации. При этом бухгалтерский учет осуществляется на основе приемов ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов» (табл. 3).

Наконец, тот же фактор «результативность + ответственность» может быть использован в методике управленческого учета в отношении материально-производственных запасов с целью оценки своевременности их приобретения для конкретных бизнес-процессов и оценки эффективности использования на местах потребления.

Проблемы организации контроля эффективности использования материальных запасов всегда были в центре внимания научных исследований [15–18]. Однако не в меньшей степени актуальны приемы контроля целесообразности приобретения материалов в тот или иной период времени. Тем не менее этому приему не уделяется должное внимание. Изменению ситуации будет способствовать введение приемов управленческого учета в отношении материально-производственных запасов (табл. 4).

Предлагаемый подход основан на использовании в учете МПЗ дополнительных учетных признаков: присвоение в момент получения материала предельного времени его хранения на складе. Для этих целей необходима материальная спецификация, включающая все виды материалов, сырья, полуфабрикатов, необходимых для производства продукции.

Таблица 3

Расширение приемов бухгалтерского учета нематериальных активов для целей управленческого учета / Expansion of the accounting methods of intangible assets for the purposes of management accounting techniques

Событие бухгалтерского учета	Методический прием бухгалтерского учета	Событие управленческого учета	Методический прием управленческого учета	Цель приема управленческого учета
Приобретение нематериального актива	Учет нематериальных активов по месту использования	Контроль целесообразности приобретения нематериальных активов	Учет нематериальных активов в разрезе центров ответственности	Оценка уровня капитализации нематериальных активов в разрезе бизнес-процессов
Начисление амортизации	Учет амортизации по группам нематериальных активов и балансовым счетам	Контроль своевременности приобретения нематериальных активов	Учет временной амортизации до момента использования по назначению в разрезе центров ответственности	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов
Списание нематериальных активов	Расчет и списание несамортизированной части нематериальных активов на сч. 91	Контроль эффективности использования нематериальных активов	Учет несамортизированной части нематериальных активов в разрезе центров ответственности	Оценка уровня потерь операционной прибыли в разрезе бизнес-процессов

Таблица 4

Расширение приемов бухгалтерского учета материально-производственных запасов для целей управленческого учета / Expansion of accounting methods of inventories for management accounting purposes

Событие бухгалтерского учета	Методический прием бухгалтерского учета	Событие управленческого учета	Методический прием управленческого учета	Цель приема управленческого учета
Формирование остатка МПЗ на балансе организации	Методика расчета остатка МПЗ по месту хранения	Контроль целесообразности приобретения	Распределение в учете остатка МПЗ по центрам ответственности	Оценка своевременности приобретения МПЗ для конкретных бизнес-процессов
Расходование МПЗ	Учет МПЗ по элементам затрат и балансовым счетам	Контроль эффективности использования МПЗ	Учет расходования МПЗ по центрам ответственности и местам формирования затрат	Оценка эффективности использования МПЗ на местах потребления

Во взаимосвязи с технологией производства, формируется график поставки МПЗ по времени и объему поставок, исходя, например, из 7 дней хранения на складе, или 14 дней, или 30 дней и т.д. При получении материалов на склад они заносятся в ту или иную временную нишу хранения. В случае превышения предельного срока хранения в программном обеспечении осуществляется пере-

вод остатков материалов в разряд «невыпущенных МПЗ». Временной интервал используется в качестве самостоятельного учетного признака.

Предложенный подход позволяет выявить центр ответственности за сверхнормативные остатки материалов на складе. В результате учет остатков материальных запасов по времени хранения и центрам ответственности позволяет оценить

объем отвлечений оборотных активов на сверхлимитные складские остатки в организации. Особо значим этот прием для материалоемких технологичных производств.

Таким образом, системный многовекторный бухгалтерский учет активов позволяет в условиях взаимосвязи двух факторов учета, а именно «результативность + ответственность», организовать информативную модель управления финансовым результатом организации.

Литература

1. *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // *THESIS*. 1994. Т. II, вып. 4.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
3. *Мизес Л.* О некоторых распространенных заблуждениях по поводу предмета и метода экономической науки // *THESIS*. 1994. Т. II, вып. 4.
4. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *THESIS*. 1993. Т. I, вып. 1.
5. *Самуэльсон П.* Принцип максимализации в экономическом анализе // *THESIS*. 1993. Т. I, вып. 1.
6. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Т. II, вып. 4.
7. *Курилова А.А.* Формирование системы финансового планирования на предприятиях // *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 36 (243). С. 18–26.
8. *Врублевский Н.Д.* Бухгалтерский управленческий учет : учебник. М., 2005. 400 с.
9. *Ивашкевич В.Б.* Бухгалтерский управленческий учет : учебник для вузов. М., 2003. 618 с.
10. *Керимов В.Э.* Бухгалтерский управленческий учет : учебник. 5-е изд., изм. и доп. М., 2009. 477 с.
11. *Шеремет А.Д.* Управленческий учет. М., 2000. 434 с.
12. *Палий В.Ф.* Актуальные вопросы теории бухгалтерского учета // *Бухгалтерский учет*. 2005. № 3. С. 45–49.
13. *Межов И.С.* Кто станет локомотивом инноваций – государство или корпорации? // *ЭКО*. 2011. № 1. С. 72–82.
14. *Харитонов Г.Г.* Процессный подход в управленческом учете и бюджетировании // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 3 (258). С. 39–42.
15. *Альхамов О.Ф.* Управленческий учет как инструмент управления торговым предприятием // *Международный бухгалтерский учет*. 2007. № 9.

16. *Белобжецкий И.А., Белобородова В.А., Дьячков М.Ф.* [и др.]. Анализ хозяйственной деятельности : учебник / под ред. В.А. Белобородовой; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. 352 с.

17. *Липицу Н.В., Юрченко А.А.* Эффективность использования оборотного капитала в организациях и направления ее повышения // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 3 (258). С. 28–33.

18. *Мирзоева А.Н., Шогинова М.Х.* Оценка экономической эффективности комплексного использования сырья // *Экономический анализ: теория и практика*. 2013. № 33 (336). С. 51–60.

References

1. *Alle M.* *Sovremennaya ekonomicheskaya nauka i fakty* [Modern Economics and Facts]. *THESIS*. 1994, vol. II, iss. 4.
2. *Blaug M.* *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Thought in Retrospective]. Moscow, 1994.
3. *Mizes L.* *O nekotorykh rasprostranennykh zabluzhdeniyakh po povodu predmeta i metoda ekonomicheskoi nauki* [On Some Common Misconceptions Concerning the Subject and Method of Economics]. *THESIS*. 1994, vol. II, iss. 4.
4. *Robbins L.* *Predmet ekonomicheskoi nauki* [The Subject-matter of Economics]. *THESIS*. 1993, vol. 1, iss. 1.
5. *Samuel'son P.* *Printsip maksimalizatsii v ekonomicheskom analize* [Maximization Principle in Economic Analysis]. *THESIS*. 1993, vol. I, iss. 1.
6. *Fridmen M.* *Metodologiya pozitivnoi ekonomicheskoi nauki* [Positive Economics Methodology]. *THESIS*. 1994, vol. II, iss. 4.
7. *Kurilova A.A.* *Formirovanie sistemy finansovogo planirovaniya na predpriyatiyakh* [Financial Planning System Development at Enterprises]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2011, No. 36 (243), pp. 18-26.
8. *Vrublevskii N.D.* *Bukhgalterskii upravlencheskii uchet* [Management Accounting]. textbook. Moscow, 2005, 400 p.
9. *Ivashkevich V.B.* *Bukhgalterskii upravlencheskii uchet* [Management Accounting]. Textbook for universities. Moscow, 2003, 618 p.
10. *Kerimov V.E.* *Bukhgalterskii upravlencheskii uchet* [Management Accounting]. Textbook. 5th issue, revised and edited. Moscow, 2009, 477 p.
11. *Sheremet A.D.* *Upravlencheskii uchet* [Management Accounting]. Moscow, 2000, 434 p.
12. *Paliy V.F.* *Aktual'nye voprosy teorii bukhgalter'skogo ucheta* [Accounting Theory Issue of Current Importance]. *Bukhgalterskii uchet*. 2005, No. 3, pp. 45-49.

13. Mezhov I.S. Kto stanet lokomotivom innovatsii - gosudarstvo ili korporatsii? [Who will Become the Driving Force of Innovations - the Government or Corporations?]. *EKO*. 2011, No. 1, pp. 72-82.

14. Kharitonova G.G. Protsessnyi podkhod v upravlencheskom uchete i byudzhetrovani [Process Approach in Management Accounting and Budgeting]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2012, No. 3 (258), pp. 39-42.

15. Al'khamov O.F. Upravlencheskii uchet kak instrument upravleniya torgovym predpriyatiem [Management Accounting as a Tool for Administering of Trade Enterprise]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*. 2007, No. 9.

16. Belobzhetskii I.A., Beloborodova V.A., D'yachkov M.F. [i dr.]. *Analiz khozyaistvennoi deyatel'nosti*

[Business Activity Analysis]. Textbook. Ed. by V.A. Beloborodova. 2nd issue, revised and edited. Moscow, 1985, 352 p.

17. Lipchiu N.V., Yurchenko A.A. Effektivnost' ispol'zovaniya oborotnogo kapitala v organizatsiyakh i napravleniya ee povysheniya [The Efficiency of Working Capital Usage in Companies and Ways to Increase It]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2012, No. 3 (258), pp. 28-33.

18. Mirzoeva A.N., Shoginova M.Kh. Otsenka ekonomicheskoi effektivnosti kompleksnogo ispol'zovaniya syr'ya [Economic Efficiency Assessment of Raw Materials Integrated Use]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2013, No. 33 (336), pp. 51-60.

Поступила в редакцию / Received

7 декабря 2016 г. / December 7, 2016

ЛЮДИ ЭПОХИ PERSONS OF THE ERA

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-85-93

Ю.А. Жданов как историк* (навстречу 100-летию со дня рождения)

Юрий Андреевич Жданов был, по признанию всех, кто его знал, не только выдающимся химиком и философом, но и глубоким мыслителем энциклопедического типа. Его познания были настолько широки и основательны, что позволяли ему оценивать и лично развивать в той или иной степени концепции практически во многих науках, причем как естественных, так и гуманитарных, в том числе исторических. Сама уникальная биография крупного ученого, политического деятеля, руководителя советской науки в центре страны и в Северо-Кавказском регионе, наконец, сына одного из ведущих членов Политбюро ЦК ВКП(б) в 1940-х гг. А.А. Жданова, зятя партийного вождя И.В. Сталина была составной частью истории СССР как минимум второй половины XX века [1–3]. Его мемуарная книга «Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца» [4] представляет собой автобиографию человека, жизнь которого переплеталась с жизнью огромного количества самых замечательных соотечественников. Эта книга уникальна благодаря позиции автора, который старался ни абсолютизировать прошлое, ни отрекаться от него, а сумел откровенно осветить многие противоречивые и сложные вопросы истории науки, подойдя к ним конкретно-исторически. От себя добавим, что, конечно, на его работе лежит печать ушедшего времени, это не только «взгляд в прошлое», но в известной мере «взгляд из прошлого». В том и состоит ее уникальная особенность. На наш взгляд, Юрий Андреевич имел «историческое» право на свое собственное мнение по любому вопросу.

Организационный вклад Ю. Жданова в развитие исторической науки в Ростовском университете достаточно подробно освещен в статье В.В. Черноуса и В.Ф. Патраковой [5]. В ней показана роль Ю.А. Жданова на постах ректора РГУ (1957–1988) и Председателя Совета СКНЦ ВШ (1969–2006) в развитии исторических наук и образования, в становлении исторического регионоведения, организации и координации НИР на Северном Кавказе. Однако несколько в тени осталась содержательная сторона его «исторического» творчества. Не претендуя на всесторонний анализ его теоретического наследия с исторической точки зрения (а он писал и об истории философии, истории культуры, истории науки и т.д.), мы отметим и охарактеризуем только некоторые его подходы к Истории Мира и Отечества.

Одним из опорных пунктов в освещении и оценке исторических проблем является концепция революционного демократизма как одного из источников прогресса в целом и формирования феномена большевизма в частности. Эта идея восходит к его интерпретации античной истории. Образ и сущность античного человека – одна из тем, которая неоднократно обсуждалась Ю. А. Ждановым [6]. Обращение к древнегреческой истории философии было чрезвычайно характерной чертой творчества Ю.А. Жданова. Например, выражениями «прометеев подвиг», «прометеево начало», «прометеев огонь», «прометеева трагедия» буквально пронизаны многие работы этого мыслителя. М.Ю. Келигов считает, что образ Прометея привлек к себе Ю.А. Жданова, так как в нем заключен ключ к объяснению некоторых моментов творческих исканий ученого и, в особенности, к пониманию его мировоззренческих и ценностных ориентаций [7].

На античном материале Ю.А. Жданов разработал альтернативную героике Прометея концепцию «комплекса Эрисихтона» [8] – печальной участи любого социума, основанного на антагонистической и паразитической парадигме. Эрисихтон, согласно греческой мифологии сын фессалийского царя, вырубает священную рощу Деметры, невзирая на предупреждение богини. За это Деметра наказывает Эрисихтона чувством неутолимого голода. У Эрисихтона была дочь, обладавшая способностью принимать разные обличья, что позволило ему многократно продавать ее, а вырученные деньги проедать. Так продолжалось до тех пор, пока Эрисихтон не начинает поедать собственное тело. В заключительной части статьи Жданов отошел от любимого им эзопова языка и достаточно прямо выразил свою главную идею. «Люди на всей

* В статье представлены фрагменты книги: *Кислицын С.А.* Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «В вечных скитаниях, вечных борениях...». М., 2012. 216 с.

Земле утратили чувство безопасности, поскольку атомная угроза сомкнулась с волной террора повсеместного и беспощадного. Это значит, порочна основа общественного бытия, и никаким рок-звездам не заглушить нарастающего грохота взрывов, никакими кока-колами не отмыть потоков льющейся крови, никакими “сникерсами” и “блендамедами” не замазать зияющих трещин, раскалывающих мир. Богиня голода празднует ныне непрерывную тризну, унося ежегодно миллионы жизней – и, в первую очередь, детей. Всеохватывающая система финансового капитала высасывает из человечества не цифры на дисплеях, не зеленые бумажки или золотые кругляшки, а горячую человеческую кровь, которая омывает клеточки мышц и мозга работающего организма. Именно она составляет субстанцию стоимости, оседающую в швейцарских, парижских, лондонских банках, в Международном валютном фонде и питающую паразитический класс, народы-рантье. Вот теперь роковой комплекс Эрисихтона завершен. Чудес не бывает: на заре формирования общества классовых антагонизмов гениальная интуиция греков уловила их коренные черты и фундаментальные характеристики – разрыв с освященными традицией нравственными, духовными ценностями народа, разлад с природой, насилие над человеком, хищническое потребительство, продажа всех и вся, наконец, самоотчуждение, вплоть до самопожирания, самоозлобления и самоуничтожения». В этих условиях тем не менее формировалась и созидаящая, утверждающая культура, творчески преобразующая прометеяво начало человека. Но всему наступает конец: «...производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами». Своей гениальной интуицией греки увидели эту перспективу и отразили ее в форме мифа, смысл которого где-то затеряли. Ныне этот смысл теоретически осознан. Роковой комплекс Эрисихтона должен быть преодолен. Здесь не помогут песнопения о постиндустриальном или информационном обществе [9]. Ю.А. Жданов считает, что будущее американской цивилизации бизнеса в немалой степени зависит от рокового характера присущего ей комплекса Эрисихтона. Современная Америка представляет собой воплощение фактически мифа. Самопожирание Америки проявляется в фантастически разросшемся комплексе преступлений, наркомании, аморализма, манипуляций человеком и других опасных для общества и личности явлений.

Выход заключен в смене исторического основания бытия общества. Должны быть изжиты в свое время необходимые и прогрессивные, но ныне исчерпавшие себя формы отчуждения человека от человека, а тем самым и самоотчуждения. Разумный совместный труд, научное познание мира, стремление к прекрасному призваны стать основой для торжества иных заложенных в человеке начал: прометеява духа, сотрудничества, взаимной поддержки, радости свободного общения, тождества личного и общего интересов. Лишь на этом пути, в темных глубинах мироздания мерцает творческая космическая эволюция человека.

По мнению Ю.А. Жданова, революционный дух Прометея в историческом процессе сочетается с народно-освободительным демократическим движением. Он обращал внимание, в частности, на воздействие передовой русской культуры и революционного движения, слияние судеб народов Северного Кавказа и российского рабочего движения в ходе борьбы за освобождение от социального и национального гнета. В 1998 г. вышли первые (и, к сожалению, последние) два тома «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней». В предисловии к первому тому он подчеркивал, что в истории Северного Кавказа происходил процесс взаимовлияния культур населения региона и всех остальных народов России. Познание Кавказа внесло новую струю в освободительные стремления сосланных декабристов, произвело неизгладимое впечатление на великих русских писателей, выдающихся русских революционных демократов, украинского поэта Т.Г. Шевченко. В целом это содействовало постановке крупных теоретических проблем, стимулировало освободительное движение, обогащало интернациональные связи [10]. Эта идейная линия вела дальше – к пролетарским революционерам, к национальной программе В.И. Ленина, к союзу рабочего класса с национально-освободительным движением. Тот факт, что Северный Кавказ в годы Гражданской войны признавали «русской Вандеей», не означал отказа от традиций взаимодействия российской революционной демократии и национально-освободительного движения. Важнейшим событием в этом плане стало создание в 1920 г. Горской Автономной Советской республики, а затем после ее распада образование автономных областей и республик в составе РСФСР. Это был выбор революционной демократии в пользу перехода народов региона к социализму минуя капитализм. На этом пути не все получилось, возникли очень сложные проблемы, но в целом обозначилось неуклонное развитие Северо-Кавказского региона на революционно-демократической основе к будущему социализму.

Естественно, что Ю.А. Жданов не мог обойти такую проблему, как выселение некоторых кавказских народов в годы Великой Отечественной войны. Он писал: «Я помню 1941 год, когда немцы уже были под

Рязанью, правительство в Куйбышеве, а рядом республика немцев Поволжья, и разбираться, кто там прав, кто виноват, времени и сил никаких нет. И поэтому было принято решение о выселении немцев из республики Поволжья. Можно было согласиться как с Черчиллем, так и с Рузвельтом, но как с временной мерой. Хотя бы, когда началось наше наступление, надо было бы немцев уже и вернуть, после победы, по крайней мере. Что касается вайнахов и других кавказских народов, здесь другая конкретно-историческая ситуация. 1944 год: наши войска на Дунае, нужно ли было в этих условиях принимать такое решение? Я глубоко сомневаюсь. Наши войска на Дунае, и вдруг за пять тысяч километров от Болгарии принимается решение. Здесь другие истоки, и я их вижу в великодержавном шовинизме единичных представителей отдельных народов, в частности, горячо любимого мною грузинского народа. Куда отошли территории? К Грузии. Только хотели же провести границу по Кубани, включив и Майкоп, до Краснодара. Здесь сказались великодержавные шовинистические настроения отдельных руководителей. Истина конкретна, и рассматривать нужно ситуацию, как всегда, конкретно-исторически. Это мы должны знать» [11].

Много суждений Ю.А. Жданова было посвящено казачеству. Он считал, что казачество Дона и Северного Кавказа исторически является выразителем идей революционно-демократического характера. Он отмечал, что сословный элемент в идентичности казачества носил временный, преходящий характер, и стал проявлять себя лишь на более позднем этапе формирования казачества, до XVIII в. он практически отсутствовал и оформился позже. Исторически сословный момент всегда преодолевался в ходе общественного развития. В этом нет ничего специфически российского; сословное деление во всем мире обречено исторически. Оно почти повсеместно пало в Европе под влиянием Великой французской революции, вообще отсутствовало в истории США. В то же время преодоление сословности ни в коей мере не может задеть историко-культурного своеобразия казачьего субэтноса, культурных и передовых исторических традиций. Жданов считал, что революционно-демократические традиции казачества в первую очередь связаны с мятежными казачье-крестьянскими движениями Болотникова, Разина, Пугачева и др. Казаки Ермак, Дежнев сыграли выдающуюся роль в освоении новых территорий Российского государства, совершив свой исторический маршрут даже в глубины Северной Америки. Ю.А. Жданов подчеркивал, что в любом народе, в любом этносе замысловато переплетаются самые разнообразные исторические, социальные и культурные традиции. Встречаются среди них прогрессивные, жизнеутверждающие, творческие, бывают и иные: архаические, консервативные, темные. Их соотношение и взаимные влияния по-разному могут оцениваться разными исследователями. Ю.А. Жданов приводит слова Г.В. Плеханова, который, оценивая выступления казачества против царистского гнета, писал, что «...недовольные элементы бежали в степь, где хозяйственная жизнь по необходимости являлась еще гораздо более отсталой, нежели в центральных местностях Московского государства. У нас казачество явилось чем-то вроде клапана, предохраняющего старый порядок от взрыва. Протест казаков был исторически бесплоден, и, в конце концов, они превратились в орудие угнетения той самой народной массы, из которой они когда-то вышли, и которая величала их “добрыми молодцами”, любясь их удалыми подвигами как выражением своего собственного протеста» [12, с. 105].

Социальные бури и трагедии, пронесшиеся над страной, сложно отразились на истории казаков, нередко ломая быт и судьбы. Но бессмертен патриотический вклад казачьих войск в общегосударственное дело защиты Отечества. Ю.А. Жданов подчеркивал, что в 1936 г. были сформированы кавалерийские казачьи соединения, завоевавшие себе боевую славу в годы Великой Отечественной войны под командованием генералов Доватора, Плиева, Кириченко, Белова, Селиванова. Судьбы казачества, его духовное богатство и своеобразный менталитет обрели эпическое воплощение в творчестве Шолохова, в книгах Серафимовича, Крюкова, Ставиского, Калинина, Закруткина. Новочеркасск стал одним из центров по разработке космических программ. Древний Азов славится уже не только «азовским сидением», но и монтажом аппаратов для космических кораблей. Вывод Ю.А. Жданова: культурно-исторические, патриотические и демократические традиции казачества могут быть развиты в новых условиях.

Юрий Андреевич был убежден в том, что исторический опыт России и СССР должен быть использован, осмыслен, учтен, развит. Вот его суждение по этому поводу. «Гегель говорил, что Мировой дух посещает нацию единожды. Вспомним античную Грецию. Какой потрясающий расцвет! Софокл и Еврипид, Сократ и Сапфо, Пифагор и Евклид! Но за последующие годы не было ни одного Нобелевского лауреата грека. А Рим?! А нынешняя Франция?! Семнадцатый-восемнадцатый века – кладезь имен! Век Просвещения – век Великой Франции. Век двадцатый? Ни одного мало-мальски важного сражения Франция не выиграла. В конце XIX – начале XX века проиграла все сражения Германии, за месяц проиграла войну Гитлеру, в пятидесятые годы века XX отдала Алжир! Я материалист, но что-то в теории Гегеля верно» [3].

Посещал ли Россию в советский период «мировой дух»? Сталинский СССР одержал величайшую Победу в 1945 г. над фашизмом и подверг репрессиям тысячи граждан до и после нее. Юрий Андреевич не оправдывал террора периода культа личности И.В.Сталина, но он был всегда за то, чтобы в истории присутствовала вся полнота правды. Он критиковал известный роман А. Рыбакова «Дети Арбата» за неточности и отмечал, что если писатель доподлинно не знает о том, что происходило в конкретном месте, при конкретных обстоятельствах, то он вряд ли имеет право описывать события с точки зрения своей фантазии. Он писал, что одно дело, когда Алексей Толстой описывает петровскую эпоху, другое – события, до которых можно рукой дотянуться. Юрий Андреевич был их свидетелем. Несмотря на то, что он был человеком советской эпохи и захватил большой период постсоветского времени, у него не было чувства особой ностальгии по прошлому. Он считал, что надо помнить обо всех трагедиях и неприятностях, подвигах и свершениях, но двигаться дальше по пути созидания. Не случайно одной из его любимых поговорок была: «Нельзя двигаться вперед с головой, повернутой назад» [13].

Об исторической судьбе социализма и распаде СССР Ю.А. Жданов размышлял следующим образом. «В глубинном философском плане здесь возникает вопрос о преодолении всех форм отчуждения – как в судьбах всего человечества, так и в судьбах общества, ставшего на путь строительства социализма. В одночасье отчужденные формы не преодолеваются, отсюда – возможность их реставрации. Вспомним, какие рычаги использовал фашизм для реставрации самых реакционных взглядов. В книге, посвященной Й. Геббельсу, главному идеологу фашизма, Е. Бранштедт, Г. Френкель и Р. Манвелл приводят следующую мысль главного пропагандиста Гитлера: «Если мы хотим добиться успеха для нашей партии, то мы должны снова разбудить в массах их самые примитивные инстинкты. Среди них: жадность, корысть, положительное отношение к насилию и господству». Эти эмоции и стремления стали стимулами для реставрации капитализма в России. Ю.А. Жданов считал, что события августа 1991 г., ознаменовали собой перемены такого всемирно-исторического значения, всю глубину которого еще предстоит оценить. Он солидаризировался с оценкой Президента В.В. Путина, который сформулировал ее в Послании Федеральному Собранию 25 апреля 2005 г.: «Прежде всего, следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века». Правда, Ю.А. Жданов уточнял, что это крушение не просто разрушило мировую систему социализма, а вернуло экономику страны к частной собственности и социальной эксплуатации.

Автору этой статьи довелось неоднократно встречаться с Ю.А. Ждановым. В процессе подготовки кандидатской диссертации под руководством Э.Д. Осколковой мною была написана для учрежденного Ю.А. Ждановым журнала «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки» статья по проблеме историографии внутрипартийной борьбы в конце 1920-х гг. В ней было несколько критических суждений в адрес И.В. Сталина и его политики в отношении лидера так называемого «правого уклona» Н.И. Бухарина. Ю.А. Жданов остановил публикацию статьи, сказав главному редактору Е.Н. Осколкову: «Не трожьте Иосифа Виссарионовича». Мне как молодому автору это было и непонятно, и крайне обидно, но тем не менее пришлось радикально переработать статью. Однако со временем я понял, что Ю.А. Жданов имел в виду не столько мои упреки в адрес И.В. Сталина, сколько упрощенное и весьма личностное толкование содержания внутрипартийной борьбы. Позиция Ю.А. Жданова в развернутом виде мне стала известна много позже. Вот как она выглядит в его воспоминаниях.

Опыт истории говорит о сложности и многообразии судеб политических партий. Ленин считал величайшей бедой и опасностью для Европы отсутствие в ней революционной партии. Он с горечью отмечал, что «во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка отъявленных мерзавцев, самой грязной, продавшей капиталистам сволочи», и предупреждал против превращения партии в «поганое стойло карьеристов». Ю.А. Жданов писал, что при этом он опирался на традицию «революционного идеализма русского пролетариата». Именно эти требования, по мнению Ю.А. Жданова, И.В. Сталин слил в единый образ: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»; «Наша партия полна революционных традиций и свободна от фетишистского отношения к своим лидерам»; «Масса не может уважать партию, если партия бросает руководство, если она перестает руководить. Массы сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ищут твердого руководства». При этом должна быть проявлена «максимальная чуткость к запросам масс», «чуткость и еще раз чуткость». Вместе с тем Сталин с тревогой обсуждал вопрос об опасности внутреннего перерождения партии. Выступая 9 июня 1925 г. в Свердловском

университете, он отмечал наряду с другими моментами опасность падения партийного руководства и связанную с этим возможность превращения партии в придаток государственного аппарата. В статье «О правой опасности» (1928 г.) Сталин писал: «Существуют ли у нас, в нашей Советской стране, условия, делающие возможным восстановление (реставрацию) капитализма? Да, существуют» – и относил к ним товарное производство, мелкое производство города и особенно деревни, которые влияют на партию. Ю.А. Жданов далее подчеркивал, что партия представляет собой живой развивающийся организм, поэтому, по словам Энгельса, «может развиваться только во внутренней борьбе в полном соответствии с законами диалектического развития вообще». При этом приходится считаться со стремлением карьеристов втереться в правящую партию. Не избежать так же того, что «всюду, где существуют партии и их борьба, существуют также ренегаты и перебежчики», – отмечал Плеханов... Все эти явления отражают то обстоятельство, что унаследованные от тысячелетий формы отчуждения не ликвидируются за один час после революции. Их поддерживает и факт капиталистического окружения, господства в мировом масштабе финансового капитала, товарно-денежных отношений. Ю.А. Жданов обращал внимание на выражение Энгельса, что закон пролетарского движения, видимо, к сожалению, таков, что повсюду часть вождей рабочих неизбежно развращается [4, с. 225–226].

В дальнейшем автору этих строк приходилось общаться с Ю.А. Ждановым в связи с выходом в свет своей брошюры «Шахтинское дело» и особенно в связи с подготовкой защиты в 1994 г. докторской диссертации по теме «Большевицкая политическая элита в 1920–1930 гг.». Он советовал снизить остроту и резкость антисталинских суждений. Одним их центральных положений данной диссертации было утверждение, что во второй половине 1930-х гг. произошло перерождение большевицкой партии. Ю.А. Жданов был с этим не вполне согласен, так как, по его мнению, партия продолжала нормально функционировать и после репрессий 1937 г., имея в виду, конечно же, И.В. Сталина, своего отца А.А. Жданова, ряд других деятелей, а также комплекс соответствующих идеологем. Он категорически не был согласен с тезисом о деятельности И.В. Сталина в качестве агента царской охранки, который я тогда разделял, и надо признать, в этом он оказался прав. В последнее время вышли научные исследования, доказавшие, что И.В. Сталин вел сложную тайную игру с царской охранкой во имя революции: имитировал сотрудничество с охранкой, при этом подкупал полицейских чиновников, совершал с их помощью побеги из ссылки, осуществлял экспроприации банков и т.п. Повод для таких обвинений был несомненный, но сама реальность была в целом принципиально иной. Конечно, с точки зрения некоторой части интеллигенции все это можно обрисовать одной черной краской, хотя, как говорится, тут «две больших разницы».

Характеризуя взгляды Ю.А. Жданова на советскую историю, нельзя не заметить, что его противоречивая позиция в отношении И.В. Сталина и сталинизма носила не только личный характер. Ю.А. Жданов категорически не соглашался с тезисом о фактическом уничтожении в ходе репрессий основной части большевицкой элиты. Но количественный анализ состава коммунистической элиты и анализ качества сталинских доктрин показывал, что произошла деградация и элиты, и большевизма-ленинизма. Одно только уничтожение виднейшего партийного теоретика Н.И. Бухарина и всей «бухаринской школы молодых профессоров» нанесло страшный и непоправимый удар по интеллектуальному потенциалу большевизма.

Но Ю.А. Жданов считал Н.И. Бухарина и Л.Д. Троцкого оппортунистами, а своего отца А.А. Жданова и ряд других деятелей партии из окружения И.В. Сталина – выразителями идей исторического «революционного демократизма». По мнению Юрия Андреевича, А.А. Жданов относился именно к революционно-демократическому крылу российской интеллигенции, к разночинцам в самом добром смысле. «Отсюда его неприязнь к эстетству, салонному стилю, аристократизму, декадансу и модернизму». В личных беседах с автором этих строк Юрий Андреевич с упоением рассказывал, как А.А. Жданов боролся с «ежовщиной» и поэтому надорвал свое сердце, как Л.П. Берия лично инициировал и самостоятельно провел выселение народов Северного Кавказа и т.д. Мне довелось несколько раз дискутировать с Ю.А. Ждановым на эту тему. Такие беседы иной раз заканчивались заметным охлаждением отношений. Помню такой характерный эпизод. В ходе обмена мнениями со мною Ю.А. Жданов вспомнил, как И.В. Сталин стал упрекать авторов истории Гражданской войны в том, что они не поместили в первом томе издания фотографии Л.Д. Троцкого, который играл в тот период одну из первых ролей в большевицком руководстве. По мнению Ю.А. Жданова, это свидетельствовало об объективности И.В. Сталина. Автор этих строк посмел возразить ему, сказав, что это была игра на публику, т. е. на присутствовавших историков, более того, если

бы они это вдруг сделали, их бы всех немедленно расстреляли. Услышав это мнение, Ю.А. Жданов помрачнел и выпроводил меня из своего кабинета. Но я понимал, что имею дело с выдающимся ученым и политиком, у которого есть моральное право на особое мнение об И.В. Сталине, и быстро отошел от обиды. Юрий Андреевич, вероятно, понимал, что в моих словах есть известное рациональное зерно, но он не мог прямо согласиться с прямолинейным критиком И.В. Сталина, однако впоследствии продолжил принимать меня для бесед. Ю.А. Жданов был необыкновенно внимателен к чувствам и настроениям самых различных представителей интеллигенции.

Своеобразие позиции Ю.А. Жданова по вопросу о месте и роли интеллигенции в истории блестяще отражена в письме Д. Гранину по поводу его книги «Зубр». Напомним, что этот писатель весьма апологетически описывает судьбу видного русского ученого-генетика Тимофеева-Ресовского, который провел все годы Великой Отечественной войны в гитлеровском Берлине. Ю.А. Жданов в связи с романом, оправдывающим такой выбор, написал письмо-эссе, представляющее значительный интерес. В силу этого обстоятельства воспроизведем основные тезисы автора:

«Ваша работа, многие выступления современных писателей и публицистов вновь возвращают мысль к судьбам российской интеллигенции, к излюбленному романтическому треугольнику: народ – интеллигенция – власть. Не вдаваясь в дебри этого древнего адюльтера, все же хочу привлечь Ваше внимание к основным, объективно фиксируемым этапам его развития. Пишу не аналитическую статью, а личное письмо, посему прошу простить краткость аргументации. Первым поколением российской интеллигенции, которое обратилось к народу, постучалось к нему в дверь, были декабристы – дворянские и военные интеллигенты. Стучите, и откроется вам. Ничто не открылось. Лучшие люди России погибли на эшафоте и в ссылке. Второе поколение российской демократической интеллигенции действовало словом и бомбой, пытаясь разбудить народ. Увы, жатва была более чем скудной. О результате Ленин еще в 1901 г. писал: “Лучшие представители образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов” (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 395). Как отлично понимаете, интеллигенция всегда была внутренне неоднородна, тем не менее отмеченные два этапа характеризуют черты ее наиболее активной, деятельной части. К сожалению, с конца прошлого века интеллигенция во все большей массе стала отражать не интересы народа, а интересы богатых и сытых. И когда настало время революционному народу постучать в двери интеллигенции, они оказались закрыты. Этот процесс имел три этапа. Первый этап. После поражения революции 1905 года основная (не вся, конечно) часть интеллигенции покинула народ. “Я сжег все, чему поклонялся” – сожгли призывы и иллюзии, традиции и революционные идеи. Ударились в измы, мистику, религиозные искания. Оставили народ в беде. Конечно, была горстка и иных интеллигентов, но не они делали погоду. Наступила социалистическая революция. Наступила в стране, где уровень культуры был крайне низким, где господствовала патриархальщина, полудикость, самая настоящая дикость, где приходилось варварство искоренять варварскими методами, где надо было учить русского дикаря не полунуке, а всей науке; где на первом этапе необходимо было достичь уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы...

Все эти задачи можно было решить лишь с помощью российской интеллигенции. Народ постучался к ней в двери. Что он услышал в ответ? Главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создававшиеся трудности. Начался саботаж – саботаж учителей, финансовых работников, государственных служащих, инженеров железных дорог. Начался всеобщий саботаж интеллигенции. Конечно, с Лениным была яркая, но небольшая группа подвижников-интеллигентов: Луначарский и Красин, Кржижановский и Чичерин, Стасова и Штернберг, Тимирязев и Маяковский. Мощь их была велика, но нужны были специалисты на каждом заводе, в каждом уезде, в каждой школе. Пришлось без интеллигенции начинать восстановление разрушенного хозяйства. Вот итог: «рабочий класс показал, что он умеет без интеллигенции и без капиталистов организовать промышленность. Но это был лишь второй удар интеллигенции по народу. Третий принесла гражданская война: сотни тысяч агрономов, инженеров, учителей в белогвардейских мундирах покинули свой народ, свою страну. И это были не обычные тысячи. Среди них Куприн и Бунин, Шаляпин и Рахманинов, М. Чехов и Павлов, Коровин и Бенуа, Чичибабин и Ипатьев, Ростовцев и Г. Вернадский и множество иных ярчайших имен. Пусть тут были личные трагедии, пусть кое-кто возвращался, но основной итог: интеллигенция в основной своей массе решила обезглавить свой народ. Нет, я не впадаю в позу кающегося интеллигента, нет, это не иеремиада, не инвектива против интеллигенции. Были интеллигенты другой

судьбы, иных решений; были постепенно переходившие на сторону народа. Но в тот драматический период, когда нужно было взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее достроить социализм, нужно взять всю науку, технику, все знания и искусство – те, кто умел это делать, – бежали...

Революция совершалась в нашей стране при трех неблагоприятных обстоятельствах: низкий уровень развития производительных сил; низкий уровень культуры; низкий уровень политического самосознания, самодеятельности, демократических традиций масс. Все это переключивало и во все сферы аппарата власти. Интеллигенция должна была с самого начала идти вместе с народом, не покидать его в трудную годину, с первых же дней революции изживать вместе с народом унаследованные недостатки развития. И вот моя гипотеза, абстрактная: в этих условиях формировался бы иной общественный климат, иные методы борьбы с остатками прошлого. Иным было бы отношение к науке, к ученым, к способам решения научных споров. Махаевское отношение к интеллигенции, мнительность и подозрительное отношение к ней со стороны полуграмотных непролетарских и полупролетарских слоев не проникло бы выше. Не было бы трагедии Н.И. Вавилова и многих иных. Как знать! Подлинный российский интеллигент должен в первую очередь думать о судьбе народа, а не о своей личной судьбе. Так было с Радищевым и Пестелем, Чернышевским и Перовской, с интеллигентами-ленинцами. И сейчас интеллигенции надо бы думать в первую очередь не о своих обидах и самолюбиях, не о выгораживании “своих”, а о народе, его судьбе, его духе и заботах».

Ю.А. Жданов считал, что исторической заслугой передовой российской интеллигенции являлось то, что ни на одном этапе борьбы, ни при каких поворотах истории она не дала оборваться ариадниной нити великой идейной традиции. Эта традиция от Радищева и Пушкина, Чернышевского и Сеченова продолжается к нашим дням, когда сформировалась социалистическая интеллигенция нового мира. Она гордится такими именами, как Королев и Келдыш, Вернадский и Павлов, Феокистов и Севастьянов, Мравинский и Рихтер, Шолохов и А. Толстой, Кабалевский и Леонов, Товстоногов и Гончар, Образцов и Уланова, Капица и Александров, Эрнесакс и Амбарцумян... Интеллигент – отнюдь не «одиноким носителем культуры», как уныло изображают буржуазные идеологи, а участник широкого, исторического по своему охвату процесса роста культуры, осуществляемого во все более крепнущем и едином строю деятелей культуры [14, 15].

Таким образом, настоящий российский интеллигент, по Жданову, – обязательно патриот своей Родины. Чувство Родины – великое и святое чувство, а потому – «нет прощения демагогам, которые заимствовали у буржуазных политологов и публицистов бессодержательные клише и штампы о наличии у нас унитарного государства, об “империи зла”. Можно только сожалеть о политических деятелях, спекулирующих на узколобых лозунгах суверенитета. Они ничем не отличаются от своих средневековых предков, удельных князей, живших по принципу: “Как бы мне дожидаться честь на Путивле князем сесть, пожил бы я всласть, ведь на то и власть”. Мещане и обыватели не могут вместить в свои мозги идею Маркса и Ленина: мы сторонники централизованных государств. Государств, свободных от затхлого партикуляризма и обывательского провинциализма. Только такие государства творят историю, ибо они соответствуют ноосферному идеалу». Ю.А. Жданов считал, что Советский Союз как такое централизованное и в то же время интернациональное многосоставное государство отвечало в значительной мере этому идеалу.

Свою политическую и научную позицию в наиболее открытом виде Ю.А. Жданов выразил в цикле статей в журнале украинских коммунистов «Марксизм и современность» [16, 17]. После государственного переворота 2014 г. этот журнал прекратил существование, как и все коммунистические организации и журналы на Украине: КПУ, ПСПУ (Н. Витренко), ВКПБ-Украина, Рабочая Партия Украины (марксистско-ленинская), Партия Коммунистов (большевиков) Украины. Зная негативное отношение Ю.А. Жданова к национализму и антикоммунизму, можно с уверенностью утверждать, что он резко и гневно осудил бы экстремистский переворот на Украине.

Одним из последних заметных действий Ю.А. Жданова в области исторической науки было его одобрение концепции цикла учебников «История Донского края», подготовленного издательством «Донской Издательский Дом». Эти учебные пособия с грифом «под общей редакцией Ю.А. Жданова» уже выдержали три издания и стали важным компонентом регионального исторического образования [18].

В данных заметках отражены только некоторые штрихи исторического мировоззрения Ю.А. Жданова, которое само по себе нуждается в комплексном изучении и осмыслении. Надеемся, что когда-нибудь это произойдет.

Литература

1. Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти : 3-е изд. М., 2012.
2. Кислицын С.А., Степаненко Н.А. Юрий Жданов. Ученый, Политик, Гражданин: материалы к биографии. Ростов н/Д., 2011.
3. Кислицын С.А. Юрий Жданов. Рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «В вечных скитаниях, вечных борениях...» М., 2012. 216 с.
4. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д., 2004. 448 с.
5. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском университете // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 10–17.
6. Драч Г.В. Триумф и трагедия античного разума // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.
7. Келигов М.Ю. Дух Прометея живет на Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2009. № 3.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 638.
9. Жданов Ю.А. Роковой комплекс Эрисихтона // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2. С. 4.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. Т. 1. С. 12–13.
11. О выселении народов – зять Сталина: Нагорный Карабах – крутой узел солнечного сплетения Евразии. URL: http://www.hayasala.com/news/zjat_stalina_nagornyj_karabakh_krutoj_uzel_solnechnogo_splatenija_evrazii/2011-02-10-75 (дата обращения: 29.09.2012).
12. Плеханов Г.В. Соч. в 24 т. М., 1925. Т. 20.
13. Нить Ариадны // Наше время. 2009. № 272–274. 21 авг.
14. Жданов Ю.А. Интеллектом быть не просто // За советскую науку. 1984. 18 июня.
15. Жданов Ю.А. Светлые мысли. Четкие идеи / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2009. С. 271–272.
16. Жданов Ю.А. Политическая прозорливость // Марксизм и современность. 2003. № 1–2.
17. Жданов Ю. Без теории нам смерть! Смерть!! Смерть!!! URL: <http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/bez-teorii-nam-smert-smert-smert.html> (дата обращения: 20.01.2013).
18. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Донского края (XX – начало XXI века) / под общ. ред. Ю.А. Жданова. 3-е изд. Ростов н/Д., 2017.

References

1. Kislitsyn S. A. *Nauchnaya elita v sisteme politicheskoi vlasti* [Scientific Elite in the System of Political Power]. 3rd ed. Moscow, 2012.
2. Kislitsyn S.A., Stepanenko N.A. *Yurii Zhdanov. Uchenyi, Politik, Grazhdanin* [Yuriy Zhdanov. Scientist, Politician, Citizen]. Materials to biography. Rostov-on-Don, 2011.
3. Kislitsyn S.A. *Yurii Zhdanov. Ryadom so Stalinym, Sholokhovym, Il'enkovym... «V vechnykh skitaniyakh, vechnykh boreniyakh...»* [Yuriy Zhdanov. Close to Stalin, Sholokhov, Ilenkov... “In Eternal Wanderings, Eternal Struggles...”]. Moscow, 2012. 216 p.
4. Zhdanov Yu.A. *Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtza* [Look to the Past. Eyewitness Recollections]. Rostov-on-Don, 2004, 448 p.
5. Patrakova V.F., Chernous V.V. Yu.A. Zhdanov i razvitie istoricheskoi nauki v Rostovskom universitete [Yu.A. Zhdanov and Development of Historical Science in Rostov University]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2010, No. 1, pp. 10-17.
6. Drach G.V. *Triumf i tragediya antichnogo razuma* [Triumph and Tragedy of the Ancient Mind]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1999, No. 3.
7. Keligov M.Yu. *Dukh Prometeya zhivet na Kavkaze* [Prometheus Spirit Lives in Caiucasus]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2009, No. 3.
8. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. Ed. by E.M. Meletinskii. Moscow, 1991, p. 638.
9. Zhdanov Yu.A. *Rokovoi kompleks Erisikhтона* [Fatal Complex of Erysichthon]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 1997, No. 2, p. 4.
10. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of the Peoples of the North Caucasus from Ancient Times to the End of the Eighteenth Century]. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 12-13.

11. *O vyselenii narodov – zyat' Stalina: Nagornyi Karabakh – krutoi uzel solnechnogo spleteniya Evrazii* [About Eviction of Peoples - Son-in-law of Stalin: Nagorny Karabakh - Steep Junction of Eurasia Solar Plexus]. Available at: http://www.hayasala.com/news/zjat_stalina_nagornyj_karabakh_krutoj_uzel_solnechnogo_spletenija_evrazii/2011-02-10-75 (accessed 29.09.2012).
12. Plekhanov G.V. *Works*. Moscow, 1925, vol. 20.
13. Nit' Ariadny [Ariadne's Thread]. *Nashe vremya*. 2009, No. 272-274, Aug. 21.
14. Zhdanov Yu.A. Intelligentom byt' ne prosto [It's not Easy to be an Intellectual]. *Za sovetskuyu nauku*. 1984, June 18.
15. Zhdanov Yu.A. *Svetlye mysli. Chetkie idei* [Bright Thoughts. Clear Ideas]. Ed. Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don, 2009, pp. 271-272.
16. Zhdanov Yu.A. Politicheskaya prozorlivost' [Political Perspicacity]. *Marksizm i sovremennost'*. 2003, No. 1-2.
17. Zhdanov Yu.A. *Bez teorii nam Smert'! Smert'!! Smert'!!!* [Without Theory We Won't Survive!!!]. Available at: <http://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/bez-teorii-nam-smert-smert-smert.html> (accessed 20.01.2013).
18. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Istoriya Donskogo kraja (XX – nachalo XXI veka)* [History of Don Region (20 - beginning of 21 century)]. Ed. by Yu.A. Zhdanov. 3rd edition. Rostov-on-Don, 2017.

С.А. Кислицын,
профессор, заместитель заведующего
кафедрой политологии и этнополитики
Южно-Российского института управления
РАНХиГС при Президенте РФ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-94-95

Алексей Алексеевич Аникеев – ученый, педагог, организатор (к 75-летию со дня рождения)

Алексей Алексеевич Аникеев родился 18 апреля 1942 г. в с. Тугулук Ставропольского края. Его жизнь тесно связана с развитием исторической науки и образования на Дону, Ставрополье и Северном Кавказе. С 1972 по 1982 г. он работал доцентом, деканом историко-английского факультета Ростовского педагогического института, куда был направлен после окончания аспирантуры кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Здесь он прошел школу выдающегося ученого-энциклопедиста академика А.Л. Нарочницкого (1907–1989 гг.).

В качестве темы научных исследований А.А. Аникееву была рекомендована аграрная история нацистской Германии, по которой в 1972 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1981 г. – докторскую. Диссертации и опубликованные затем в издательстве Ростовского госуниверситета монографии основаны на широкой источниковой базе, почерпнутой автором в советских и немецких архивах.

После защиты докторской диссертации А.А. Аникеев вернулся в альма-матер – Ставропольский госуниверситет (ныне Северо-Кавказский федеральный госуниверситет), где требовались специалисты по всеобщей истории. Вскоре он создал новое научное направление, а затем и научно-педагогическую школу по зарубежной истории. С конца 80 – начала 90-х гг. совместно с учеными Института Всеобщей истории РАН Алексей Алексеевич активно внедряет новые методологические подходы в исторической науке и образовании: цивилизационный, историко-антропологический и др.

Как декан факультета и заведующий кафедрой всеобщей истории А.А. Аникеев сумел мобилизовать коллег на внедрение многоуровневой системы подготовки выпускников. С 1993 по 2014 г. магистратуру окончили 430 магистров истории, из них вскоре 100 человек защитили кандидатские и 10 – докторские диссертации. Только под научным руководством Алексея Алексеевича было подготовлено 36 кандидатов и 7 докторов наук.

Автор 350 научных и учебно-методических публикаций, научный редактор или составитель 50 учебников или учебных пособий, А.А. Аникеев обладает обширными познаниями в различных областях исторической науки: зарубежной и отечественной истории, методологии, историографии и источниковедении. Им были опубликованы три учебных пособия: «Проблемы методологии истории. Курс лекций» (1995 г.), «Методология классической историографии» (2005 г.) и «Методология неоклассической историографии» (2007 г.).

А.А. Аникеев смело берется за решение тех проблем, которые ставит жизнь: военная история, реабилитация нацизма, противодействие терроризму и др. В итоге под его научным руководством было защищено три докторских и несколько кандидатских диссертаций, издано пять монографий и почти 150 научных статей. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) была опубликована книга «Битва за Кавказ в исследованиях, документах и фотоматериалах», подготовленная с участием С.В. Януша, С.И. Линца, А.Ю. Безугольного.

Впервые в отечественной историографии А.А. Аникеев в соавторстве с Г.И. Кольгой, Н.Е. Пуховской (ЮФУ) опубликовал крупную работу: «НСДАП в политической системе Третьего рейха» (Сарбрюкен, 2011, ФРГ), раскрывающую роль партии рабочих в формировании политического режима, в создании вермахта, политику НСДАП в области культуры, ее внешнеполитический курс и деятельность в годы Второй мировой войны.

Он – тактичный педагог, обладающий огромной эрудицией. Как отметила магистрантка Е. Толстых, «лекции Алексея Алексеевича запоминаются благодаря его преподавательскому таланту и доступности изложения материала. На семинарских занятиях он требователен, но всегда готов оказать помощь студентам при написании статей, аннотаций, курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. Энергичный преподаватель, продуктивный ученый ожидает от коллег и студентов такого же отношения к делу».

Ученики и коллеги поздравляют А.А. Аникеева, заслуженного профессора СКФУ, с юбилеем и желают оптимизма и успехов во всех его начинаниях.

*Е.А. Паламарчук,
доктор исторических наук, профессор
Института бизнеса и права Южного федерального университета*

*С.В. Януш,
доктор исторических наук, профессор
Ставропольского аграрного университета*

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Редколлегия и редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» горячо поздравляют членов редколлегии с юбилеем и желают им здоровья, счастья, творческих успехов, оптимизма, долгих-долгих лет жизни на благо просвещения, которому они служат:

с 75-летием Геннадия Владимировича Драча, доктора философских наук, профессора ЮФУ, почетного работника высшего профессионального образования (2000), заслуженного работника высшей школы РФ (2002), заслуженного деятеля науки Российской Федерации (2006) и Республики Ингушетия (2006), вице-президента Философского общества РФ, члена научно-методического совета и Президиума УМО по философии, политологии и религиоведению по классическому университетскому образованию при Министерстве образования РФ, председателя диссертационного совета по философским наукам, члена двух диссертационных советов, редколлегии журналов «Социальные и гуманитарные науки», «Вестник РФО», автора более 250 научных работ по истории античной философии, теории и истории культуры на русском, английском, немецком и греческом языках, основателя и руководителя научной школы «Философское антиковедение и теория культуры», получившей известность и признание в России и за рубежом, воспитавшего и подготовившего плеяду специалистов по истории философии и теории и истории культуры;

с 70-летием Вячеслава Сергеевича Савчука, кандидата исторических наук, доцента кафедры зарубежной истории и международных отношений ЮФУ, известного специалиста в области средневековой истории, славяно-германских отношений эпохи средневековья, истории исторической науки Германии и России XIX–XX вв., истории интеллигенции, автора более 50 научных трудов, члена редколлегий сборника «Человек второго плана в истории» и альманаха истории идей «Cogito»;

с 65-летием Вахита Хумидовича Акаева, доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН в Грозном, академика АН Чеченской Республики, признанного специалиста по северокавказскому суфизму, автора многих монографий и более 350 научных работ, под руководством которого защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций, члена редколлегии 11 журналов, включая «Новая восточная политика», Варшава.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-96-97

Черкасов А.В. История мореплавания : учебно-методическое пособие для самостоятельной работы курсантов высших морских учебных заведений. Ялта; Севастополь, 2015. 170 с.

История мореплавания для будущих инженеров морского транспорта играет не только общепросветительно-образовательную, но и в определенной степени роль стимула по углублению и расширению профессиональных знаний. Пособие состоит из двух разделов, библиографии и приложений. Первый раздел «Роль самостоятельной познавательной деятельности в формировании современного специалиста» может рассматриваться как вводно-обосновательный. Второй раздел «Методика изучения дисциплины “История мореплавания” и примеры заданий для выполнения самостоятельной работы» является основной содержательной частью и включает 15 тем.

В приложениях приводится сводная хронологическая таблица выдающихся морских экспедиций, одновременно не прерывается контрольно-методический сюжет; есть обобщающие тесты.

Библиография содержит основные источники и литературу. В ней отражается видение автором в документах и исследованиях орудий познания не только фактографии, но и оттачивания гносеологических маяков. Нет, правда, «инструкции по применению». Но есть жесткие лимиты объема пособия.

В обращении к читателям А.В. Черкасов уточняет, что в основе методического комплекса находятся ключевые принципы изучения мирового процесса становления и развития морского дела: цивилизационный, антропологический, культурологический, формационный, конкретно-исторический, принцип целостности. Встает вопрос о сущностной координации этих исходных правил. Можно предположить, что культурологический подход включает в себя все другие.

А вот интеграция этих ключевых приемов (как методологическая, так и методическая) призвана реализовать решение задач: мировоззренческой, познавательной и воспитательной (с. 3). Мировоззренческая и познавательная проблемы четко не разделены, но важно, что поставлены. В то же время стремление автора сформировать полную ретроспективу мирового мореплавания является, пожалуй, далекой и бесконечной задачей не только учебных эзерсисов, но и научной морской историографии в целом. Он подчеркивает, что издание целесообразно использовать параллельно или после комплексного ознакомления с текстовыми учебниками и (NB! – *В.Д., А.К.*) соответствующими разделами книги – для восприятия материала в более лаконичной и схематичной формах.

Пособие многофункционально: может быть применено также при проверке готовности курсантов к общему зачету по дисциплине (контрольный компонент). Автор предусмотрел, что вопросы могут вызывать определенные методологические (а может быть, и теоретические. – *В.Д., А.К.*) затруднения, либо являются дискуссионными. К ним прилагается ориентировочный вариант ответа или комментарий. Методологически и методически оправдано, что если ответы на предложенные вопросы носят формальный характер, а однозначные ответы на них можно найти в учебной литературе или из интернет-ресурсов, то такие вопросы комментариями не сопровождаются. Автор резюмирует в обращении к читателям: исходя из назначения и задач пособия, ключи к итоговым тестовым вопросам (билетам) не предоставляются (с. 4).

В кратком первом разделе автор выделяет следующие направления (условия) самостоятельной познавательной деятельности: мотивированность учебного издания; четкую постановку задач; алгоритм (метод) выполнения работ; определение форм отчетности и сроков ее сдачи; критерии оценки, а также виды и формы контроля (контрольная работа, тесты, семинар, зачет, экзамен).

Организацию самостоятельной работы А.В. Черкасов периодизирует на следующие этапы: подготовительный, основной, результативный – выбор методов контроля самостоятельной работы студента (с. 6).

Во втором разделе представлен план-график самостоятельной работы курсантов. Он состоит из двух проблемных вертикалей: 1) Тематические блоки в соответствии с программой учебной дисциплины и 2) Индивидуальная самостоятельная работа (ИСП): формы и виды реализации, количество часов.

Предложено 15 тематических блоков. В первом блоке «История мореплавания как научное направление и учебный предмет. Мореплавание у народов Древнего Востока» рецензентам представляется, что проблемно-теоретический сюжет («научное направление и учебный предмет») не следовало соединять с конкретно-историческим вопросом («мореплавание у народов Древнего Востока») – мореплавание – понятие общее. По целевому назначению оно могло быть военным, торговым, промысловым, исследовательско-экспедиционным. Вызывает некоторые сомнения деление автором мореплавания только на торговое и военное, когда у торгового мореплавания он видит и научную задачу (с. 12). У торгового и научного флота – разные целевые установки (хотя в ряде случаев может быть соединение функций).

Автор подразделяет мореплавание по формациям: древневосточное, античное, средневековое; далее он выделяет «великие географические открытия», а затем «развитие мирового мореплавания в XI–XVI веках»; здесь присутствует некоторое дублирование двух последних тематических блоков. Выделен блок о развитии отечественного мореплавания в XVIII в., что видится рецензентам правильным; предусмотрены блоки «Морской флот и торговое мореплавание» в XIX в. и о научно-исследовательских экспедициях во второй половине XIX в. 12-й блок посвящен советскому флоту в годы Великой Отечественной войны, а 13-й – развитию отечественного морского транспорта во второй половине XX – начале XXI в. При многообразии проблем и сюжетов мирового мореплавания важно сосредоточиться на флоте Родины.

Специальный блок, особо значимый для будущих моряков, носит название «Традиции и обычаи мореплавания. К истории понятий, терминов, категорий».

Положительным моментом следует назвать включение в пособие этимологических задач, что не всегда характерно для литературы по историко-морской тематике (с. 13). Интерес автора к лингвистике проявился, в частности, в предложении читателям задачи составить сравнительную таблицу морской терминологии древних эллинов и римлян (с. 20), например: по-варяжски – штурман, по-славянски – кормчий, по-гречески – кибернет.

Включены в пособие выдержки из исторических источников, что более традиционно для учебной литературы по истории.

Продвижение мыслительной деятельности учащихся видится в предложении автора не только правильно выбрать, но и прокомментировать тесты зачётно-экзаменационных вопросов. Дается информация об учебных видеоматериалах.

Но есть и вопрос курсантам, выходящий по содержанию и проблематике за рамки технологии мореплавания: следует ли считать великие географические открытия прогрессивным явлением, если устранение изоляции двух миров сопровождалось уничтожением других государств?

Учебно-методическое пособие А.В. Черкасова органично сочетает в себе глубокую компетенцию в сфере мореплавательской истории, судостроительной технологии со знанием цивилизационных фактов и тенденций всеобщей истории; в пособии применены новейшие (многовидовые) достижения дидактики.

Пособие, несомненно, будет полезно не только будущим морякам, но и всем интересующимся вопросами мировой технологической, цивилизационной и социально-экономической истории.

В.В. Денисов,

*кандидат исторических наук, доцент,
и. о. начальника кафедры истории и философии
Государственного морского университета
им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск*

А.Б. Крючков,

*ведущий инженер лаборатории автоматизации и судовождения
Государственного морского университета
им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск*

Генетика культуры (Культурогенез и культурное наследие : материалы III и IV Российского культурологического конгресса / сост. А.В. Бондарев. М.; СПб., 2014. 639 с.)

В рецензируемой работе рассматриваются фундаментальные проблемы культурогенеза, решение которых столь необходимо современному человечеству не только для реконструкции прошлого, но и прогнозирования будущего. Состав сборника отличает многоаспектность представленных материалов: от теоретико-методологических до историко-археологических и политогенеза. Исследования по проблемам культурного наследия не просто дополняют вопросы культурогенеза, но и отражают теоретическую позицию, которая сказалась и в структуре, и содержании издания. В него вошли научные доклады и сообщения, заслушанные на секциях «Генетика культуры и культурное наследие» (III Российский культурологический конгресс) и «Культурогенез и социокультурная динамика: нелинейные процессы в культуре» (IV Российский культурологический конгресс). Обсуждаемая тематика возрождает традиции исследований, проводимых в 1920-х гг. коллективом *секции генетики культуры* при Государственной академии истории материальной культуры, в работе которой принимали участие многие прославленные ученые, в том числе Н.Я. Марр, А.А. Миллер, Н.Н. Павлов-Сильванский, Д.К. Зеленин, И.И. Мещанинов, С.И. Руденко, В.Г. Богораз-Тан, Л.Я. Штернберг, И.А. Орбели, О.М. Фрейденберг и др. Обращение к идеям Э.С. Маркаряна и В.М. Массона, памяти которых и посвящается издание, включающее и ряд их работ.

Книга состоит из восьми разделов. В первом обосновывается обращение к генетике культуры – отечественной научной традиции, прерванной в 20-е гг. XX в. В соответствии с общим замыслом даётся теоретическая обрисовка творчества Э. С. Маркаряна с выходом в проблемы культурогенетики. Характеристика жизненного и научного пути В. М. Массона показывает его причастность к культурогенетическим исследованиям. На наш взгляд, чрезвычайно важен и для понимания творчества учёного, и для культурологии в целом поднимаемый в этом разделе вопрос о его отношении к социальной антропологии, а также характеристика разнообразных граней его научного наследия (докл. А.В. Бондарев, Ю.Е. Берёзкин, С.Ж. Пустовалов, В.С. Бочкарев и Л.Б. Кирчо).

Второй раздел «Генетика культуры: пролегомены» соотносит вопросы «генетики культуры» с основными вопросами генетики как биологической науки о наследственности и изменчивости. Несомненно, центральная проблема – определение особенностей генетики культуры (культурогенетики), поскольку типы наследования биологических и культурных свойств человека – принципиально различны. В статье академика В.С. Стёпина, в которой рассматриваются вопросы изучения программирующих функций культуры и выявления кодирующих программ в человеческой жизнедеятельности, читатель найдёт убедительный ответ на поставленную проблему.

Обращаясь к статье Э.С. Маркаряна, хотелось бы обратить внимание на положение об «адаптивных функциях» культуры, что имеет значение не только для разработки культурологической теории как идеологии самосохранения человечества, но и обнажает базовые вопросы культурогенетики – взаимоотношения человека с природной средой и коэволюции.

В докладе А.-К.И. Забулионите показано, что зарождение генетического подхода к изучению культуры происходило в контексте становления натуралистического историзма, заданного натурфилософскими исканиями И. В. Гёте и получившего развитие в трудах И. Г. Гердера, В. Гумбольдта и др. Материалы А.К. Устина и В. В. Рябухиной весьма к месту помещены в данном разделе и требуют дополнительного обсуждения в контексте генетики культуры.

Третий раздел открывает вторую часть сборника, посвящённую проблемам культурогенеза. Здесь надо оговориться, что составитель и авторы статей различают генетику культуры (культурогенетику) и культурогенез. В отношении понятия «культурогенез» А. В. Бондарев выделяет ряд позиций, которые можно свести к двум: первая – культурогенез как зарождение культуры, культурного комплекса и как их последующее развитие; вторая – культурогенез как перманентный процесс самообновления культуры. Эти два подхода, несмотря на имеющиеся различия, значительно дополняют друг друга, т. е. служат пониманию генетики культуры как в целом, так и в отдельных предметных областях.

В статьях В.М. Массона и В.С. Бочкарева на широчайшем археологическом материале обосновывается пульсирующий характер культуургенеза в пространстве (очаги культуургенеза) и времени (динамика ритмов культуургенеза). Эти две статьи легитимируют обращение к культурной конкретике, в данном случае к археологии, при построении глобальной культуургенетической теории: динамика ритмов культуургенеза рассматривается ими как «пульсирующий нерв» исторического процесса. Такую же оценку можно дать совместной публикации С.А. Боринской, А.В. Коротаева и Д.А. Халтуриной «Мифы и гены: междисциплинарный подход к реконструкции дописьменной истории».

Подробный анализ четвертого раздела «Культуургония и культуургенез: к проблеме зарождения культуры» потребовал бы специального обзора. Авторы придерживаются разных теоретико-методологических позиций, да и исследуют проблемы достаточно разные, имеющие самостоятельное значение. Впрочем, несмотря на сложное название, где фигурируют и «культуургония», и «культуургенез», и «зарождение культуры», раздел имеет целостность. Он многое добавляет в понимание истоков культурного многообразия человечества и осмысление культуры как феномена глобальной эволюции и макроэволюции, сигнификации в ноогенезе и процесса «психосферной медиации» (докл. А.Я. Флиер, Ю.В. Ларин, А.М. Буровский, А.А. Пелипенко, Н.В. Беломестнова, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев). Нет нужды говорить, что каждый из этих вопросов позволяет расширить наши представления о генетике культуры, закономерностях её сохранения, развития и обновления.

Пятый и шестой разделы посвящены проблемам историко-археологической реконструкции (докл. Р.А. Литвиненко, С.Я. Щеброва) и многолинейности траекторий политогенеза и путей образования ранних государств, корреляции этногенетических и политогенетических процессов и т. д. (докл. С.В. Цирель, В.А. Попов, В.В. Бочаров).

В седьмом разделе мы возвращаемся к фундаментальным проблемам культуургенеза как междисциплинарным темам научных исследований. Собственно говоря, здесь содержится ответ на ряд поставленных ранее вопросов о сути культуургенетики. В этой связи рассмотрен достаточно широкий круг вопросов теоретического и конкретно-исторического характера, открываемых вопросом о креативности в динамике культуры, посвящённых сопряжению этногенеза и культуургенеза, традиций и инноваций, соотношению культуры и искусства, культуры устной и письменной, характеристике культуры личности. Такого рода культурные факторы выступают важнейшими механизмами культуургенеза (докл. Л.Ф. Косенчук, А.С. Сараев, Л.В. Санжеева, О.Ю. Зозуля, А.С. Степанова, Б.Н. Попов).

В публикациях восьмого раздела «Напластования культурного наследия в процессах культуургенеза» феномен культурного наследия проанализирован с разных сторон и теоретико-методологических позиций. Общее, на наш взгляд, состоит в том, что культурное наследие рассматривается и как суммарный итог развития культуургенеза, и в то же время как предпосылка процессов формообразования культуры. В статье И. В. Кондакова сделан теоретически, а во многом и практически важный поворот от линейного подхода при изучении культурного наследия и истории его формирования к архитектурному, показана многомерность, противоречивость и иерархичность в сложной организации культурного наследия; при этом отмечено, что одни и те же его феномены могут принадлежать то одному уровню обобщения, то другому – последовательно или параллельно, а то одновременно – всем. Пласты культурного наследия участвуют в культуургенезе в процессе наложения, напластования друг на друга, что и сохраняет значение культуры как хранилища и своеобразной лестницы смыслов как своего рода отложения макроритмов процессов культуургенеза на микроуровне. Нет необходимости говорить, каким многообразным в этом случае становится мир, как легитимируется в нём присутствие прошлого (в его фундаментальных ценностях и парадигматических основаниях).

Обращение к «феноменологии наследия» позволило В.И. Ионесову обосновать новую версию взаимоотношения традиций и инноваций в современной культуре. Л.М. Мосолова поднимает целый ряд важнейших вопросов, без обращения к которым изучение и освоение мирового культурного наследия сегодня невозможно. Речь идёт о контексте культуургенетических процессов, которым выступает глобализация. В публикациях Т.Н. Арцыбашевой и Н.П. Ледовских, Л.В. Дмитриевой и С.А. Тихомирова раскрываются культуургенетические аспекты эволюции ментальных структур религиозного сознания и соответственно конкретизируется вопрос о сохранении культурного наследия России на примере музеев-заповедников. Раздел завершается анализом тенденций и проблем в процессах обновления современной культуры Кыргызстана (докл. А.К. Абубакирова).

В заключении подводятся итоги предпринятой работы. Можно отметить, что на пути обобщающего исследования культурогенетики и культурного наследования авторов и составителя тома А.В. Бондарева ожидала удача. Они выдвинули на первое место изучение культурогенеза как процесса «перманентного порождения и самовозобновления культуры». В итоге – целостное и многостороннее осмысление культуры. Культура – это не состояние и не одноразовый акт её воспроизводства. Воспроизводится вся система; по отдельным её элементам (вот почему так важно обращение к культурному наследию) можно судить о системе. В таком контексте становится понятным значение вопросов о культуре как способе хранения, трансляции и обновления социального опыта, о социокоде и типологии культуры. В обобщающем положении работы говорится: «Исследование проблем динамики и генетики культуры – важная и актуальная область культурознания. Культурогенетические процессы, с одной стороны, порождают культуру, а с другой – связывают факты и явления культуры в единую цепь развития. Иными словами, генетика культуры – это не только связность культурных форм и явлений по генезису (происхождению), но и их перманентное в рамках локальных общностей порождение» (с. 8). В этом случае вопросы архитектоники и сущности культуры, рассматриваемые авторами, вполне уместно сочетаются с обращением к культурному наследию. «Культурогенез» дополняется понятием «культурогенетика».

Но использование биологической терминологии сигнализирует о ряде проблем на стыке культурологии и биологии. И прежде всего генно-культурной коэволюции. В своё время считалось: «Задача культурологии – построить “генетику” культуры, которая бы не только объясняла историко-культурный процесс (в мировом и национальном масштабах), но могла бы его прогнозировать и в перспективе управлять им» [1, с. 15]. Ставились задачи выявления «гена» и «генетического кода» культурных феноменов как базисных структур, которые ответственны за сохранение и передачу социального опыта; изучение факторов, оказывающих расшатывающее, мутационное воздействие на «гены» культурно-исторических образований, перестраивающих их «код» в процессе творчества; изучение суммарных последствий такого развития, как реальной истории «очеловечивания» мира [1, с. 16]. Здесь и далее дорога культурологии оказалась, как не преминул заметить известный биолог Е. П. Гуськов, «вымощена биологической терминологией». В этой связи он и замечает, что сформулированные таким образом задачи «могут поставить в тупик даже самых ортодоксальных биологов – детерминистов» [2, с. 117]. И хотя нами, как и в рецензируемой книге, подчеркивалось, что в концептуальном плане предметом научного исследования культуры и её истории является прежде всего генезис, функционирование и развитие культуры как «специфически человеческого способа жизни», вопрос остаётся: «возможно ли толкование культуры на гомологической, родственной по происхождению с генами, основе?» [2, с. 117].

Такого рода фундаментальные вопросы не могут быть оставлены без ответа. В рецензируемой книге привлекает внимание обращение к идеям автора «Эгоистического гена» Р. Доукинса, предпринятое в статье В. В. Рябухиной «Передача информации в культуре: теория мемов – меметика». Во всяком случае, как замечает Е. П. Гуськов, в вопросах толкования культуры Доукинс «не решился использовать генетическую терминологию, придумав новое имя для нового репликатора – мем» [2, с. 117]. Более смело поступили Ч. Дж. Ламсен и Э. О. Уилсон, выдвинув теорию генно-культурной эволюции [3]. Здесь как минимум две проблемы. Первая – культура (как внебиологический способ передачи информации) замедляет коэволюцию, но отбрасывает ли она естественное развитие? Вписывается ли социальное развитие в эволюционный ряд? Конечно, человек – это осознавшая себя эволюция. Но продолжается ли эволюция, не служит ли сознание как продукт эволюции дальнейшему эволюционному ряду? Вряд ли можно сомневаться, что разум как продукт развивающегося сознания – продукт эволюции. Но только ли продукт, а каково его будущее? Культура знаменует рождение разума. Здесь и возникает тема: культура и гены. Впрочем, тема антропознания и коэволюции, лишь затронутая в рецензируемой работе, может получить самостоятельное обсуждение [4].

Несомненно, центральным для научного сборника остаётся вопрос о генетическом коде культуры. Приведём некоторые примеры. В статье А. К. Устина рассматривается вопрос о культурогенетических мутациях, который автором формулируется следующим образом: «о генетическом коде культуры и его трансформациях». Сразу же возникает вопрос: а возможны ли трансформации кода культуры, ведь культура при этом прекращает своё существование, разрушается. Хотя автор не останавливает внимание на происходящих на культурной поверхности фактов, а обращается к глубинно-генетическому уровню смыслов. В публикации В. В. Рябухиной происходит обращение (на наш взгляд, вполне оправданное) к теории мемов. Впрочем, основной тезис автора («эволюцией культуры управляет меметический выбор, осуществляемый

с целью копирования мемов») выглядит достаточно общим и нуждается во многих уточнениях. Что касается совместной публикации С. А. Боринской, А. В. Коротаева и Д. А. Халтуриной под общим названием «Мифы и гены: междисциплинарный подход к реконструкции дописьменной истории», в которой показано особое значение ареального распространения генетических маркеров (гаплотипы и гаплогруппы), то это не только междисциплинарный подход к реконструкции дописьменной истории, но и обращение к теме – «культура и гены».

Но ответ на поставленные выше вопросы содержится в фундаментальной статье В. С. Стёпина о программирующих функциях культуры: «Программы деятельности, поведения и общения – это социально значимая информация, которая закреплена в форме социокода. У человека есть две системы кодов, определяющих его жизнь: биокод (ДНК, РНК и другие генетические структуры, репрезентирующие его биологическое существование) и социокод, репрезентирующий программы его социального бытия» (с. 96). В.С. Стёпин сознательно перемещает исследование в пространство культуры, определяемой как «способ деятельности». Данное определение находит своё существенное уточнение: «Эти программы надстраиваются над биологическими, генетическими программами человека и регулируют формы их проявления» (1, с. 96). Итак, культура как способ регуляции деятельности истолковывается «как наличие особых надбиологических программ деятельности, поведения и общения». Система кодирования и передачи социальной информации переносится из биологической в социальную сферу, в знаковые системы. Культура хранит эти программы, транслирует их, а также генерирует новые. Положение о культуре как «исторически развивающемся социокоде», выдвинутое и обоснованное В. С. Стёпиным, приобретает основополагающий характер. Ведь обращение к биологической терминологии не может быть самодостаточным. Определение культуры как способа и процесса трансляции социального опыта возвращает нас к механизмам и закономерностям культурного наследования, внешне сходного, но существенно отличного от наследования в мире живой природы.

В заключение отметим, что составитель не мог не обратить внимание на то обстоятельство, что проблемы культурогенеза и культурного наследия внутренне едины. Дело в том, что, несмотря на то, что фигуры Э.С. Маркаряна и В. М. Массона – разные и в теоретическом отношении трудно сопоставимые, обращение к их идеям обусловило фундаментальность обсуждаемых проблем. Проблемы культурогенеза не только привлекали внимание, но и занимали важное место в научных исследованиях В. М. Массона, что и послужило отправной точкой для возрождения научной традиции петербургской школы культурогенетических исследований. Теоретическую значимость книге придают научные исследования, помещённые в данном томе и значительно расширяющие обсуждаемую тематику. Это статьи В. С. Стёпина, И.В. Кондакова, А.А. Пелипенко, А. Я. Флиера и других маститых учёных, да и творческая позиция составителя А. В. Бондарева – весьма продуктивна. Издание как проект оказалось успешным, что открыло пространство культурогенетики и позволило поставить вопрос о «механизме», «гене», «субстрате» культурной эволюции. Важно, что представленные материалы на практике продемонстрировали особенность культурологии как межпредметной области знания и в то же время обнажили её конститутивные основания.

Литература

1. Культурология / под науч. ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1998. 573 с.
2. Гуськов Е.П. Генетика. Эволюция. Культура. Ростов н/Д., 2007. 327 с.
3. Lumsden C.J., Wilson E.O. Genes, Mind, and Culture. The Coevolutionary Process. Cambridge, Massachusetts, 1981. 428 p.
4. Драч Г.В. Культура и разум: конвергенция или дивергенция? // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 37–48.

References

1. *Kul'turologiya* [Culturology]. Sc. ed. by G.V. Drach. Rostov-on-Don, 1998, 573 p.
2. Gus'kov E.P. *Genetika. Evolyutsiya. Kul'tura* [Genetics, Evolution, Culture]. Rostov-on-Don, 2007, 327 p.

3. Lumsden C.J., Wilson E.O. *Genes, Mind, and Culture. The Coevolutionary Process*. Cambridge, Massachusetts, 1981, 428 p.

4. Drach G.V. Kul'tura i razum: konvergentsiya ili divergentsiya? [Culture and Intelligence: Convergence or Divergence?]. *Voprosy filosofii*. 2003, No. 8, pp. 37-48.

Г.В. Драч,
профессор, доктор философских наук,
Южный федеральный университет

Непомнящий А.А. История и этнография Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь, 2015. 936 с.

В рецензируемом издании предпринята попытка свести в один библиографический корпус и проанализировать издания, статьи, сборники документов, тематически связанные с историей и этнографией Крыма, а также рукописи неизданных работ ученых-крымоведов. Представленный ретроспективный библиографический указатель является продолжением аналогичного масштабного научно-справочного издания, выпущенного А.А. Непомнящим в 2001 г. [1]. Новое издание включает в себя существенные дополнения (с. 714–823) к предыдущему списочному составу источников и литературы. Работа вошла в научную серию «Биобиблиография крымоведения» (Вып. 25), а также в новую серию «Крым в истории, культуре и экономике России». Она органично включает в себя элементы топо- и биобиблиографии, а также библиографии. Впечатляет общее количество наименований, внесенных в указатель – более 10,5 тыс. При этом А.А. Непомнящим в научный оборот было введено более 8,5 тыс. новых крымоведческих публикаций, не зафиксированных в предыдущих библиографических пособиях. Автор заявляет, что в справочник были включены все выявленные им исследования на европейских языках. Можно с уверенностью сказать, что крымоведческая библиография ещё не знала подобных работ. Основным критерием отбора публикаций для внесения в указатель, по мнению А.А. Непомнящего, послужило наличие в них информации по истории и этнографии крымских этносов, развития культуры в Крыму (с. 34). Однако объем и глубина выполненных автором работ по поиску источников и литературы позволяют говорить об оправданном использовании более масштабной исследовательской оптики, объект которой – Крым как особая историко-культурная контактная зона общеевропейского значения. В связи с этим рецензируемое издание заслуживает высокой оценки, исходя из потенциальных «ответвлений» выполняемого автором многолетнего проекта, – например библиографии по истории и культуре Крымского ханства, истории Степной Украины и т.п. В обозримом будущем может быть реализован аналогичный проект, включающий в себя библиографические записи не только на европейских языках, но и на крымскотатарском языке.

Следует остановиться на предисловии к указателю (с. 11–43), написанном А.А. Непомнящим. Оно, на наш взгляд, является самостоятельным научным исследованием в структуре рецензируемого издания, в котором подробно проанализировано развитие краеведческой библиографии Крыма, определены проблемы и некоторые перспективы дальнейшего исследования. Эти перспективы, конечно, не могут быть сведены только к библиографическому заполнению дальнейшей хронологии: с 1946 г. и до начала XXI в. Поэтапно раскрывая историографическую, источниковедческую и библиографическую картины изучения региона, автор дает подробную критическую характеристику каждому вышедшему справочно-библиографическому труду по крымоведению, показывает их значение как репрезентативного и во многом универсального историографического источника. Обращает внимание на необходимость работы с личными фондами ученых-крымоведов, вследствие чего указатель оправданно вырос в объеме, а наши знания о неизданном научном наследии крупнейших ученых умножились.

Ценным с точки зрения исследовательской практики и методики выполнения конкретного типа научных исследований является подробное изложение А.А. Непомнящим принципов работы в ходе систематизации им многочисленных материалов. Отдельно стоит сказать о том, что при подготовке издания он провел перепроверку «de visu» всех библиографических записей, включенных в указатель. Им были просмотрены, например, все периодические издания, выходившие в Крыму на русском языке с 1921 по 1945 г. В этом видится еще одна заслуга ученого, поскольку не придется тратить лишнее время на сверку и уточнение библиографических сведений, включенных в его указатель.

Как уже отмечено, рецензируемое издание является уникальным в пространстве крымоведческой библиографии. В то же время оно выглядит оригинальным по отношению к другим региональным научно-справочным изданиям, например к библиографическому справочнику М.Е. Колесниковой [2]. Этот указатель содержит меньшее количество записей – 7048, а его автор попыталась впервые в науке собрать под одной обложкой предварительный список различных опубликованных изданий, тематически связанных с историей и культурой Северного Кавказа, соседнего с Крымом региона. Авторы по-разному структурировали интересующий их материал, что может стать предметом отдельной критической публикации. Однако

по некоторым основаниям можно судить о том, что указателем А.А. Непомнящего будет пользоваться быстрее и удобнее: в его основе – алфавитный перечень авторов и публикаций; издания, имеющие отдельную библиографическую запись, расписаны также по авторам; имеется авторский указатель; и пр.

Рецензируемый указатель 2015 г. можно рассматривать не только как библиографическую базу данных, но также как историографический источник по крымоведению, как важный момент в комплексном осмыслении научного изучения истории и этнографии Крыма. По сравнению с изданием 2001 г. в книге отсутствует отдельный указатель крымских периодических изданий, выходящих на русском языке в указанный период времени. Некоторые издания, включенные в указатель, на наш взгляд, не имеют прямого отношения к истории и этнографии Крыма, а посвящены вопросам, связанным с его гидрографией, тяжелой металлургией и пр. Таковы записи под номерами 784, 792, 4276, 4711 и др. Нельзя исключать новых находок по теме указателя в библиотеках и других хранилищах, хорошо известных А.А. Непомнящему [3]. Однако все это не снижает высокого историографического, источниковедческого и информационного значения рецензируемого библиографического указателя, которому уготована долгая научная жизнь.

Литература

1. *Непомнящий А.А.* История и этнография Крыма: Библиография и архивы, конец XVIII – начало XX века / отв. ред. Л.А. Дубровина; вступ. ст. В.Ф. Шарапы. Симферополь, 2001. 816 с.
2. Историография и источниковедение истории Северного Кавказа (вторая половина XVIII – первая треть XX века) : Библиогр. указатель. Предварительный список / авт.-сост., предисл. и прим. М.Е. Колесникова; науч. ред. М.П. Мохначева. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2012. 312 с.
3. *Кизилов М.* Рукописные дневники Х.Х. Стевена: неизвестный источник по истории Кавказа, Крыма и Южной России // «Таврика»-2. 130 лет краеведческой библиотеке Крыма. Симферополь, 2003. С. 75–80.

Reference

1. *Nepomnyashchii A.A.* *Istoriya i etnografiya Kryma: Bibliografiya i arkhivy, konets XVIII - nachalo XX veka* [History and Ethnography of Crimea: Bibliography and Archives, the end of XVIII - the beginning of the twentieth century]. Ed. by L.A. Dubrovin; intr. by V.F. Sharapa. Simferopol, 2001, 816 p.
2. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii Severnogo Kavkaza (vtoraya polovina XVIII - pervaya tret' XX veka) : Bibliogr. ukazatel'. Predvaritel'nyi spisok* [Historiography and Source Study of History of the North Caucasus (the second half of XVIII – the first third of the XX century). Bibliographic Index. Preliminary list]. Com., intr., notes by M.E. Kolesnikov; sc. ed. M.P. Mokhnacheva. 2nd issue, comp. and ed. Stavropol, 2012, 312 p.
3. *Kizilov M.* *Rukopisnye dnevniki Kh.Kh. Stevena: neizvestnyi istochnik po istorii Kavkaza, Kryma i Yuzhnoi Rossii* [Handwritten Diaries of H.H. Steven: unknown source on the history of the Caucasus, the Crimea and Southern Russia]. «Tavrika»-2. 130 let kraevedcheskoi biblioteke Kryma [“Taurica”-2. 130th Anniversary of the Crimean Regional Library]. Simferopol, 2003, pp. 75-80.

Д.В. Сень,

доктор исторических наук, профессор
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета

М.Е. Шалак,

кандидат исторических наук, доцент
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.18522/0321-3056-2017-1-105-106

Дни памяти Ф.М. Достоевского в Ростове-на-Дону (9–11 февраля 2017 г.)

На юге России прошли очередные, уже ставшие доброй научно-просветительской традицией, мемориальные мероприятия, посвященные 136-й годовщине со дня смерти нашего великого соотечественника. В этом году основной темой встреч и дискуссий, заявленных в программе, стала «Ф.М. Достоевский как публицист и мыслитель». Главными организаторами Дней памяти выступили кафедра отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, кафедра истории русской философии и теоретического россиеведения Института философии и социально-политических наук ЮФУ, Межведомственный научный отдел истории русской философии и культуры ЮФУ и ИФРАН, а также открытое студенческое литературное общество ЮФУ при поддержке Донской государственной публичной библиотеки и Центра творческой педагогики (руководитель – М.Н. Кирносова). Организаторами этого научно-просветительского комплекса была проведена предварительная большая информационная работа, в которой приняли участие научный совет студентов и аспирантов ИФиСПН ЮФУ, а также других подразделений ЮФУ и вузов юга России.

Все мероприятия проводились в рамках перспективного гуманитарно-просветительского проекта (2011–2021 гг.) «Достоевский и другие: навстречу 200-летию со дня рождения писателя». Автором и главным координатором осуществления проекта является член Российского общества Ф.М. Достоевского, доцент кафедры отечественной литературы ИФЖиММК ЮФУ Г. Черюкина.

К участию были приглашены крупные ученые (в их числе профессора Я.М. Ерусалимский, Я.А. Перехов, Н.В. Бекетова), известные писатели, публицисты, деятели культуры, преподаватели вузов, школ и других учебных заведений, а также студенты, школьники и их родители. Широкий охват разнообразной аудитории, участие в мероприятиях специалистов различных областей знаний обусловили насыщенность заявленной программы, успешно осуществленной в ходе работы Дней памяти.

В Донской публичной библиотеке состоялось торжественное открытие мемориальных дней. С приветственным словом выступил известный писатель и общественный деятель Н. Ерохин. Здесь же, в большом выставочном зале, согласно заявленной программе, прошло заседание круглого стола «Значение идей Ф.М. Достоевского в современном обществе» под руководством председателя оргкомитета, заведующего межведомственным научным отделом истории русской философии и культуры ЮФУ и ИФРАН профессора Н.А. Ерыгина. Самое активное участие в полемике приняли преподаватели ИФиСПН ЮФУ. Состоялось обсуждение актуальных проблем научно-общественного характера, представленных в сообщениях М.А. Дидык, О.А. Мурадян, Н.А. Басенко, В.Н. Климентова и др. Самым юным участником заседания стал помощник главного координатора студент 2-го курса ИФЖиММК ЮФУ А. Тищенко.

Не менее насыщенно прошел второй день работы в формате научной межвузовской конференции «Ф.М. Достоевский и большая наука: роль и значение идей писателя в движении научной мысли XX–XI вв.». Пленарное заседание состоялось на базе ИФЖиММК ЮФУ. Прозвучали доклады различных ученых специалистов. Наибольший интерес вызвали выступление доцента кафедры отечественной литературы Г.Л. Черюкиной с докладом на тему «Достоевский и Эйнштейн. При чем здесь Гаусс?» и доклад профессора Ростовской консерватории им. Рахманинова Н.В. Бекетовой «Достоевский и русская музыка: актуальные проблемы современной семиотики».

Завершающим мероприятием в третий день стала просветительская встреча ученых, преподавателей, школьников и их родителей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся творчеством

Ф.М. Достоевского, состоявшаяся в Центре творческой педагогики «Черепаша», которая более чем соответствовала заявленной в программе теме: «Разговор о Достоевском: диалог поколений».

Е.В. Белопольская,
кандидат филологических наук, заведующая кафедрой
отечественной литературы
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

**Всероссийская научно-просветительская конференция
«Личность. Общество. Государство. Проблемы развития
и взаимодействия» (XXX Адлерские чтения)
(г. Адлер, 7–11 октября 2016 г.)**

Всероссийская научно-просветительская конференция проходила с международным участием. Ее организаторами выступили Администрация и Законодательное Собрание Краснодарского края, Краснодарская региональная просветительская общественная организация «Знание», филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Краснодаре, Кубанский государственный университет.

Тема очередной сессии Адлерских чтений продолжила проблематику становления российского государства и гражданского общества, утвердившуюся в качестве приоритетной с 2009 г. Особое внимание в ходе настоящей сессии было уделено проблемам взаимодействия личности, общества, государства в сфере науки, образования и просвещения. Предложенные направления вызвали интерес не только российских ученых из 29 городов 25 субъектов 7 федеральных округов РФ, но и их зарубежных коллег из Республик Абхазия, Беларусь, Болгария, Словакия.

Пленарное заседание открылось презентацией работы доктора исторических наук, проф. А.А. Зайцева, члена Общественной палаты РФ, председателя правления Краснодарской региональной просветительской общественной организации «Знание», директора филиала СПб ИВЭСЭП в г. Краснодаре. Презентация отразила важнейшие вехи и достижения проекта «Адлерские чтения», который был начат в 1995 г. и успешно реализуется до сих пор. В духе приоритетного направления сессии прозвучал доклад декана факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского госуниверситета, доц. А.В. Ващенко «Независимость государства – это независимость образования». Докладчик охарактеризовал ситуацию вокруг российского образования в последние годы как тревожную и крайне нестабильную, а главное – определил самую насущную его задачу в современных условиях. Были сформулированы некоторые предложения (ориентация национальной образовательной системы на потребности собственного государства, развитие внутрироссийской академической мобильности и национальной грантовой системы), однако непременным условием решения проблемы является разработка концепции, моделирующей цивилизационные характеристики в геоэкономическом и геополитическом пространстве.

Особое звучание приобрел доклад доктора теологии, директора Института по правовым аспектам религиозной свободы Университета г. Трнавы (Словакия) Михаэлы Моравчиковой, обратившейся к наследию Людовита Штура. Работа видного деятеля национального возрождения и кодификатора словацкого языка, названная «Славянство и мир будущего» и относящаяся к первой половине XIX в., представляла собой социологический анализ социальных и духовных отношений тогдашнего европейского общества с акцентом на место славянских народов в Европе и истории мира.

Доклад проф. С.А. Кислицына (ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов н/Д) был посвящен основным тенденциям в развитии элит и контрэлит Украины в свете социально-политического кризиса и военного противостояния в Донбассе. По мнению автора, в условиях складывания де-факто на Украине квазитоталитарного националистического режима трудно говорить о возможности в будущем повышения качества и эффективности национальной политической элиты, о повышении демократической активности масс, о соблюдении законности и т.п. Сейчас перед украинским обществом объективно стоит только одна главная задача – прекращение внутреннего военного и гражданского противостояния на относительно взаимоприемлемых условиях.

Активное взаимодействие участников конференции происходило и в ходе работы двух параллельных секций. На секции I «Проблемы философии, образования и права» прозвучало 12 выступлений, причем доминировала философская проблематика. Вызвали интерес работы А.А. Лагунова (СКФУ, г. Ставрополь), Е.В. Сердюковой (ЮФУ, г. Ростов н/Д), Н.Г. Карнишиной (ПГУ, г. Пенза), Е.Ю. Голубевой (АФУ, г. Архангельск). В докладах освещалось наследие Ф.М. Достоевского, Н.О. Лосского и др.

На секции II «Проблемы истории, политологии и социологии» состоялось 9 выступлений, охвативших достаточно разнообразный спектр тем. Тон острым дискуссиям задали политологи: известный историк и

политолог А.В. Баранов (КубГУ, г. Краснодар), Н.Л. Еремина (ТГУ, г. Томь), А.А. Бершадская (Краснодарский филиал ФГУ). В докладе И.Г. Тажидиновой (КубГУ, г. Краснодар) изложена история первого открытого судебного процесса над немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в г. Краснодаре в июле 1943 г. Живой интерес вызвало выступление казачьего генерала, депутата ЗСКК В.П. Громова, посвященное истории формирования краснодарской казачьей школы живописи.

Конференция прошла на современном технологическом уровне, в частности ряд докладов зарубежных ученых и круглый стол с участием известного и популярного политолога, директора Института политических исследований, члена Совета по внешней и оборонной политике С.А. Маркова (г. Москва), были представлены с использованием электронных средств.

И.Г. Тажидинова,
кандидат исторических наук, доцент,
Кубанский государственный университет

Научно-образовательный и прикладной журнал
ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах: – «Заметки о книгах»; – «Научная жизнь»; – «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки и археология.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ – договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Печатный и электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.18522/0321-3056-2017-1.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2017. № 1